

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2024

Том 24

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Никифоров Я. А. Кризис легитимности государственной власти в развитии капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса 368

Калиникова М. В., Толоч Е. С. О роли гуманитарного образования в формировании гражданских ценностей студенческой молодежи 375

Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Неравенство саратовской молодежи: социально-демографический контент 382

Звонок А. А. Применение искусственно сгенерированных данных при разработке и внедрении математико-статистических методов в проблемное поле социологии 389

Mogilevich B. R. Deconstruction of a text in network communication: Hypertext as a new mechanism of social communication
[Могилевич Б. Р. Деконструкция текста в сетевой коммуникации: гипертекст как новый механизм социальной коммуникации] 399

Слово молодым социологам

Юренков И. Н. Оборонно-промышленный комплекс как фактор социально-экономического роста 404

Тимофеева А. В. Социально-экономические аспекты современного пенсионного обеспечения военнослужащих Российской Федерации 410

Андряков П. А. Формирование потребности здорового образа жизни студенческой молодежи: тенденции на рынке физкультурно-оздоровительных услуг 415

Фомина М. О. Военнослужащие запаса как объект социологического исследования 421

Политология

Казаков А. А. Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст 426

Фантров П. П., Садовников Е. С. Концепт «патриотизм» в социально-политическом дискурсе 435

Кузнецов И. И., Петрова Ю. В. Экстрарациональный компонент государственной политики в отрасли авиастроения России 443

Абрамов А. В., Алексеев Р. А. Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем 451

Коробов А. А. Государственная миграционная политика стран ЭКОВАС: основные направления и тенденции 459

Бахлова О. В., Макшаева Е. Н. Соотечественники в современной политической повестке России 467

Слово молодым политологам

Анциферов М. Е. Основные научные трактовки взаимосвязей общегражданской идентичности молодежи и национальной безопасности Российской Федерации 476

Юшков И. П. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере патриотического воспитания: опыт Нижегородской области 482

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.2024.

Подписано в свет 29.11.2024.

Выход в свет 29.11.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 144-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: muninaov@sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журналов авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Nikiforov Ya. A. The critical social theory of J. Habermas on the crisis of state power legitimacy in the advanced capitalist society 368

Kalinnikova M. V., Tolok E. S. On the role of humanitarian education in the formation of students' civic values 375

Ivchenkov S. G., Shakhmatova N. V. Inequality of Saratov youth: Socio-demographic content 382

Zvonok A. A. Application of artificially generated data in development and implementation of mathematical-statistical methods in the problem field of sociology 389

Mogilevich B. R. Deconstruction of a text in network communication: Hypertext as a new mechanism of social communication 399

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

Yurenkov I. N. The military-industrial complex as a factor of socio-economic growth 404

Timofeeva A. V. Social and economic aspects of modern pension provision for military personnel of the Russian Federation 410

Andryakov P. A. The formation of the need for a healthy lifestyle among students: Market trends of physical education and wellness services 415

Fomina M. O. Reserve servicemen as an object of sociological research 421

Politology

Kazakov A. A. Media practices of "digital" generation: Political context 426

Fantrov P. P., Sadovnikov E. S. Concept "patriotism" within socio-political discourse 435

Kuznetsov I. I., Petrova Iu. V. Extra-rational component of state policy in the Russian aircraft industry 443

Abramov A. V., Alekseev R. A. Post-soviet states of Central Asia: A comparative analysis of political systems' transformation 451

Korobov A. A. State migration policy of ECOWAS countries: Main directions and trends 459

Bakhlova O. V., Makshaeva E. N. Compatriots within the modern political agenda of Russia 467

New Voices: Young Political Scientists' Research

Antsiferov M. E. Main scholarly interpretations of the relationship between general civic identity of young people and national security of the Russian Federation 476

Yushkov I. P. Interaction of public authorities and civil society institutions in the field of patriotic education: The experience of the Nizhny Novgorod region 482

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

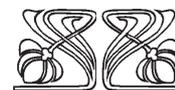
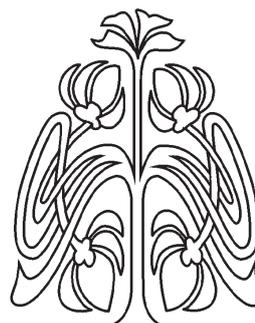
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

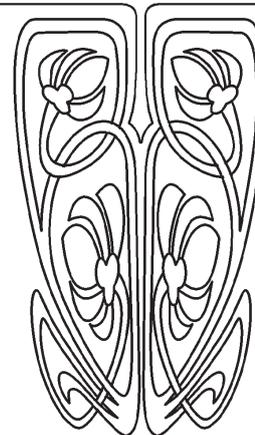
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

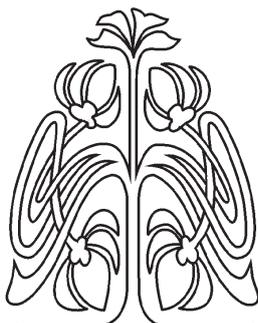

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–374

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–374

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>

EDN: BFEXRT

Научная статья

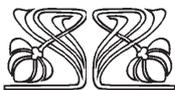
УДК 316.257

Кризис легитимности государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса

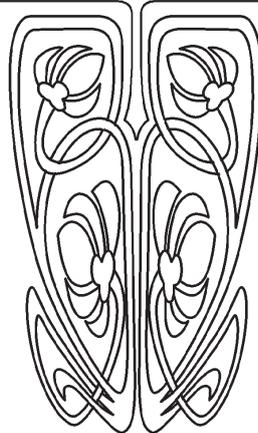
Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса легитимации государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса. Сегодня на фоне происходящих тектонических сдвигов в миропорядке западные государства развитого капитализма сталкиваются с проблемами, разрешить которые властным элитам становится все труднее. Под угрозой утраты легитимности находятся такие категории, как государство, демократия. Кризис легитимности позднего капиталистического общественного устройства отнюдь не является новым феноменом для социальной науки. Размышления Хабермаса основаны на концепциях и принципах, разработанных им в рамках критической социальной теории. Он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; в терминах дискурсивной модели практической рациональности – подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения не признают рационального консенсуса. Стабильность капиталистической социальной формации зависит от сохраняющейся эффективности легитимации, которая не выдерживает дискурсивной проверки. Центральной проблемой является отсутствие нормативной базы общественного согласия. Хабермас убежден в том, что можно обеспечить нормативное согласие на межсубъективной основе, обратившись к понятию неискаженной коммуникации. Можно установить какое-то нормативное соглашение, с точки зрения которого деятельности государства может быть придана легитимность. Не то чтобы это, вероятно, обеспечило легитимность либерального капиталистического государства, скорее, потребности и интересы, которые были бы основой нормативного соглашения и могли быть установлены в ситуации неискаженного общения, указывали бы путь к преобразованию капиталистического общества, модели господства которого заставляют людей систематически заблуждаться относительно своих мотивов и интересов.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, кризис легитимации, развитый капитализм, нормативное соглашение, неискаженная коммуникация, практический дискурс, критическая социальная теория

Для цитирования: Никифоров Я. А. Кризис легитимности государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–374. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>, EDN: BFEXRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The critical social theory of J. Habermas on the crisis of state power legitimacy in the advanced capitalist society

Ya. A. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Abstract. The article is devoted to the problem of the crisis of the state power legitimization in advanced capitalist society studied in the critical social theory of J. Habermas. Today, against the background of ongoing tectonic shifts in the world order, the Western states of advanced capitalism are facing the problems that are becoming increasingly difficult for the ruling elites to solve. The categories such as the state and democracy are under the threat of loss of legitimacy. The crisis of legitimacy of the late capitalist social order is by no means a new phenomenon for social science. J. Habermas's reflections are based on concepts and principles developed by him within the framework of critical social theory. He argues that the main contradiction of the capitalist order remains the private appropriation of state wealth; in terms of the discursive model of practical rationality: the suppression of generalized interests through treating them as private. As a result, political decisions do not recognize a rational consensus. The stability of the capitalist social formation depends on the continued effectiveness of legitimation, which does not stand up to discursive scrutiny. The central problem is the lack of a regulatory framework for public consent. J. Habermas is convinced that it is possible to ensure normative agreement on the intersubjective basis by referring to the concept of undistorted communication. It is possible to establish some kind of regulatory agreement, from the point of view of which the activities of the state can be given legitimacy. Not that this is likely to ensure the legitimacy of a liberal capitalist state; rather, the needs and interests that would be the basis of a normative agreement and that could be established in a situation of undistorted communication would point the way to the transformation of a capitalist society, which models of domination cause people to systematically err about their motives and interests.

Keywords: J. Habermas, crisis of legitimization, advanced capitalism, normative agreement, undistorted communication, practical discourse, critical social theory

For citation: Nikiforov Ya. A. The critical social theory of J. Habermas on the crisis of state power legitimacy in the advanced capitalist society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>, EDN: BFEXRT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня на фоне происходящих тектонических сдвигов в миропорядке все более очевидным становится кризис западной модели общественного устройства. Коллективный Запад, репрезентируемый странами G7, ежедневно сталкивается с нарастающим снежным комом нерешенных социальных, политических, экономических и других проблем. Нынешние властные, политические элиты не справляются с их решением. Перечень проблем значителен и внушителен: сокращение и оскудение среднего класса (традиционного основания западного общества); проблемы миграций и социальной интеграции мигрантов; активное продвижение «зеленого курса» и идеологическая борьба с традиционной энергетикой; агрессивная борьба с традиционными ценностями и исторической идентичностью, продвижение ценностей ЛГБТ, культура отмены и критическая расовая теория. В итоге этих процессов рушится единство обществ западных стран, размываются его ценностные основы и идентичность. Сегодня под угрозой утраты легитимности находятся такие, казалось бы, неколебимые категории, как государство, демократия. Вполне естественно, что такие серьезные сдвиги нуждаются в осмыслении и поиске

рецептов преодоления кризисных явлений. Политические режимы западных стран остро нуждаются в восстановлении исчезающей легитимности, т.е. согласия общества с государственной властью, его добровольного признания за ней права принимать обязательные для всех решения.

Однако кризис легитимности позднего капиталистического общественного устройства отнюдь не является новым феноменом для социальной науки, он находится на повестке дня в большей или меньшей степени остро уже свыше полувека. Впервые поставил проблему и выработал первые подходы к ее осмыслению один из ярчайших мыслителей современности, представитель франкфуртской школы социологии Ю. Хабермас. Тенденция развития дефицита легитимации в современных капиталистических государствах является, по его мнению, фундаментальной проблемой для таких обществ и наиболее очевидной угрозой их выживанию. Таким образом, концепция легитимации имеет центральное значение для Хабермаса, и под ней он понимает, что существуют веские аргументы в пользу того, что утверждение политического порядка считается правильным и справедливым, пока

признается ценность политического порядка. Проблема кризиса легитимации заключается в том, что растущее вмешательство государства в экономическую деятельность может стать легитимным для тех, кто затронут влиянием государства в этой сфере. Главный вопрос заключается в том, существуют ли в обществе нормативные ресурсы, на которые государство может опираться для обоснования и поддержания вмешательства в общественную жизнь, чтобы избежать дисфункциональных последствий для общества?

Размышления Хабермаса о противоречиях и кризисных тенденциях, эндемичных для «продвинутого» или «организованного» капитализма, основаны на концепциях и принципах, разработанных им в рамках критической социальной теории. Если коротко, он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; в терминах дискурсивной модели практической рациональности – подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения, отражающие существующий организационный принцип общества *ipso facto*¹, не признают рационального консенсуса. Они не могут быть оправданы общим и неограниченным обсуждением того, что в свете существующих и возможных обстоятельств отвечает наилучшим интересам всех, кого они затрагивают. Следовательно, стабильность капиталистической социальной формации зависит от сохраняющейся эффективности легитимации, которая не выдерживает дискурсивной проверки. Иными словами, проблема заключается в том, как распределить социально производимое богатство несправедливо и в то же время законно.

Критика Хабермаса, по существу, принимает марксистскую форму: семена нового общества вызревают в недрах старого. Но это критика с важными отличиями от марксистской. Во-первых, беременные будущим кризисные тенденции находятся не в экономической, а в социально-культурной сфере; они непосредственно касаются не воспроизведения материальных условий жизни, а воспроизводства надежных структур социального взаимодействия. Таким образом, Хабермас пытается обосновать вероятность кризиса легитимации, а не экономического коллапса. Другие важные

различия касаются структуры и статуса аргументации. Хабермас выделяет четыре типа «возможных кризисных тенденций» в развитии капитализма: тенденции, укорененные в системе функционирования экономики и управления; с потребностями в легитимации и мотивации [1, с. 77–86]. Любая из этих тенденций или, что более вероятно, их сочетание может перерасти в реальный кризис (впрочем, не обязательно, что он произойдет). Соответственно, вопрос, к которому обращается Хабермас, заключается в том, можно ли систематически предсказывать кризис развитого капитализма сегодня? Его ответ – не точное «да» и не точное «нет», а квалифицированное обоснованное рассуждение.

«Взаимосвязь экономической системы с политической, которая в определенной степени деполитизирует производственные отношения, в свою очередь усиливает потребность в легитимации: госаппарат, который уже не просто гарантирует, как при либеральном капитализме, общие условия производства в виде создания предпосылок стабильности процесса воспроизводства, но и инициативно в них включен, так же нуждается в легитимации, как и докапиталистическое государство» [1, с. 62].

Вопросы, поставленные Хабермасом, стали остро актуальны в последние годы из-за неспособности капиталистических государств поддерживать растущий уровень жизни для всех граждан. Более того, он полагает: мнение о том, что фундаментальные проблемы легитимации могут быть ликвидированы в результате дивидендов экономического роста, всегда является ошибочным, так как эти проблемы усугубились самим успехом капиталистического развития. Капитализм укрепил ожидания относительно потребления, и это усилило давление на правительства с целью заставить экономику производить больше товаров. Непредоставление товаров для удовлетворения ожиданий становится негативной характеристикой рынка, исправить которую стало задачей правительства. На более ранних этапах капиталистического развития, по мнению Хабермаса, функционирование капиталистического рынка опиралось на ряд интернализированных ограничений спроса и потребления, которые разрушил сам успех капитализма. Капитализм зависел от культурной традиции, которая прежде регулировала поведение и которая до сих пор могла предполагаться как ограничение по-

¹ Явочным порядком (лат.).

литической системы «по умолчанию». К числу культурных факторов, которые Хабермас считает важнейшими для поддержания капитализма, относятся: гражданский приватизм, семейный и профессиональный приватизм, религиозная этика достижения среднего класса, фатализм низших классов, протестантская этика и отказ от немедленного удовлетворения. Все эти факторы обуславливали как экономическую, так и политическую сдержанность и промышленную стабильность. Кроме того, они предоставляют целый ряд ресурсов, с точки зрения которых личность получает представление о своей собственной самобытности. Эти факторы составляют культурные ограничения капиталистического общества, но, как ни парадоксально, капитализм не может сам воспроизводить эти черты, а, напротив, его успех разрушает их, в результате чего капиталистические общества начинают «паразитически питаться остатками традиции», которую капитализм сам истощил: «...буржуазная культура в целом также никогда не могла воспроизводить саму себя из собственных фондов; она всегда зависела от мотивационно эффективного дополнения посредством традиционалистских картин мира» [1, с. 131].

Хабермас рассматривает предкапиталистическую культурную традицию как выполнение ряда функций по обеспечению социальной интеграции и формированию у людей чувства нравственной идентичности. Моральная основа торговли не может стать частью процесса торговли. Эта идея была, пожалуй, наиболее лаконично изложена в изречении Дюркгейма о том, что «в договоре не все договорно» [2, с. 199]. Экономическая деятельность зависит от согласия в отношении этого диапазона ценностей для эффективной работы. Без такого согласия, являющегося опорой того, что Хабермас называет миром социокультурной жизни, не было бы никаких оснований для экономического развития. Однако эти социальные ценности, по его мнению, изначально были основаны на религиозных убеждениях, а развитие капитализма само по себе разрушило религиозную основу этих убеждений и заменило их формой морального индивидуализма. Рост свободной экономической деятельности привел к развитию морального индивидуализма, желчь которого разъярила систему традиционных верований. Моральный индивидуализм принес субъективизм и невежество, а это

является негодным основанием для становления социальных ценностей, которые имеют центральное значение для рыночной деятельности. Если отсутствует убедительный механизм установления социальных норм, то эти нормы окажутся во власти индивидуальных интересов и толкования.

Хабермас последовательно рассматривает, критикует и отвергает возможные варианты выхода из сложившегося положения.

Первый: если проблема легитимации обостряется в результате растущей взаимосвязи между экономическим и политическим секторами, тогда наиболее очевидным решением будет попытка разорвать их, отказаться от государственного вмешательства в экономику с точки зрения поиска социальной справедливости и поддержать социал-натуралистские установления рынка как в принципе беспринципные. Таким образом, государство перестает быть источником обиды для тех, чья распределительная доля не соответствует их субъективному понятию заслуг и избегает нравственного наследия, на котором основан капитализм, отказываясь от мнения, что рынок ограничен какими-либо конкретными существенными моральными принципами. По мнению Хабермаса, этот вариант невозможен, так как функциональной слабости рынка в сочетании с тем фактом, что неограниченный рынок слишком четко выявит проявление социальной власти, будет достаточно, чтобы вызвать крах любой идеологической основы с точки зрения справедливости. «Условием являются равные шансы на участие в конкурентной борьбе, которая регулируется таким образом, что внешние воздействия могут быть нейтрализованы. Подобным механизмом распределения являлся рынок; однако с тех пор даже широким слоям населения стало известно, что посредством меновой торговли реализуется социальное насилие. Рынок как механизм распределения системно-конформных жизненных шансов по вкладу потерял свою убедительность» [1, с. 137]. Легитимация рынка не позволяет людям осознать свое достоинство и ценность и не создает никакой связи между личностью и социальной жизнью.

Второй вариант: практическая альтернатива проблеме легитимации в рамках либерального капиталистического государства заключается в принятии сочетания политики и экономики, превратив управление экономикой в чисто инструментальный административ-

ный сюжет. Проблемы управления становятся техническими трудностями, которые предстоит решить экономистам и администраторам. Такая теория, основанная на теории систем, стремится обеспечить автономность решения от договорного мира ценностей. Однако неудивительно, что Хабермас отвергает эту точку зрения, поскольку не видит, как она может избежать нормативных проблем. Если административные решения могут регулярно выполняться против интересов тех, кого они затрагивают, то это должно рассматриваться как выполнение признанных норм. Если это так, утверждает Хабермас, то должна существовать возможность того, что данные нормы будут защищены от критики, т. е. это зависит от мировоззрения, которое узаконивает авторитет административной системы. «Воспроизводство высококомплексных обществ не оставляет никакого другого выбора, кроме как закрепить необходимую рефлексивность общества не в демократически организованной общественности, а в административной системе, в достаточной мере, огражденной от партий и публики» [1, с. 219]

Мы вернулись к центральной проблеме: что это за нормы и как в современном мире они должны быть утверждены?

Хабермас убежден в том, что можно обеспечить нормативное согласие на межсубъективной основе, обратившись к понятию неискаженной коммуникации. Можно установить какое-то нормативное соглашение, с точки зрения которого деятельности государства может быть придана легитимность. Не то чтобы это, вероятно, обеспечило легитимность либерального капиталистического государства, скорее, потребности и интересы, которые были бы основой нормативного соглашения и могли быть установлены в ситуации неискаженного общения, указывали бы путь к преобразованию капиталистического общества, модели господства которого заставляют людей систематически заблуждаться относительно своих мотивов и интересов. Хабермас здесь рассуждает как об этике, так и о метаэтике. Этический смысл заключается в том, что он показал, что общественная жизнь действительно зависит от морального согласия как для утверждения базы для личной идентичности, социальных ценностей и целей, так и для обеспечения социально-нормативной основы, на которой может осуществляться интересосубъективная экономи-

ческая и политическая деятельность. Традиционная мораль выполняла эту роль, но либеральный капитализм сталкивается с кризисом авторитета, потому что он вызвал кризис социального единства. Традиционные нравственные связи были разрушены капитализмом, и нет ресурсов для обеспечения его власти. Требуется новое соглашение о нормах и ценностях для обеспечения социальной интеграции. Однако современное моральное мышление в высшей степени субъективно и невежественно, репрезентируя индивидуализм, который сам по себе является продуктом капитализма, и Хабермас вынужден развернуть метаэтическую теорию, чтобы продемонстрировать, как может быть сформировано такое соглашение. Это делается через идею неискаженного общения. В основе нового нормативного соглашения будут лежать потребности и интересы, которые, по мнению людей, являются общими. Достигается это через рассуждения, дебаты о своей жизни и своих целях в условиях отсутствия любого давления со стороны власти.

На первый взгляд эта идея может выглядеть предельно идеалистической, «не в ногу с реальностью», по мнению Лумана. Но Хабермас утверждает, что она не абстрактна и не мифична. Чтобы создать новую основу для нормативного согласия, и если это должно быть сделано путем обращения к контрфактуальному понятию согласия, достигнутому в ситуации неискаженного диалога, то так или иначе это должно выглядеть как не совсем абстрактное и лишнее здравого смысла и повседневного опыта. По мнению Хабермаса, идея неискаженного общения, хотя и контрфактуальна, не является абстракцией обычной речи и дискурса, потому что приверженность истине и рациональности содержится внутри обычного дискурса.

«Как бы ни деформировалась интересосубъективность взаимопонимания, конструкция идеальной речевой ситуации обязательно подразумевается в структуре потенциальной речи, поскольку вся речь, даже намеренный обман, ориентирована на идею истины. Эта идея может быть проанализирована в отношении консенсуса, достигнутого в ходе неограниченных и универсальных дискуссий. В той мере, в какой мы осваиваем средства построения идеальной речевой ситуации, мы можем осмыслить идеи истины, свободы и справедливости, которые проникают друг в друга» [3, с. 368].

Речь вообще, считает Хабермас, подразумевает приверженность определенным универсальным стандартам – истинности, обоснованности, рациональности и т.д., и можно получить некоторый контроль над тем, что мы понимаем под этими понятиями из идеи дискурсивно согласованного консенсуса, свободного от господства, при котором все участники диалога имеют равный доступ к диалогу, все ко всем относятся с уважением, и единственным принуждением является приверженность аргументации и стремление к диалогу. Если принять, что в содержании речи содержатся определенные социальные ценности, то существует вероятность определить условия, при которых могли бы быть достигнуты регулятивные идеалы, воплощенные в речи. Это возможно в дискурсивном диалоге, не искаженном властью. Нормативные требования, вытекающие из такого дискурсивного консенсуса, будут иметь силу. При данном подходе рождаются нормы, которые могут быть приняты всеми. Таким образом, проблема, возникшая в кризисе легитимации, становится для Хабермаса вопросом: каким образом на конкретном этапе развития при данном состоянии развития производительных сил члены определенной общественной системы коллективно обязывающим образом интерпретировали бы свои потребности и какие нормы они признали бы справедливыми, если бы с достаточным знанием пограничных условий и функциональных императивов своего общества они могли бы и хотели в дискурсивном волеобразовании определять организацию общественных отношений? [1, с. 187]. Ученый пришел к выводу, что если бы нормы капиталистического общества могли бы выдвигаться для рационального рассмотрения без насилия, они не были бы одобрены теми, кто в настоящее время им привержен. Проблемы легитимации нельзя решить без нового нормативного соглашения, которое может быть обеспечено только рациональным консенсусом, описанным Хабермасом. Если этого не сделать, то общество останется с невежественным взглядом на мораль, основанную на пропаганде (в основе которой лежит неестественное согласие, а не дискурсивный диалог и стремление к истине). Реальная политика и этика тесно связаны в теории Хабермаса: «...практические вопросы являются истинностными. Если это так, то нормы, которые могут быть легитимированы, следу-

ет отличать от норм, которые стабилизируют отношения власти. До тех пор пока нормы выражают универсализуемые интересы, они основываются на разумном консенсусе (или же они могли бы найти подобный консенсус, если бы практический дискурс имел место). Если же нормы не регулируют универсализуемые интересы, они основываются на насилии» [1, с. 183].

Основными трудностями практической реализации теории легитимации через дискурсивный всеобщий диалог представляются следующие.

Во-первых, в неискаженной речевой ситуации людей будут волновать рассуждения о нормах, которые могут стать основой нового соглашения, и они станут руководствоваться в этом неявными ценностями. Диалог будет касаться выявления общих потребностей, интересов, блага, единства и т.д. Но почти наверняка такие сложные концепции, как эти, всегда будут оспариваться, просто из-за априорных различий во взглядах на человеческую природу и реалии общественной жизни. Вполне может быть, как утверждает Хабермас, что в обществе, отмеченном неограниченным использованием социальной власти, одна из интерпретаций этих понятий становится доминирующей и превращается в «идеологию», но это не означает, что если бы источники господства и власти были исключены, было бы возможно прийти к единому и идеологически нейтральному набору терминов для определения нормативного соглашения.

Во-вторых, делегитимация развитых капиталистических обществ так и может остаться перманентным латентным кризисом без всяких социальных последствий. Регулируемый государством капитализм, возникший как реакция на опасности для системы, порождаемые открытым классовым антагонизмом, приостанавливает классовый конфликт. Система развитого капитализма определяется политикой избегания конфликтов через обеспечение лояльности масс, получающих заработную плату, посредством вознаграждений и т.д. Поэтому то, что конфликт все еще встроено в структуру общества в силу частного способа использования капитала, является той самой областью конфликта, которая имеет наибольшую вероятность остаться скрытой. Политическая система включает в себя заинтересованность, которая выходит за пределы

классовых границ, в сохранении компенсаторного распределительного фасада. В определенных слоях и группах может накопиться так много последствий неравенства, что могут произойти социальные взрывы, напоминающие революцию. Но если они не связаны с протестным потенциалом других слоев общества, никакие конфликты, возникающие из-за такого неблагополучия, не могут опрокинуть систему, они могут спровоцировать ее только на резкие реакции, несовместимые с формальной демократией. Призывы Хабермаса к новому социально-нормативному соглашению сохраняют анонимный характер, обращенный к «человечеству как таковому» и, таким образом, ни к какой группе в особенности. В отсут-

ствии идентифицируемого «агента социальной трансформации» критическая социальная теория вынуждена оставаться на уровне указания на широкие кризисные тенденции, присущие структуре развитого капитализма.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М. : Праксис, 2010. 264 с. (Образ общества).
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии : пер. с фр. М. : Наука, 1991. 572 с. (Социологическое наследие. СН).
3. Habermas J. Towards a theory of communicative competence // Inquiry. 1970. Vol. 13, iss. 1–4. P. 360–375. <https://doi.org/10.1080/00201747008601597>

Поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 375–381

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 375–381

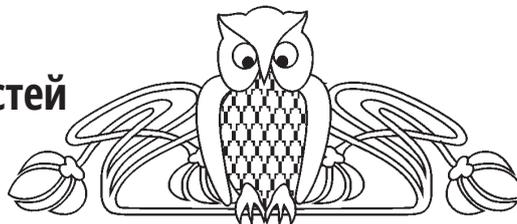
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-375-381>, EDN: CLJBVM

Научная статья

УДК 316.014

О роли гуманитарного образования в формировании гражданских ценностей студенческой молодежи

М. В. Калининкова¹✉, Е. С. Толоч²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Балаковский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Россия, Саратовская обл., 413853, г. Балаково, ул. Чапаева, д. 140

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Толоч Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины», tolokks@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8344-3412>

Аннотация. В статье проанализирована роль гуманитарного образования в вопросах формирования у студенческой молодежи гражданских ценностей. Уделено внимание теоретическим подходам к пониманию гражданских ценностей как сложной, многоплановой, многоуровневой динамичной структуре. Рассмотрены базовые гражданские ценности, составляющие ядро современной российской гражданственности. Подчеркнуто, что специфика гражданских ценностей заключается в том, что они являются действенным инструментом в системе отношений «гражданин – государство» только тогда, когда интериоризированы личностью и становятся частью ее гражданского сознания и самосознания. Намечившаяся негативная тенденция к снижению роли гражданских ценностей в жизненном пространстве личности настоятельно требует увеличения предметов социально-гуманитарного цикла в формировании профессиональных программ. На примере Балаковского инженерно-технологического института – филиала НИЯУ МИФИ показана возможность посредством использования социально-гуманитарных дисциплин повысить уровень гражданской компетентности студенческой молодежи, сформировать мировоззренческие основания гражданского сознания для личностной самореализации молодых людей как активных участников преобразований современного российского общества.

Ключевые слова: гражданственность, гражданские ценности, студенческая молодежь, гуманитарное образование

Для цитирования: Калининкова М. В., Толоч Е. С. О роли гуманитарного образования в формировании гражданских ценностей студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 375–381. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-375-381>, EDN: CLJBVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the role of humanitarian education in the formation of students` civic values

M. V. Kalinnikova¹✉, E. S. Tolok²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 140 Chapaeva St., Balakovo 413853, Saratov region, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Ekaterina S. Tolok, tolokks@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8344-3412>

Abstract. The article analyzes the role of humanitarian education in the formation of civic values among students. Attention is paid to the theoretical approaches of understanding civic values as a complex, multifaceted, multilevel dynamic structure. The basic civic values that make up the core of modern Russian citizenship are considered. It is emphasized that the specifics of civic values is due to the fact that they are an effective tool in the system of citizen–state relations only when they are internalized by a person and become a part of his/her civic consciousness and self-awareness. The emerging negative trend towards a decrease in the role of civic values in the personal life space urgently requires an increase in the subjects of the socio-humanitarian cycle in the formation of professional programs. The possibilities of social

and humanitarian disciplines make it possible to increase the level of civic competence of students, to form the ideological foundations of civic consciousness for the personal self-realization of young people as active participants in the transformations of modern Russian society.

Keywords: citizenship, civic values, student youth, humanitarian education

For citation: Kalinnikova M. V., Tolok E. S. On the role of humanitarian education in the formation of students' civic values. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 375–381 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-375-381>, EDN: CLJBVM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современных условиях внешних политических вызовов и угроз актуальной задачей Российского государства является формирование и развитие у молодого поколения гражданских ценностей, призванных консолидировать российское общество и обеспечить национальную безопасность России [1].

Современную студенческую молодежь, справедливо принято считать социальной стратой, заключающей в себе значительные потенциальные возможности для цивилизационного движения, от степени включения которых в динамику общественной жизнедеятельности напрямую зависят темп, устойчивый характер и успешность прогресса ее сфер [2].

Студенческая молодежная общность как социально-профессиональная группа, реализующая свою общественную деятельность, детерминированную общностью интересов, групповым самосознанием, специфической субкультурой и особенностями образа жизни, объективируется активностью, прежде всего, в учебно-познавательном, политико-правовом, культурно-просветительском, досугово-творческом, спортивном, волонтерском направлениях. Формирование гражданской активности современного российского студенчества актуализирует проблему осмысления факторов, определяющих особенности его гражданских ценностей в

контексте развития позитивных практик конструктивного социального действия.

Значительный вклад в разработку проблемы формирования гражданских ценностей внесли отечественные ученые Л. В. Банникова, В. В. Буткевич, А. Г. Голев, С. Н. Захарова, О. И. Ковалева, В. В. Мартынова, Н. А. Савотина, О. В. Толкачева, О. Ю. Иванова и др. С позиции данных исследователей гражданские ценности выступают ориентирами личностного и общественного развития, объективно служат целостности социума путем нормирования поведения его членов.

Цель данной работы – на основе результатов социологических исследований проанализировать состояние базовых гражданских ценностей студенческой молодежи региональных социумов и раскрыть роль гуманитарного образования в их формировании.

Гипотеза исследования предполагает, что формирование гражданских ценностей студенческой молодежи является неотъемлемой частью целостной системы профессиональной подготовки специалистов в вузе.

Проанализированный теоретический материал по обозначенной проблеме позволяет рассматривать систему гражданских ценностей как сложную, многоуровневую динамичную структуру (рис. 1).

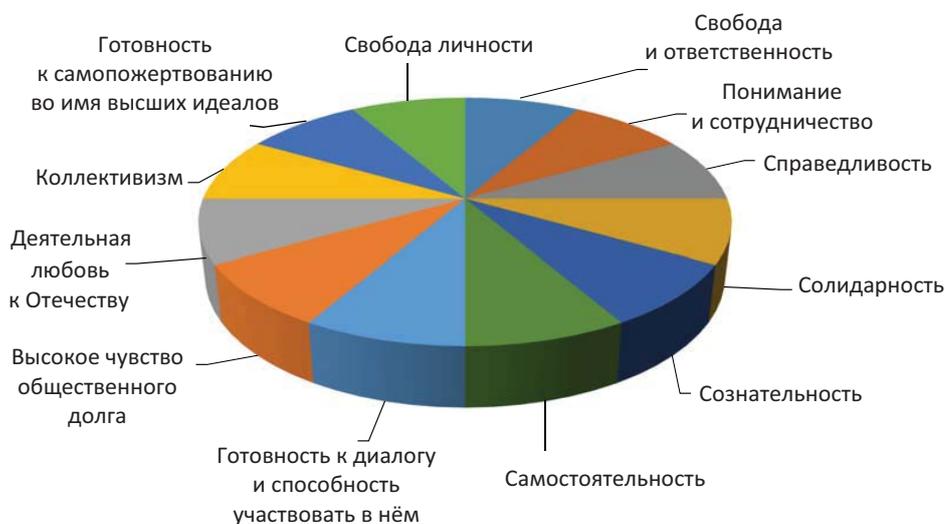

Рис. 1. Системообразующее ядро гражданских ценностей (цвет онлайн)

Следует отметить, что высшей гражданской ценностью из всех представленных выступает ценность свободы личности, поскольку именно она является тем основанием, на котором строится вся система гражданских ценностей.

Российский политолог Э. Я. Баталов причисляет к гражданским ценностям толерантность, плюрализм мнений, политическую активность, законопослушание, готовность к сотрудничеству и доверительное отношение к социальному окружению [3]. Отечественные исследователи Г. Я. Гревцева и М. В. Циулина классифицируют гражданские ценности на ценности-нормативы (правовые и нравственные нормы, национальные и региональные традиции и обычаи); ценности-идеалы (идеал нравственного, законопослушного человека, патриота, активного избирателя); ценности-цели (мир, свобода, самоопределение личности,

уважение человеческого достоинства, гражданская воспитанность) и ценности-средства (гражданская деятельность, толерантность, образованность) [4].

Выполненный авторами статьи первичный анализ вторичных данных социологических исследований за 2010–2022 гг., посвященных проблеме трансформации гражданских ценностных ориентаций молодежи, показал, что гражданские ценности представляют «периферию» ценностного пространства российского студенчества.

Социологические исследования 2010–2015 гг. выявили в системе ценностных ориентаций молодежи такие ценности, как крепкая семья (50%), здоровье (42%), стабильность в обществе (8%) (рис. 2). Также студенческой молодежи был присущ невысокий уровень социальной консолидации и общего консолидационного потенциала [5, 6].

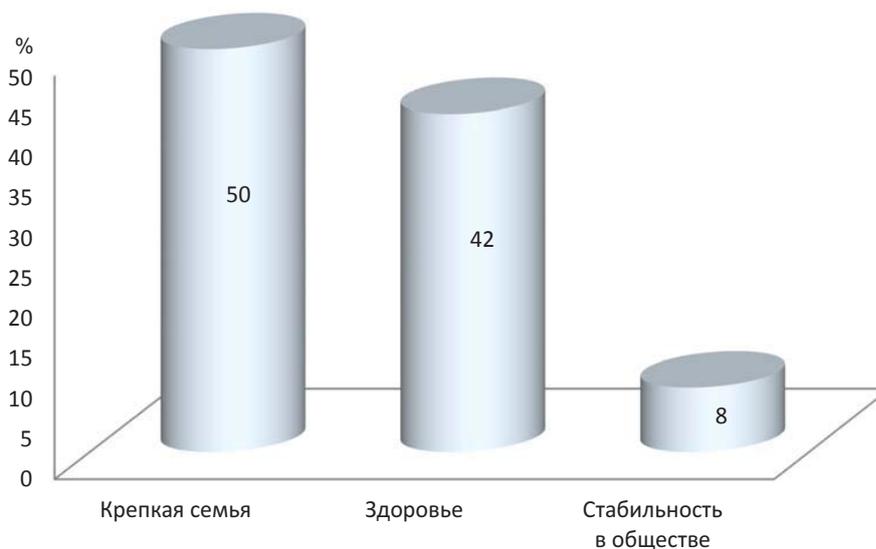

Рис. 2. Ценностные ориентации студенческой молодежи

Данные социологического исследования С. В. Ситниковой, связанного с анализом ценностных ориентаций населения г. Саратова, свидетельствуют о разнонаправленности гражданских позиций среди различных групп населения [6]. Так, в определении характеристик «настоящего россиянина» ответ «родиться в России» старшее поколение респондентов (50–59 лет), выбирало чаще – 60,0%, чем более молодое поколение (30–39 и 40–49 лет) – 48,0 и 45,4% соответственно. В то же время быть одной национальностью с коренным населением страны для 30–39-летних имело большее

значение, чем для 50–59-летних респондентов (табл. 1). Можно предположить, что подобная картина связана с различными подходами в гуманитарном образовании россиян, формирующими гражданские ценности, в различные исторические периоды (периоды застоя или периоды перестройки) нашей страны. Поколение, родившееся в начале 1990-х гг., воспитывалось в период, когда к развитию патриотических ценностей относились более формально, чем при Советском Союзе, где гражданским ценностям уделялось больше внимания.

Таблица 1

Влияние возраста на определение важности характеристик «настоящего россиянина», % по возрастной группе [5]

Характеристики	Возраст		
	30–39	40–49	50–59
Родиться в России	48,0	45,4	60,0
Принадлежность к одному из традиционных для России вероисповеданий	32,2	27,6	35,5
Быть той же национальности	20,8	19,3	17,0

Данное предположение подтверждается тем, что уровень образования в нашей стране у респондентов молодой группы вызывал гордость в меньшей степени (7,5%) по сравнению со старшими группами (12,3 и 12,5%), и это говорит о состоянии инерции в обществе (табл. 2). В то же время более сильно патриотические чувства, такие как гордость историей России, гордость чертами характера людей,

гордость обликом городов, выражены у респондентов молодого (30–39 лет) и старшего возраста (50–59 лет), по сравнению со средней возрастной группой 40–49-летних. Таким образом, можно говорить о том, что в период 2010–2015 гг. в России возникли предпосылки необходимости формирования гражданских ценностей не только молодежи, но и всего российского общества.

Таблица 2

Какие стороны жизни в России вызывают Вашу гордость, % по возрастной группе [5]

Вызывает гордость	Возраст		
	30–39	40–49	50–59
История России	62,0	49,4	60,0
Черты характера людей	25,8	20,4	22,9
Облик городов	5,2	3,2	7,0
Уровень образования граждан	7,5	12,3	12,5

В 20-х гг. XXI в. мощным фактором, конструирующим гражданские ценности молодежи, является специальная военная операция и изменение регионального пространства государства за счет включения новых территорий, ставших полноправными субъектами Российской Федерации.

Уровень гражданской активности молодежи вырос, в то время как гражданские ценности и установки в ценностной иерархии молодых россиян, судя по данным ВЦИОМ за октябрь 2022 г., все так же занимают далеко не приоритетные позиции [7]. В системе ценностных ориентиров студенческой молодежи приоритетные места занимают: высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%), а приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни, выбирают лишь 26% респондентов (рис. 3).

Безусловно, молодежь готова проявлять активность в общественно-политической жизни страны, но эта готовность не реализуется в полной мере. Стоит отметить, что гражданская активность молодежи в соответствии с ее восприятием социально-политических реалий характеризуется своей спецификой проявления. И региональный фактор здесь играет не последнюю роль. Так, социологические опросы молодежи ряда регионов России (Республика Татарстан, Краснодарский край, Вологодская, Пензенская, Ульяновская, Самарская области), показали, что 60% респондентов в качестве фактора консолидации с гражданами отмечают ответственность за судьбу страны, родной земли и ее исторического прошлого [8]. Однако потенциал гражданской активности молодежи реализуется в неформальных практиках общественно полезной деятельности, носящих спонтанный и одномоментный характер [9].

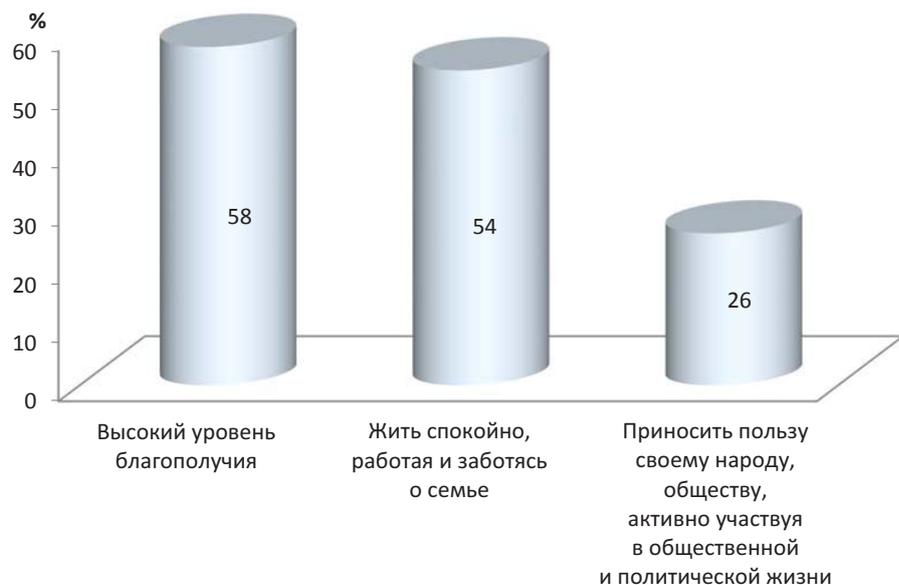

Рис. 3. Гражданские ценности и установки современной молодежи

В связи с вышесказанным одной из актуальных проблем современного российского общества является формирование гражданских ценностей студенческой молодежи и превращение их в систему ценностных ориентаций личности. Приоритетной целью образовательной системы России является формирование граждански компетентной личности посредством гуманитарного образования, являющегося социальным проектом воспитательной системы вуза [10]. Задачи воспитания являются едиными как для учебной, так и внеучебной деятельности. При разработке образовательных программ задачи воспитания включаются в учебные модули (гуманитарный, естественно-научный, общепрофессиональный, профессиональный) и декомпозируются в рабочие программы дисциплин.

Гуманитарный модуль, включающий в себя 15% дисциплин от общего количества изучаемых, создает условия, обеспечивающие: духовно-нравственное развитие обучающегося на основе традиционной национальной системы ценностей; формирование патриотического самосознания, стремления к реализации интересов Родины; формирование гражданской идентичности, гражданской и правовой культуры, активной гражданской позиции, навыков, необходимых для успешной самореализации в обществе; формирование личностно-центрированного подхода в профессиональной коммуникации, когнитивно-поведенческих и практико-ориентированных навыков, основан-

ных на общероссийских традиционных ценностях; формирование неприятия деструктивных идеологий, профилактику экстремизма и девиантного поведения [11].

Из рассмотрения учебных планов и рабочих программ направлений подготовки Балаковского инженерно-технологического института – филиала НИЯУ МИФИ видно, что ведущими векторами воспитательной работы с обучающимися являются: гражданское и патриотическое воспитание, направленное на развитие у обучающихся чувства уважения к истории страны и гордости за ее достижения; формирование общероссийской идентичности, основанной на уважительном отношении к истории, культуре, традициям, образу жизни народов, населяющих Российскую Федерацию; генерирование и закрепление толерантных поведенческих моделей в интернациональных и многоконфессиональных коллективах; сохранение и преумножение истории и традиций университета; выработка активной гражданской позиции и качеств социально-активной личности.

Стоит отметить, что гуманитаризация образовательно-воспитательного процесса, реализующая функцию позитивной социализации-интеграции студенческой молодежи в социально-активную деятельность, предполагает не приспособительски-формальное включение студентов в «заданные условия» вузовского континуума, а приобретение личностного опыта успешного коммуницирования и само-

организации в социокультурном пространстве учебного, научного, общественно-политического и правоповеденческого творчества.

В современных реалиях организация образовательной и воспитательной работы в вузе с расширением возможностей гуманитарного ресурса представляется значимой с учетом предлагаемых направлений, которые позволяют повысить уровень гражданской компетентности студенческой молодежи. Выделим некоторые из них, к которым проявляют интерес студенты БИТИ НИЯУ МИФИ и которые в качестве апробированных доказали свою целесообразность и действенность [12]:

– для повышения уровня освоения универсальных, общекультурных и общепрофессиональных компетенций и воспитания активно-креативных качеств обучающихся при изучении социально-гуманитарных дисциплин необходимо практиковать диалоговый формат, моделируемый в рамках таких нетипичных форм занятий, как брифинг-семинар, диспут-коллоквиум, дискурс-беседы и открытые лекции студентов;

– формирование на основе интереса к общественно-гуманитарному знанию мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности через участие в теоретико-практических конференциях, конкурсных и олимпиадных проектах с публикационным подтверждением результатов работы;

– организация тематических дискуссионных клубов с периодическим проведением расширенных заседаний по историко-культурной, социально-правовой и общественно-политической проблематике;

– привлечение студенческого актива к организации, подготовке и проведению гуманитарных акций по политико-правовой тематике различного уровня – мини-конференции, социологические опросы, тестирование, конкурсы исследовательских работ, интеллектуальные поединки и игры, дебаты, познавательные просветительские викторины;

– расширение и укрепление межведомственного взаимодействия социально-гуманитарных кафедр и общественно-воспитательного сектора организаций высшего образования со структурами административной власти, депутатским корпусом, территориальной избирательной комиссией, правоохранительными органами и политической элитой по линии участия в совместной деятельности и мероприятиях, связанных с актуализацией интереса

молодых людей к важнейшим проблемам отечественной государственности, гражданской активности учащейся молодежи, повышения политической и правовой культуры.

Студенты БИТИ НИЯУ МИФИ традиционно принимают активное участие в международных, всероссийских гражданско-патриотических акциях (международная образовательно-патриотическая акция «Фестиваль сочинений РусФест», международная акция «Большой этнографический диктант», международная патриотическо-просветительская акция «Диктант Победы»; международная акция «Тест по истории Великой Отечественной войны», просветительская акция «Всероссийский тест на знание Конституции Российской Федерации», Всероссийский исторический диктант), а также в областных, муниципальных, общегородских военно-патриотических и общественно-политических мероприятиях (областная общеобразовательная акция «Избирательный диктант», муниципальная историко-патриотическая мультимедийная видеовикторина «Мы беспощадный путь к Берлину открыли битвой под Москвой...», общегородской военно-исторический квест «Дорогами Великой Отечественной войны», общегородское гражданско-патриотическое мероприятие – открытая публичная лекция-дискуссия «Величие подвигов героев Отечества в военно-исторической летописи России», межвузовский студенческий интеллектуально-игровой поединок «Право выбора») и т.д.

Таким образом, отмеченные направления гуманитаризации образовательно-воспитательной деятельности в вузе создают условия для личностной самореализации молодых людей как активных участников преобразований современного российского общества, готовых к достойным ответам на исторические вызовы современности.

Список литературы

1. Бектанова А. К. Гражданские ценности как предмет философского анализа // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18, № 5. С. 41–44. EDN: QMVXNL
2. Михайлова О. Н., Толоч Е. С. Гуманитарная подготовка в контексте совершенствования политико-правовой активности современной студенческой молодежи // Современные технологии и автоматизация в технике, управлении и образовании : сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. Балаково : БИТИ НИЯУ МИФИ, 2021. С. 226–232. EDN: QEYSCE

3. Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. М. : Научно образовательный форум по международным отношениям, 2008. 330 с.
4. Гревцева Г. Я., Циулина М. В. Воспитание гражданина и патриота: теория и практика. Челябинск : Цицеро, 2014. 300 с. EDN: SJOODL
5. Самыкина Ю. С., Арефьева Е. О. Патриотические ориентиры и ценности современной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1 (72). С. 161–164. EDN: BUZPDT
6. Ситникова С. В. Ценности современного российского общества как основа процесса социализации молодежи (опыт лонгитюдного исследования) / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 272 с.
7. Яковлев В. С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 6. С. 95–105. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>, EDN: EAZEZR
8. Рожкова Л. В. Гражданские ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–39.
9. Измайлова К. А. Гражданские ценности современного студенчества Юга России // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 30–32.
10. Пец О. Н. Формирование активной гражданской позиции как основной аспект воспитательной деятельности педагога // The Scientific Heritage. 2021. Vol. 4, № 66. С. 40–44. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-66-4-40-44>
11. Ореховская Н. А., Деникин А. В. Гуманитаризация образования и гуманитарная культура – основополагающий фактор национальной безопасности России // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8. С. 30–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.3>
12. Толок Е. С. Гуманитарное образование как условие формирования позитивной социальной активности студенческой молодежи // Регион глазами студентов : межвуз. сб. науч. работ. Вып. 23. Саратов : Саратовский источник, 2023. С. 144–146. EDN: NYGYYP

Поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 382–388

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 382–388

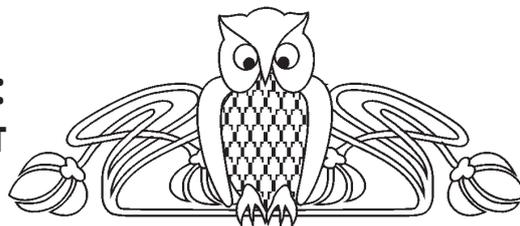
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-382-388>, EDN: ELBIJD

Научная статья

УДК 37.062.3

Неравенство саратовской молодежи: социально-демографический контент

С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

Аннотация. Проблема социального неравенства молодежи имеет особую остроту в силу противоречивости воздействия на молодое поколение, стимулирует его мобильность, но усиливается из-за ограниченных ресурсов региона, семьи, провоцирует социальную напряженность и различные девиации, включая ограничение рождаемости. Поэтому важно изучать демографические аспекты социального неравенства. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного методом анкетирования в Саратове в 2023 г. По вероятностной квотно-территориальной выборке были опрошены 550 молодых саратовцев. Результаты обрабатывались в программе SPSS. Исследование показало, что пол в значительной степени детерминирует частоту столкновения с социальным неравенством, девушки сталкиваются с этим чаще юношей. Это проявляется в наличии собственности, разных стартовых условия, доступности образования и стоимости одежды. Юноши чаще обращают внимание на манеры человека, обладание властью и доступность здравоохранения. Для девушек главные факторы социального неравенства заключаются в проводимой социальной политике, несправедливом распределении доходов, безработице, внешних обстоятельствах, непрактичности людей, для юношей – в низком уровне дохода, культуры и отсутствии желания работать. Немалое значение для неравенства молодых саратовцев имеют социальные институты. Для девушек это – институт религии, общественные организации и органы государственной власти, юноши больше обращают внимание на влияние институтов семьи, образования и СМИ. Возраст в большей степени определяет жизненную траекторию и неравенство молодежи. Представители молодого возраста к факторам, влияющим на это, относят доступ к социально значимым благам, место и условия проживания, оценку своих материальных условий жизни по сравнению с окружением. По мере взросления растет значимость таких факторов, как уровень дохода, властных ресурсов, способность управлять людьми, обстоятельствами. Но снижается значение места, условий проживания и оценки своих материальных условий по сравнению с социальным окружением. Чем старше респондент, тем более подозрительно, неприязненно молодежь относится к социально неравным людям.

Ключевые слова: социальное неравенство, молодежь, возраст, гендерная идентичность, девушки, юноши

Для цитирования: Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Неравенство саратовской молодежи: социально-демографический контент // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 382–388. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-382-388>, EDN: ELBIJD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Inequality of Saratov youth: Socio-demographic content

S. G. Ivchenkov, N. V. Shakhmatova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Nadezhda V. Shakhmatova, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

Abstract. The problem of social inequality among young people is particularly acute due to the contradictory impact on the younger generation. That is it stimulates its mobility, but is intensified due to the limited resources of the region; families, provoke social tension and various deviations, including birth rate restriction. Therefore, it is important to study the demographic aspects of social inequality. The article presents the results of a sociological study conducted by the questionnaire method in Saratov in 2023. According to the probabilistic quota-territorial sample, 550 young Saratov residents were interviewed. The results were processed in the SPSS program. The study showed that gender largely determines

the frequency of encountering social inequality – girls face it more often than boys. This is manifested in the availability of property, different starting conditions, the availability of education and the cost of clothing. Young men are more likely to pay attention to a person's mannerisms, the possession of power and the availability of health care. As for girls, the main factors of social inequality are social policies, unfair distribution of income, unemployment, external circumstances, and the impracticality of people. For young men, it is a low level of income, culture and lack of desire to work. Social institutions are of considerable importance for the inequality of young Saratov residents. For girls, these are the institutions of religion, public organizations and state authorities. Young men pay more attention to the influence of family institutions, education and the media. Age largely determines the life trajectory and inequality of young people. Young people include access to socially significant benefits, place and living conditions, assessment of their material living conditions in comparison with their environment. As they grow older, the importance of such factors as the level of income, power resources, the ability to manage people and circumstances increases. But the importance of place, living conditions and assessment of one's material conditions decreases in comparison with the social environment. The older the respondents are the more suspicious and hostile young people are towards socially unequal people.

Keywords: social inequality, youth, age, gender identity, girls, boys

For citation: Ivchenkov S. G., Shakhmatova N. V. Inequality of Saratov youth: Socio-demographic content. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 382–388 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-382-388>, EDN: ELBIJD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема социального неравенства привлекает внимание многих исследователей. Особое значение эта тема приобретает в молодежном контексте. Положение молодежи в современном изменчивом обществе противоречно. Ее перспективы сегодня во многом определяются местом проживания и теми возможностями, которые существуют в регионе для развития человеческого потенциала. Их ограничение в условиях неравномерности территориального развития компенсируется высоким уровнем мобильности молодежи. Однако этому препятствует дефицит в стране трудовых, образовательных, культурных «центров притяжения» молодежи [1].

С одной стороны, противоречия, порождаемые социальным неравенством, – это неизбежные явления, являющиеся универсальной характеристикой любого общества. На индивидуальном уровне социальное неравенство выступает как фактор, стимулирующий восходящую социальную мобильность молодежи. С другой стороны, последствия неравенства нередко проявляются в росте напряжения, конфликтах людей разных социальных статусов, ухудшении состояния здоровья населения, увеличении девиантного поведения, смертности и пр. В связи с этим недостаточность мер по его сокращению существенно тормозит развитие всех сфер социума.

Поэтому изучение социального неравенства является вечно актуальной темой для социальной науки. Классики социологии (Т. Гоббс [2], Д. Локк [3], К. Маркс [4], Г. Спенсер [5], М. Вебер [6]) изучали социальное неравенство и предлагали свои интерпретации причин и последствий расслоения населения. Однако по мере усложнения социальной структуры общества и глобализации появляются новые раз-

новидности проявлений неравенства. Наряду с традиционными его видами (престиж, власть, образование, богатство) возникают новые формы – цифровое, глобализационное, локальное, коммуникативное информационное, профессиональное, неравенство-депривация, неравный доступ к мобильностям и безопасности [7]. Их исследованию посвящены работы У. Уорнера [8], Р. Дарендорфа [9], П. Бурдьё [10], П. Сорокина [11] и др. В России эти аспекты анализировались в работах Т. Заславской [12], В. Радаева [13]. Применительно к молодежи различные аспекты неравенства рассматривались в публикациях М. Горшкова и Ф. Шереги [14], Э. Думновой [15], Ю. Зубок и В. Чупровой [16], С. Мареевой [17], Н. Олейниченко [18], М. Черныша [19] и др. В этих работах молодежь трактуется как социально-демографическая общность, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей идентификации, социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей [20, с. 123]. Вместе с тем социальное неравенство саратовской молодежи, особенно в половозрастном контенте, раскрыто недостаточно.

Под социальным неравенством молодежи понимается специфическая форма социальной дифференциации ее жизненных шансов, возможностей удовлетворения актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей. Оно отличается «непреходящим характером, сложной природой и склонностью к многоплановым манифестациям» [21, с. 24].

Это определение было заложено в исследование, которое проводилось в 2023 г. методом очного анкетирования. По вероятностной квотной-территориальной выборке были опрошены 550 молодых саратовцев: 29% в возрасте от

18 до 22 лет; 48% – от 23 до 27 лет; 23% – старше 28 лет; 44% юношей и 56% девушек; 40,7% опрошенных имеют среднемесячный уровень дохода на одного члена семьи 10 001–15 000 руб. (около бедные), 27,3% – 15 001–20 000 руб. (средние), 16,7% – 5001–10 000 руб. (бедные), 14,0% зарабатывают более 20 000 руб. (зажиточные) и лишь 1,3% имеют менее 5000 руб. (нищие).

В табл. 1 отражено гендерное распределение молодых саратовцев по частоте проявления социального неравенства. Девушки чаще юношей сталкиваются с ежедневным проявлением социального неравенства (27,4% опрошенных против 4,5%). Юноши чаще встречаются с этим феноменом регулярно (30,3% против 28,6%) или от случая к случаю (65,2% против 44%).

Таблица 1

Влияние пола молодежи на частоту сталкивания с проявлением социального неравенства, %

Частота сталкивания с проявлением социального неравенства	Пол		По выборке
	женский	мужской	
Ежедневно	27,4	4,5	17,3
Регулярно	28,6	30,3	29,3
Единичные случаи	44,0	65,2	53,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в провинциальной России до сих пор доминируют традиционные установки и стереотипы, повседневные дискриминационные практики в оплате труда, возможностях карьерного роста, особенно в ситуациях беременности, наличия маленьких детей. Молодым женщинам все чаще приходится взваливать на себя груз ответственности, перенимать мужские образцы поведения, в одиночку содержать и воспитывать детей.

Данные, представленные в табл. 2, показывают, что опрошенные юноши чаще имеют дело с неравенством в виде манер поведения (27,3% против 25,0% среди девушек), обладания властью (21,2% против 13,1% среди девушек), доступностью услуг здравоохранения (9,1% против 6,0% среди девушек). Это может быть связано с тем, что для юношей особенно важ-

ны публичность и признание окружающих, их уважение, возможность управлять людьми. От этого во многом зависит их самооценка.

Девушки чаще имеют дело с неравенством в виде наличия собственности (22,6% против 13,6% среди юношей), разных стартовых условий (17,9% против 16,7% среди юношей), доступности образования (13,1% против 12,1% среди юношей). И только девушки обращают внимание на стоимость одежды как вид социального неравенства. Можно предположить, что для девушек важность обладания собственностью (квартирой, машиной, дачей, усадьбой и пр.) символизирует достаток, который определяет их экономическое и статусное положение в обществе и может послужить своего рода «подушкой безопасности» на случай развода с мужем и иных обстоятельств.

Таблица 2

Влияние гендерной принадлежности молодежи на проявление социального неравенства, %

Проявление социального неравенства	Пол		По выборке
	женский	мужской	
Стоимость одежды	2,4	0	1,3
Доступность образования	13,1	12,1	12,7
Доступность услуг здравоохранения	6,0	9,1	7,3
Разные стартовые условия	17,9	16,7	17,3
Манеры человека	25,0	27,3	26,0
Наличие собственности	22,6	13,6	18,7
Обладание властью	13,1	21,2	16,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Из данных табл. 3 следует, что девушки главной причиной социального неравенства считают проводимую социальную политику в стране (19%). Это объясняется тем, что они больше заинтересованы в развитии системы социальной защиты, поскольку связаны с репродуктивной функцией, чаще подвергаются гендерной дискриминации и большому риску попасть в социально уязвимые категории. Кроме того, девушки в качестве причин неравенства

чаще отмечали несправедливое распределение доходов, безработицу, внешние обстоятельства, непрактичность и количество детей в семье. Юноши видят причину неравенства в низком уровне дохода (34,8%), в низком уровне культуры (21,2%) и отсутствии желания работать. По их мнению, экономический фактор определяет социальное положение мужчины в обществе: чем выше доход, тем более успешен человек в обществе.

Таблица 3

Влияние гендерной принадлежности молодежи на мнение об основных факторах социального неравенства, %

Факторы социального неравенства молодежи	Пол		По выборке
	женский	мужской	
Безработица	14,3	3,0	9,3
Низкий уровень дохода	17,9	34,8	25,3
Несправедливое распределение доходов	14,3	12,1	13,3
Проводимая социальная политика	19,0	10,6	15,3
Низкий уровень культуры	8,3	21,2	14,0
Отсутствие желания работать	9,5	12,1	10,7
Непрактичность людей, неумение экономить	3,6	1,5	2,7
Внешние обстоятельства, судьба, разные причины	9,5	3,0	6,7
Большое число детей в семье	3,6	1,5	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Исследование показало, что институтом, который оказывает наибольшее влияние на социальное неравенство, является семья (табл. 4). Следом идут образование, СМИ и религия. Девушки чаще юношей концентрируют внимание на таких институтах, как религия, общественные организации и органы государственной власти. На наш взгляд, это традиционно объяснялось их особой эмоциональностью. Они чаще испытывают

страх и нуждаются в защитнике. Религия предоставляет им такого защитника в образе Бога (16,7%). Мужчины менее эмоциональны и более привержены логике, им нужны доказательства, факты, они отслеживают логические связи. Поэтому на них религия воздействует меньше (10,6%). Общественные организации и государственные учреждения также воспринимаются девушками как своего рода защитники (по 6,0%).

Таблица 4

Влияние гендерной принадлежности молодежи на мнение о воздействии институтов на социальное неравенство, %

Воздействие институтов на социальное неравенство	Пол		По выборке
	женский	мужской	
Органы государственной власти	6,0	3,0	4,7
Общественные организации	6,0	0	3,3
СМИ	15,5	16,7	16,0
Семья	38,1	48,5	42,7
Образование	17,9	21,2	19,3
Религия	16,7	10,6	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Юноши больше обращают внимание на влияние институтов семьи, образования и СМИ. Семья оказалась важнее для них (48,5% против 38,1% среди девушек), возможно, в силу тенденции смены социальных ролей в семье между мужчиной и женщиной. В России появились женщины со статусом, которые стремятся занять высокое положение в политике, бизнесе, управлении и вполне способны выполнять «мужскую» работу не хуже мужчины, в то время как мужчины занимаются воспитанием детей и домашними обязанностями. Усиление внимания юношей к образованию (21,2% против 17,9% у женщин) и СМИ (16,7% против 15,5% среди девушек) объясняются их публичностью и склонностью к профессионализму.

Данные, представленные в табл. 5, наглядно демонстрируют, что 61,4% опрошен-

ной молодежи в возрастном интервале от 18 до 22 лет считают, что различие стартовых условий не обуславливает жизненного выбора, а следовательно, и неравенства жизненных траекторий. Позитивный настрой может быть связан с тем, что эти молодые люди только вступают во взрослую жизнь, полны энергии и мотивации для достижения поставленных целей, они не жалеют ни сил, ни времени, обучаясь на курсах, пробуя силы в иных профессиональных областях – в творчестве, бизнесе, карьере – во всем том, что доставляет им удовольствие. Молодежь в возрасте 23–27 лет, наоборот, считает, что стартовые условия определяют жизненный путь (52,8%). Среди молодых людей старше 28 лет таковых 41,2%. Видимо, жизненная практика и собственный опыт снизили их уровень оптимизма.

Таблица 5

Мнение молодых людей о влиянии различных стартовых условий на неравенство жизненных траекторий, % по возрасту

Влияет ли различие стартовых условий на неравенство жизненных траекторий	Возраст респондентов			По выборке
	18–22	23–27	28+	
Да	31,8	52,8	41,2	44,0
Нет	61,4	44,4	50,0	50,7
Иное	6,8	2,8	8,8	5,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ показывает (табл. 6), что молодежь в возрасте от 18 до 22 лет чаще других концентрирует внимание на таких факторах неравенства, как доступ к социально значимым благам (93,2%), интеллектуальный багаж человека, его социальный капитал (81,1%), место и условия проживания (86,4%), оценка своих материаль-

ных условий жизни по сравнению с социальным окружением. Возможно, это связано с тем, что молодые люди в силу своей неопытности жизненный выбор связывают с доступностью качественного образования, качественного медицинского обслуживания, походами в музеи, театры, клубы и пр.

Таблица 6

Определение факторов, влияющих на социальное неравенство молодежи, в зависимости от возраста, % (по положительным ответам)

Факторы, влияющие на социальное неравенство молодежи	Возраст респондентов			По выборке
	18–22	23–27	28+	
Доступ к социально значимым благам	93,2	84,7	85,3	87,3
Интеллектуальный багаж человека и его социальный капитал	81,8	76,4	88,2	80,7
Место и условия проживания	86,4	77,8	67,6	78,0
Уровень дохода	70,5	70,8	73,5	71,3
Обстановка в стране	45,5	50,0	41,2	46,7
Власть и влияние, способность воздействовать на других людей	11,4	30,6	44,1	28,0
Оценка своих материальных условий жизни по сравнению с вашим окружением	18,2	15,3	14,7	16,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Респонденты в возрасте от 23 до 27 лет важнее других факторов считают обстановку в стране (50,0%), а также власть и способность влиять на других людей (30,6%). Для молодежи старше 28 лет чаще других лидирующим фактором неравенства выступает интеллектуальный багаж человека (88,2%), уровень дохода (73,5%). Это может быть обусловлено тем, что саратовцы данной возрастной категории связывают жизненный выбор с личными достижениями, с совокупностью знаний и умений, востребованных на рынке труда, доходом. Для них важнее, чем в предыдущей возрастной группе, власть и способность влиять на других людей (44,1%). Данная корреляция может быть обусловлена тем, что с возрастом молодые саратовцы осознают значимость власти, способности управлять людьми, обстоятельствами. Для молодежи 28 лет и старше характерны развитые лидерские качества, харизматичность, коммуникативные навыки.

Данные, представленные в табл. 7, раскрывают влияние возраста на отношение молодых саратовцев к социально неравным людям. Большинству молодежи (57,3%) свойственно в этом случае нейтральное отношение. Особенно это касается 18–22-летних и 23–27-летних (59,1 и 58,3% соответственно); они же чаще проявляют доброжелательность (31,8 и 27,8% соответственно). Возможно это связано с неопределенностью их статуса, когда есть конкретные ожидания, опасения и риски. Однако с возрастом доля таких снижается. Одновременно повышается доля тех, кто относится к людям не своего социального уровня с подозрением, неприязнью, презрением. Больше всего это свойственно тем, кто старше 28 лет (соответственно 11,8, 8,8 и 5,9%). Вероятно, это связано с тем, что к данному возрасту они уже заняли относительно устойчивое социальное положение, добились определенного успеха в своей жизни и испытывают гордость за это. У них определился свой круг социального общения, где им комфортно.

Таблица 7

Влияние возраста на отношение к социально неравным людям, %

Отношение к социально неравным людям	Возраст респондента			По выборке
	18–22	23–27	28+	
Доброжелательное	31,8	27,8	20,6	27,3
Не лучше и не хуже, чем ко всем	59,1	58,3	52,9	57,3
Подозрительное	4,5	6,9	11,8	7,3
Неприязненное	4,5	6,9	8,8	6,7
Презрительное	0	0	5,9	1,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы. Пол в значительной степени детерминирует частоту столкновения с социальным неравенством, девушки сталкиваются с этим чаще юношей. Это проявляется в наличии собственности, разных стартовых условий, доступности образования и стоимости одежды. Юноши чаще обращают внимание на манеры человека, обладание властью и доступность здравоохранения.

Что касается главных факторов социального неравенства, для девушек они заключаются в проводимой социальной политике, несправедливом распределении доходов, безработице, внешних обстоятельствах, непрактичности людей, для юношей – в низком уровне дохода, культуры и отсутствии желания работать. Не-

малое значение для неравенства молодых саратовцев имеют социальные институты: для девушек это – институт религии, общественные организации и органы государственной власти; юноши больше обращают внимание на влияние институтов семьи, образования и СМИ.

Возраст в большей степени определяет, от чего зависит жизненная траектория и неравенство молодежи. Представители молодого возраста к факторам, влияющим на это, относят доступ к социально значимым благам, место и условия проживания, оценку своих материальных условий жизни по сравнению с окружением. По мере взросления растет значимость таких факторов, как уровень дохода, властных ресурсов, способности управлять людьми, обстоятельствами. Но снижается значение места,

условий проживания и оценки своих материальных условий жизни по сравнению с социальным окружением. Возраст играет важную роль в определении отношения к социально неравным людям. Чем старше молодежь, тем более подозрительно и неприязненно относятся к ним.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно утверждать, что особенности социального неравенства молодежи очень значимо детерминированы возрастными и гендерными характеристиками, что нельзя не учитывать в социальных программах и работе с молодежью.

Список литературы

1. Трофимова И. Н. Молодежь и социальное неравенство в современной России // Политика и общество. 2013. № 12 (108). С. 1452–1457. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2013.12.10318>, EDN: RTXMRV
2. Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 624 с. (Философское наследие. Т. 107).
3. Локк Дж. Соч. : в 3 т. Т. 1 / ред. и примеч. : И. С. Нарский, А. Л. Субботин ; пер. с англ. А. Н. Савина. М. : Мысль, 1985. 622 с.
4. Маркс К. Капитал / под ред. Т. А. Николаевой М. : АСТ, 2020. 960 с. (История в одном томе).
5. Спенсер Г. Основания социологии : пер. с англ. Изд. 3-е. М. : Либроком, 2013. 432 с. (Из наследия мировой социологии).
6. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
7. Кузьмина Е. И. Социальные неравенства и жизненные выборы молодежи // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 230–233. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-230-233>
8. Уорнер У. Живые и мертвые / пер. и авт. послесл. : В. Г. Николаев. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 670 с. (Культурология. XX век / Акад. исследований культуры).
9. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
10. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59. EDN: OJWQLH
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова. М. : Политиздат, 1992. 542 с. (Мыслители XX века).
12. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации : учеб. пособие. М. : Дело, 2004. 400 с.
13. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-пресс, 1996. 318 с. (Открытая книга – открытое сознание – открытое общество).
14. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
15. Думнова Э. М. Молодежь мегаполиса. Социальное неравенство и ценности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (121). С. 54–59. EDN: PBNPWN
16. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
17. Мареева С. В. Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 26. С. 158–183. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.800>, EDN: QINHEL
18. Олейниченко Н. Я. Социальное неравенство в представлениях студенческой молодежи (на материале эмпирического исследования) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 3. С. 124–132. EDN: ZVHYUD
19. Черныш М. Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сб. ст. Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир печати. 2019. С. 247–254. EDN: UCSYUTF
20. Социология молодежи : энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. 606 с. EDN: SBXXMR
21. Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. Т. 1, № 1. С. 24–47.

Поступила в редакцию 30.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

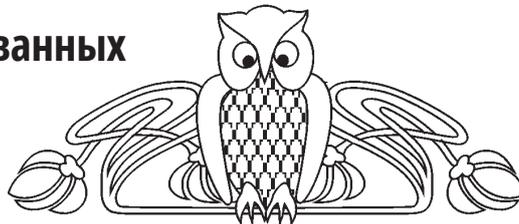
The article was submitted 30.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 389–398
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 389–398
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-389-398>, EDN: GKTLGY

Научная статья
УДК 51-77:303.1

Применение искусственно сгенерированных данных при разработке и внедрении математико-статистических методов в проблемное поле социологии

А. А. Звонок

Луганский государственный педагогический университет, Россия, 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2

Звонок Александр Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, al.zvonok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7332-1330>

Аннотация. Статья затрагивает общие вопросы, касающиеся использования искусственно сгенерированных данных в процессе разработки и внедрения математико-статистических методов в социологическую сферу. Кратко охарактеризованы основные направления применения симулированных данных в социологии. Очерчена зона ответственности специалистов-социологов по отношению к математикам при верификации математико-статистических методов и их интеграции в социологические научные отрасли. Дана авторская классификация математико-статистических методов в зависимости от необходимости применять искусственные данные для их верификации. Объяснена классификация симуляций при верификации математико-статистических методов по степени значимости научных проектов, при этом к каждому классу приложен реальный кейс в рамках социологической проблематики. В качестве проекта низкой степени значимости приведен эксперимент с частотными доверительными интервалами А. Крыштановского, использующий искусственные выборки данных социологических опросов. В качестве образца научного кейса средней значимости выступило исследование Дж. К. Ф. де Винтера и Д. Доду перспектив применения t-критерия Стьюдента для анализа выборок наблюдений, выраженных в порядковой шкале Ликерта. Примером научной симуляции высокого уровня стал собственный опыт автора, связанный с внедрением байесовской методологии в эмпирическую социологию в контексте разработки методов анализа размера эффекта при проведении сравнительных биномиальных социальных экспериментов с бинарными данными. В исследовании поднят вопрос о требованиях к публикации методологических исследований, использующих сгенерированные данные. Приводятся стандарты публикации исследований с симуляциями, начиная от классических соглашений общего профиля и заканчивая жесткими стандартами, принятыми в таких ответственных сферах, как медицинские исследования.

Ключевые слова: сгенерированные данные, симулированные данные, математико-статистические методы, верификация методов, анализ социологических данных, эмпирическая социология

Для цитирования: Звонок А. А. Применение искусственно сгенерированных данных при разработке и внедрении математико-статистических методов в проблемное поле социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 389–398. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-389-398>, EDN: GKTLGY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Application of artificially generated data in development and implementation of mathematical-statistical methods in the problem field of sociology

А. А. Zvonok

Lugansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Lugansk 291011, Russia

Aleksandr A. Zvonok, al.zvonok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-7332-1330>

Abstract. The article touches on the general issues, related to the use of artificially generated data in the process of development and implementation of mathematical-statistical methods in the sociological sphere. The main directions of application of simulations in sociology are briefly described. The area of responsibility of sociologists in relation to mathematicians in the verification of mathematical-statistical methods and their integration into sociological scientific fields is outlined. The author's classification of mathematical and statistical methods is given depending on the need to use artificial data for their verification. The classification of simulations in the verification of mathematical-statistical methods according to the degree of significance of scientific projects is explained, while each class was accompanied by a real case within the framework of sociological problems. The experiment with frequency confidence intervals by A. Kryshchanovsky, using artificial samples of sociological survey data, was described as a project of low significance. The example of a scientific case of moderate significance was the study by J. C. F. de Winter and D.

Dodou of the prospects for using Student's t-test to analyze samples of observations, expressed in the ordinal Likert scale. The example of high-level scientific simulation was the author's own experience, associated with the introduction of Bayesian methodology into empirical sociology in the context of developing methods for analyzing effect sizes when conducting comparative binomial social experiments with binary data. The study raises questions on the requirements for publishing methodological studies using the generated data. The standards for publishing simulation studies are outlined, ranging from classical general conventions to the important standards, adopted in sensitive areas such as medical research.

Keywords: generated data, simulated data, mathematical-statistical methods, method verification, analysis of sociological data, empirical sociology

For citation: Zvonok A. A. Application of artificially generated data in development and implementation of mathematical-statistical methods in the problem field of sociology. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 389–398 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-389-398>, EDN: GKTLGY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Искусственно сгенерированные (симулированные) данные в рамках социологической проблематики сегодня рассматриваются в двух важных контекстах. Прежде всего, это компьютерное моделирование (симуляция) социальных процессов и ситуаций на основе искусственных данных. Н. Гилберт и К. Г. Троиц датируют возникновение первых подобных симуляций в социальных науках еще 1960-ми гг. и выделяют до семи разновидностей таких моделей: от простейших микросимуляций до сложных самообучающихся систем [1, р. 6–14]. Хотя в отечественной социологии этой области, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание, все же данная тема иногда поднимается в социологических журналах (намного чаще встречаясь в журналах, посвященных математическим и компьютерным наукам). Причины данного противоречия, заключающиеся в субъективных установках отечественных социологов в отношении сложных математических методов, достаточно подробно рассматриваются Ю. Н. Толстой и выходят за рамки настоящего исследования [2]. Другое важное направление применения искусственных данных, которое почти никогда не становилось предметом серьезного обсуждения в социологическом сообществе и которому посвящено наше исследование, – это использование сгенерированных данных при разработке и внедрении математико-статистических методов в социологическую проблематику. Сюда входят как задачи тестирования какого-либо общеизвестного метода (методики, критерия) из математики или другой прикладной научной области на предмет того, насколько он пригоден для конкретной социологической задачи, так и разработка принципиально новых методов анализа, сопровождающаяся их верификацией в контексте социологических кейсов.

На первый взгляд, означенная сфера деятельности лежит за пределами компетенций социологов, относясь к зоне ответственности математиков, искушенных в статистических методах и сведущих в тонкостях математиче-

ского аппарата. Однако математики, как правило, работают с абстрактными числами, не учитывающими реального контекста и особенностей ситуаций, в которых будут применяться разработанные ими методы. И даже специалисты по прикладной математике, призвание которой заключается во внедрении математической методологии в другие области науки и техники, сталкиваются с нехваткой знаний о предметных областях, в которые, по задумке, должны интегрироваться разработанные методы и методики. Таким образом, проблема верификации математико-статистических методов в социологии сегодня находится на стыке социологических и математических наук: для ее решения социологи должны обладать достаточной математической подготовкой, а математики – достаточным объемом знаний о социуме в той степени, которая необходима для эффективного внедрения математико-статистических методов в проблемное поле социологии. Наконец, если подходить к данному вопросу в российской социологии с позиции сухого формализма, текущий паспорт научной специальности ВАК РФ 5.4.1. «Теория, методология и история социологии» прямо содержит в себе такие направления социологических исследований, как «Разработка новых методов математико-статистического анализа эмпирических данных», «Использование приемов и техник анализа, заимствуемых из других дисциплин, в применении к социальным данным» и «Методологические исследования, направленные на совершенствование, развитие, уточнение традиционных, широко применяемых и новых методов, методик, техник сбора и анализа эмпирических данных»¹. Цель текущей работы – раскрыть место и значение искусственно сгенерированных данных в процессе научной работы над вышеозначенными проблемами, продемонстри-

¹ Паспорт научной специальности 5.4.1 «Теория, методология и история социологии» // Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=17&name=92259542002&f=15331> (дата обращения: 18.05.2024).

ровав, что зачастую их решение невозможно без применения симулированных данных.

Контент-анализ М. Харвела, Н. Кохли и Я. Перальта-Торрес шести ведущих международных методологических журналов, включающих такие отрасли, как математическая статистика, психология, биология и технические науки, показал, что за период с 1985 по 2012 гг. в 34,6% научных исследований, опубликованных в данных журналах, использовались искусственно сгенерированные данные [3]. На заре возникновения исследований со сгенерированными данными в связи с развитием компьютерных технологий отношение в научном сообществе к ним было неоднозначным (причиной этому, прежде всего, были слабые возможности первых компьютеров и низкое качество первых генераторов случайных чисел). Однако уже в 1984 г. В. В. Хоук и Ш. Андерсон предложили считать исследования с применением искусственно сгенерированных данных экспериментами и именно так трактовать их со стороны как авторов исследований, так и редакторов научных журналов [4, р. 215]. Современное вычислительное экспериментирование с помощью компьютеров получило признание даже в чистой математике, значительно отличаясь от классической концепции математических доказательств, в которой математический эксперимент рассматривался лишь как предшественник доказательства, и давая эпистемологический статус утверждениям, полученным на основе экспериментальных результатов [5, с. 11]. В прикладных научных областях вопрос о целесообразности использования моделирования с помощью искусственных данных не оспаривался вовсе: сегодня все ответственные научные отрасли, начиная с ядерной физики и заканчивая разработкой перспективных направлений медицинских исследований, применяют верификацию использующихся математико-статистических методов и методик посредством симулированных данных. Данную ситуацию емко описывает широко известное высказывание П. Талла, одного из ведущих методологов прецизионной медицины: «Я всегда считал, что при калибровке расчетных параметров более желательно убивать пациентов, созданных компьютером, нежели реальных» [6, р. 25].

Однако возникает закономерный вопрос на тему того, что считать верификацией математико-статистических методов конкретно в области социологических исследований. Мы считаем, что в социологическом контексте понятие «верификация» никак не противоречит своей традиционной трактовке в естественных

науках, принятой в научно-исследовательских лабораториях. Так, М. Киричевский и С. Комаров определяют верификацию (введение, внедрение) методов и методик измерений (исследований) как процесс подтверждения их соответствия требованиям получения при их использовании достоверной информации при внедрении этих методик или методов в свою практику (под достоверной информацией здесь следует понимать предоставление результатов требуемого уровня качества) [7, с. 263].

Другой важный вопрос заключается в том, действительно ли необходимо применение искусственно сгенерированных данных при указанной верификации конкретно в социологии. В математике, работающей с абстрактными числами, или в медицине, где ошибка в математических расчетах может привести к потере человеческой жизни, ответы на этот вопрос обычно утвердительные. Однако социология, родившись из позитивизма, всегда испытывала тягу к реальным данным и полевой работе, опиралась на практическое изучение общества. Современные технологии обладают огромными возможностями по созданию искусственных данных различного уровня качества и сложности. Рядовые статистические программы способны генерировать простые числа, подчиняющиеся заданным законам распределения вероятностей. Более сложные статистические пакеты из науко-ориентированных языков программирования, таких как R и Python, могут создавать связанные наборы чисел с требуемыми значениями корреляции. Наиболее продвинутые научные библиотеки, такие как scikit-learn, способны создавать многомерные данные с указанными уровнями кластеризации. Хотя современные инструменты и предлагают неисчерпаемое количество возможностей по симулированию данных любой сложности, на наш взгляд, все кейсы верификации математико-статистических методов можно условно разделить на две группы в зависимости от доступности достоверных значений анализируемых параметров для сравнения их с выходными значениями этих методов.

1. Успешная верификация посредством реальных данных возможна в ситуациях, когда исследователь может получить из них достоверную информацию об истинных значениях выходных параметров, продуцируемых тестируемыми математико-статистическими методами. Например, верификация разрабатываемых методов и моделей на основе реальных данных в задачах прогнозирования и классификации, как правило, не представляет особых проблем.

Предположим, нам нужно построить на основе имеющихся реальных наблюдений логистическую регрессионную модель, предсказывающую вероятность того, что студент-социолог сдаст экзамен по математической статистике с первого раза. В процессе верификации построенной модели мы можем разделить изначальную выборку наблюдений на обучающую и проверочную (тестовую) выборку. Первая будет использована для построения модели, факторы (независимые переменные) второй выборки будут загружаться в построенную модель, чтобы получить вероятность бинарной зависимой переменной, которая затем будет сравниваться с известным истинным значением («сдал» или «не сдал»). Таким образом, мы достоверно знаем правильный ответ и можем сверить его с ответом построенной модели.

2. Эффективная верификация с помощью реальных данных невозможна в ситуациях, когда нельзя получить достоверные значения параметров и сравнить их с выходными значениями, производимыми математико-статистическими методами. Предположим, мы методом попарного отбора сформировали две выборки, в одной из которых студенты были записаны на курс развития когнитивных способностей, а в другой – испытуемые продолжали жить своей обычной студенческой жизнью. Через полгода студенты в обеих группах поучаствовали в сдаче экзамена по математической статистике, по итогам которого было подсчитано, сколько студентов в каждой из групп сдали экзамен с первого раза, чтобы проверить, повлиял ли пройденный курс на успеваемость студентов. Это простейшая репрезентация классического эксперимента с контрольной и экспериментальной группами, но нужно понимать, что даже в максимально контролируемом натурном лабораторном эксперименте всегда остается вероятность влияния скрытых неучтенных сторонних факторов, которые могли исказить результаты. Это могут быть, например, неполадки и погрешности в измерительных приборах, смещения в выборках и т.д. И если мы проводим верификацию новой методики сравнения выборок, то у нас попросту отсутствуют достоверные истинные значения, с которыми мы должны сравнивать выходные значения этой методики. В таких случаях только применение искусственных выборок, сгенерированных с известными истинными параметрами генеральной совокупности, обеспечит достоверное информирование о том, насколько выходные значения, получаемые после применения метода или методики, отклоняются от номинальных значений, заложенных в данных.

Кроме того, очевидно, что все методологические проблемы, решаемые с помощью генерации искусственных данных, будут иметь различные уровни сложности, и от этого будут зависеть требования к компетенциям исследователя. М. О'Келли, В. Анисимов, К. Кемпбелл и С. Гамильтон предлагают разделять все ситуации моделирования и симуляции (в том числе в целях верификации математико-статистических моделей и методов) на исследовательские проекты низкой, средней и высокой степени значимости. Научные проекты низкой степени значимости тестируют стандартное поведение уже известной формулы или методики сгенерированными данными (например, проверяя, соответствует ли реальная точность метода запланированной). Проекты средней значимости не только проверяют стандартное поведение метода, но и могут использоваться для обоснования принятия решений по использованию верифицируемого метода в конкретной практической ситуации (не всегда стандартной для этого метода). Проекты высокой значимости используют сгенерированные данные для разработки принципиально новых моделей и методов, ранее не применяемых на практике, включая в себя задачи, решаемые на уровне проектов низкой и средней значимости [8, р. 111–112]. Далее мы проиллюстрируем каждое из выделенных направлений симулированных методологических исследований подробным релевантным примером из социологии.

В качестве социологического кейса низкой степени значимости можно взять недооцененный математический эксперимент А. Крыштановского, проведенный в 2000-х гг. для иллюстрации проблемы доверительных интервалов в частотной статистике и их влияния на точность социологических опросов. Строго говоря, данный эксперимент проводился не с «чистыми» искусственными данными, а с массивом данных, полученным после объединения нескольких реальных опросов ВЦИОМ (но эксперимент очень легко воспроизвести и на полностью симулированных данных). Из искусственно созданной таким образом генеральной совокупности в 40 000 человек были отобраны 100 простых случайных выборок по 500 респондентов, имитируя различные выборочные стратегии. Затем полученные данные в выборках были сопоставлены с генеральной совокупностью. Оценки распределения ответов на пять вопросов анкеты должны были лежать в рамках доверительных интервалов (в эксперименте установлен «золотой стандарт» социологии – 95%). В случае, когда оценивался только один вари-

ант ответа в вопросе – из 100 экспериментальных выборок только не более чем в 5% случаев ответы вышли за границы 95% доверительного интервала, подтверждая эпистемологические основы частотной статистики. Однако когда в вопросе оценивалась не одна градация, а все варианты ответов вместе, в 26 выборках из 100 хотя бы один из вариантов выходил за границы доверительного интервала, означая ошибку вопроса в целом. При рассмотрении всех пяти вопросов анкеты в совокупности выход за пределы доверительных интервалов был зафиксирован уже в 58% выборок [9, с. 678]. Фактически данная проблема воспроизводимости результатов исследований в частотной статистике была известна с ее создания и лишь иллюстрирует тот факт, что данная парадигма изначально создавалась Р. Фишером для проведения экспериментов, а не для комплексных социологических опросов. Для социолога крайне полезно знать возможности и ограничения используемых им подходов и методов, в том числе применяя подбные эксперименты в своей работе.

Следующий эксперимент с искусственно сгенерированными данными, будучи примером методологической верификации средней степени значимости, относится к одной из самой популярных шкал, используемых в социологии – 5-балльной шкале Ликерта. Исследование Дж. К. Ф. де Винтера и Д. Додоу, проведенное в 2010 г., было посвящено сравнительному анализу эффективности параметрического t-критерия Стьюдента и непараметрического U-критерия Манна-Уитни в контексте сравнения выборок наблюдений, представленных в данной шкале. Будучи фактически порядковой, шкала Ликерта часто трактуется исследователями как интервальная для применения в ее отношении параметрических методов анализа. Однако это не является стандартной ситуацией применения, так как параметрические статистические критерии никогда не предназначались для данных, которые не подчиняются нормальному распределению. В рамках математического эксперимента его авторами было сгенерировано 98 пар искусственных выборок, симулирующих различные ситуации (одинаковый и неравный размер сравниваемых выборок, сравнение выборок малых, средних и больших объемов и т.д.). Полученные результаты доказывают, что оба статистических критерия различий практически эквивалентны в плане применимости в отношении тестируемой шкалы (в наихудших сценариях разница в их эффективности не превышала 10%), даже если у исследователя и нет формальных оснований использовать t-критерий Стьюдента [10]. На

самом деле данное исследование помимо своей основной цели иллюстрирует еще и тот факт, что у непараметрических методов имеется множество проблем и ограничений, вынуждающих аналитиков прибегать к параметрическим методам, даже если это нарушает эпистемологические основания частотной статистики. Непараметрическая статистика часто решает исследовательские задачи нестандартными способами, которые затрудняют интерпретацию получаемых результатов (например, проверяя равенство медиан в нескольких выборках вместо их средних значений). К сожалению, этой проблеме редко уделяется значительное внимание за пределами математического сообщества.

Наконец, в качестве самого сложного кейса – применения сгенерированных данных при верификации новых математико-статистических методов в социологии – мы возьмем наш собственный опыт, полученный в процессе исследования методологических возможностей байесовского подхода для исследований в рамках социологической проблематики. Сегодня одним из наиболее перспективных ответвлений байесовского анализа является синтез байесианства и классической концепции «анализа мощности» Дж. Коэна из частотной статистики, в результате которого исследователь может отказаться от выдвижения и проверки статистических гипотез в пользу прямой апостериорной оценки размера эффекта, оказываемого экспериментальным фактором в исследовании. Ранее нами были продемонстрированы методологические возможности байесовской модели BEST (Bayesian Estimation Supersedes the t Test) Дж. К. Крушке для экспериментальной оценки социальных технологий на основе байесовской реализации размера эффекта d Коэна, значение которого показывает, на сколько стандартных отклонений изменяется значение искомого параметра в одной из выборок в сравнении с другой выборкой под воздействием экспериментального вмешательства [11]. Значение d Коэна на сегодня, возможно, является самым известным и применяемым методом оценки размера эффекта в двух выборках для переменных, выраженных в количественных шкалах, и интерпретируется следующим образом: 0,2–0,5 – «слабый», 0,5–0,8 – «средний», более 0,8 – «сильный» размер эффекта. Однако при этом данный метод – всего лишь один из многих, предложенных Дж. Коэном для разных ситуаций. Например, для вычисления размера эффекта в биномиальных экспериментах с двумя выборками (основанных на бинарных переменных формата «0–1» или «успех – неудача»)

Дж. Коэн предлагает соответствующий параметр h Коэна, интерпретация значений которого идентична значениям d Коэна [12, р. 179–213].

При разработке собственной байесовской модели сравнительных биномиальных экспериментов для применения ее в социологическом контексте мы столкнулись в ряду противоречий, вызванных проблемами поведения математико-статистических методов традиционной статистики при попытке их прямого переноса в область байесовской методологии. С итоговой авторской моделью, получившейся после решения всех возникших методологических проблем, и особенностями ее применения можно ознакомиться в [13].

Одним из наиболее популярных кейсов биномиального социального эксперимента в цифровой социологии и цифровом маркетинге является сравнительное исследование онлайн-контента (так называемое А/В-тестирование), при котором количество отметок «нравится» (или других целевых действий пользователей) представляется в виде биномиальной переменной. Так, количество отметок соответствует числу успехов, а разница между общим количеством просмотров контента и количеством отметок является числом неудач (иначе говоря, пропорция успехов в данном случае является долей пользователей, совершивших целевое действие, из общего количества пользователей, просмотревших контент). Таким образом, различные единицы онлайн-контента предстают в виде «выборок» пользователей с пропорциями успехов и неудач, а суть эксперимента заключается в выяснении того, какой контент обладает большей социальной эффективностью (например, который вызывает больший отклик со стороны аудитории или которым чаще делятся с другими пользователями). В цифровой среде подобные метрики, как правило, имеют достаточно низкие значения в пределах нескольких процентов или даже долей процента: тысяча «лайков» у поста со ста тысячами просмотров в канале мессенджера «Телеграм» или в социальной сети «ВКонтакте» является нормальным явлением, более того, это давно известная особенность экспериментального дизайна А/В-тестирования в цифровой среде [14, р. 15].

Однако при прямой попытке байесовской реализации параметра h Коэна в авторской модели сравнительного биномиального эксперимента по аналогии с подходом, выполненным в модели BEST Дж. К. Крушке с помощью d Коэна, нами было обнаружено странное поведение параметра при очень низких абсолютных

значениях пропорций успехов: апостериорное значение размера эффекта h Коэна оказывалось слишком низким относительно реального эффекта. Для верификации параметра нами с помощью библиотеки РумС языка программирования Python было сгенерировано три набора данных («датасета»), каждый из которых содержал две независимых выборки из 100 000 наблюдений, взятых из распределения Бернулли, причем в каждом из наборов истинное значение пропорции «успехов» в «экспериментальной» выборке представляло собой удвоенное значение «контрольной» выборки ($P_{1-1} = 0,5$, $P_{1-2} = 0,25$; $P_{2-1} = 0,05$, $P_{2-2} = 0,025$; $P_{3-1} = 0,005$, $P_{3-2} = 0,0025$). При генерации применялось начальное значение случайности («random seed») 356757, таким образом, любой исследователь, знакомый с библиотекой РумС и знающий исходные параметры, может в точности воспроизвести наборы данных на своем компьютере. При помощи сгенерированных данных нами тестировалось поведение двух собственных байесовских реализаций методов измерения размера экспериментального эффекта для сравнения выборок биномиальных данных.

Первый вариант – это точная реализация формулы h Коэна из оригинальной работы Дж. Коэна «Статистический анализ мощности для поведенческих наук» (следует заметить, что в байесовском варианте арифметические операции в формуле производятся над апостериорными вероятностными распределениями, что требует использования достаточно высокоуровневых библиотек языков программирования R или Python и значительных вычислительных мощностей компьютера).

Второй вариант – это прямое изменение пропорции доли успехов в «экспериментальной» выборке относительно значения «контрольной». Если ранее упоминавшийся показатель d Коэна для количественных переменных показывал, на сколько стандартных отклонений изменялось значение параметра в одной из выборок, то этот метод показывает, на сколько значений «контрольной» выборки изменяется значение пропорции успехов в «экспериментальной» под воздействием экспериментального фактора. То есть если значение этого показателя 0,25 – это означает, что число успехов в «экспериментальной» выборке на 25% больше, чем в «контрольной», а если значение показателя –0,15, то число успехов в «экспериментальной» выборке на 15% меньше, чем в «контрольной».

Результаты симуляции представлены в таблице. При рассмотрении результатов следует обратить внимание на то, что байесовские апо-

Результаты верификации двух методов измерения размера экспериментального эффекта для сравнения выборок биномиальных данных в байесовской реализации с применением искусственно сгенерированных данных

Истинные значения доли успехов в «экспериментальной» / «контрольной» выборках, %	Метод измерения размера экспериментального эффекта			
	h Коэна		Прямое изменение пропорции доли успехов в «экспериментальной» выборке относительно значения «контрольной» выборки	
	95%-ный интервал плотности апостериорного распределения	Среднее значение	95%-ный интервал плотности апостериорного распределения	Среднее значение
50 / 25	(0,512; 0,529)	0,521	(0,967; 1,016)	0,992
5,0 / 2,5	(0,128; 0,146)	0,137	(0,942; 1,134)	1,038
0,5 / 0,25	(0,034; 0,052)	0,043	(0,737; 1,349)	1,038

стериорные оценки значений параметров всегда интервальные, средние значения в таблице приводятся лишь в качестве вспомогательных. За подробным разъяснением особенностей практического применения байесовского подхода читателю предлагается обратиться к ранее упоминаемой статье автора «Байесовское моделирование биномиальных экспериментов в социологии: проблемный анализ», также читатель, владеющий основами научного программирования на языке Python, может самостоятельно проверить поведение тестируемых параметров с помощью кода и данных, доступных в репозитории автора данной работы².

Как мы можем видеть, в процессе уменьшения абсолютных значений доли успехов в «экспериментальной» и «контрольной» выборках сгенерированных данных получаемые значения h Коэна стремительно уменьшаются. При увеличении пропорции с 25 до 50% в первом наборе данных h Коэна ожидаемо показывает «средний» размер экспериментального эффекта, однако при соответствующем увеличении пропорции с 2,5 до 5,0% во втором наборе данных и с 0,25 до 0,5% в третьем метод дает значения, которые следует интерпретировать как «эффект практически отсутствует». В то же время второй метод корректно отображает истинную ситуацию – двойной рост пропорции успехов в наших симулированных биномиальных экспериментах. Таким образом, именно последний метод был включен в окончательное исследование в качестве рабочего (хотя описанные здесь научные изыскания и не вошли в итоговый текст рукописи из-за ограничений на объем публикации). Конечно же, очевидный не-

достаток выбранного метода – необходимость каждый раз интерпретировать значение размера эффекта в зависимости от конкретного исследовательского кейса: для одних ситуаций увеличение исследуемого параметра в экспериментальной группе в сравнении с контрольной на 10% будет являться «слабым» эффектом, для других ситуаций такое же увеличение можно считать «средним» или даже «сильным» эффектом. Однако, как убедительно показывает исследование Ш. Савиловски, даже классические интерпретации размера эффекта Дж. Коэна в настоящее время существенно реинтерпретируются, в том числе в рамках частотной статистики [15].

На самом деле вышеописанный пример использования сгенерированных данных позволяет нам понять следующие важные аспекты верификации математико-статистических методов при их разработке и внедрении в конкретные прикладные научные области, такие как социология.

1. Слепое копирование методов и методик из одной области применения в другую без их предварительного тестирования и дополнительных корректировок, а также понимания получаемых результатов не всегда является приемлемым решением (в данном случае и во все была произведена попытка переноса метода из одной научной парадигмы в другую парадигму). Вышеописанное поведение параметра h Коэна не является проблемой в частотной статистике, для которой он разрабатывался. На практике расчетные значения данного параметра в частотной статистике, в отличие от байесовской статистики, попросту не применяются для прямой оценки экспериментального эффекта в реальных экспериментах, поскольку не являются «статистически значимыми».

² Александр Звонок // GitFlic. URL: https://gitflic.ru/project/aazvonok/verification_case_bayesian_binomial (дата обращения: 18.05.2024).

Они используются для ответа на вопрос: какой планируемый объем выборок (экспериментальной и контрольной) необходим для выявления статистически значимых различий (например, с помощью *t*-критерия Стьюдента) при ожидаемом размере экспериментального эффекта с разумной долей уверенности? Одним из основополагающих эпистемологических оснований частотной статистики является жесткая фиксация размеров выборок до начала эксперимента: нарушение этого положения ломает всю достоверность получаемых результатов, отчего так важно заранее определить оптимальный размер выборок (подробнее с механизмом «поломки» на примере *t*-критерия можно ознакомиться в работе М. Х. Херцога, Г. Фрэнсиса и А. Кларка [16, с. 145–149]). В свою очередь, для байесовской статистики предварительное определение объема наблюдений не имеет такого значения. В рамках байесовского подхода мы можем сосредоточиться на сборе данных, постоянно анализируя их, пока не получим результаты, точность которых достаточна для решения исследовательских задач (из-за этого байесовские методы получают все большую популярность в разного рода мониторинговых исследованиях, требующих быстрые и частые промежуточные «срезы» результатов). На самом деле смешивание и спутывание правил частотной и байесовской статистики, вызванное непониманием их различий, согласно оценке Ф. А. Шродта, является одним из «смертных грехов» современного количественного анализа [17].

2. Если бы в приведенном кейсе верификации методов мы применяли данные реальных экспериментов вместо искусственно сгенерированных, то не знали бы истинные значения параметров в выборках. Это попросту не позволило бы нам обнаружить имеющиеся противоречия (низкие значения показателя *h* Коэна при фактических высоких истинных значениях размера эффекта в выборках). На самом деле этот простой кейс доказывает, что разработка и верификация методов с применением данных реальных исследований возможна только в случаях, когда мы можем получить доступ к достоверным значениям анализируемых параметров, чтобы сравнить их со значениями, которые продуцируют верифицируемые математико-статистические методы. Иногда это можно сделать, обследовав генеральную совокупность и устранив все факторы, искажающие измерения. Иногда мы изначально знаем достоверные выходные значения (например, к какой группе относятся респонденты при разработке метода их классификации). В остальных случаях

требуется применение сгенерированных данных с известными заданными свойствами.

3. Поведение математико-статистических методов при специфическом характере анализируемых данных или даже конкретной исследовательской ситуации способно существенно различаться, что может потребовать дополнительной верификации (как, например, в случае доверительных интервалов опроса в эксперименте А. Крыштановского). Существует возможность возникновения даже технических проблем, которые напрямую не относятся к зоне ответственности социологии, но могут проявиться при попытке проведения реальных прикладных исследований с помощью разработанной методологии. Например, ранее упоминаемая байесовская модель BEST Дж. К. Крушке, предлагаемая как байесовская альтернатива *t*-критерию Стьюдента, разрабатывалась под запросы социально-гуманитарных наук: малые объемы выборок наблюдений и наличие «выбросов» данных. Сложная иерархическая структура модели привела к значительному росту вычислительной сложности: попытка применить модель к большим выборкам в десятки или сотни тысяч наблюдений в эксперименте (что является нормальной исследовательской ситуацией для естественных и технических наук) приведет к скачкообразному увеличению времени вычислений и количеству потенциально возникающих ошибок, сделав невозможным практическое использование модели. На практике ученые-байесианцы, занимающиеся естественнонаучными исследованиями, применяют значительно более простые байесовские модели, недостатки точности которых нивелируются объемами имеющихся наблюдений. Даже не беря во внимание байесовскую статистику, которая относительно слабо известна в социологии, существует достаточно математико-статистических методов в традиционной частотной статистике, которые могут демонстрировать нестандартное поведение в определенных условиях (или применяться в нестандартных ситуациях).

Последний важный вопрос, который необходимо затронуть в контексте темы текущей работы – вопрос публикации методологических исследований, проведенных с использованием симуляций. Первый стандарт публикации исследований, выполненных на основе искусственно сгенерированных данных, был предложен Д. Хоглином и Д. Эндрюсом еще в 1975 г. и уже в 1976 г. принят журналом *Journal of the American Statistical Association* (JASA), что позволило ему со временем полу-

чить признание и в международном научном сообществе. Если не вдаваться в тонкие технические подробности данного соглашения, а проанализировать непосредственно пример, приводимый авторами в оригинальной статье, в научные публикации, содержащие сгенерированные данные, рекомендовалось включать следующую информацию:

1) сведения о дизайне гипотетического исследования, в котором применяются симулированные данные (например, исследователь генерирует две независимых выборки наблюдений для последующего сравнения средних, имитируя контролируемый параллельный эксперимент с экспериментальной и контрольной группой);

2) информация об условиях генерации данных (какому вероятностному распределению подчиняются, его точные заданные характеристики, такие как средние значения или дисперсия, размер ошибки и т.д.);

3) информация о применяемом программном обеспечении и алгоритмах для генерации искусственных данных (наименование и версия программы, использовались ли методы Монте-Карло и т.д.) [18].

Вышеозначенные требования являют собой относительно универсальную концепцию, подходящую для большинства фундаментальных и прикладных научных исследований в различных сферах. Следует отметить, что поскольку разработка современных передовых математико-статистических методов практически невозможна без использования научного программирования, текущие стандарты JASA настоятельно рекомендуют авторам приводить в своих работах программный код или ссылки на репозитории с кодом и данными, позволяющие в точности воспроизвести результаты публикуемого исследования³. Однако большинство научных журналов пока не требуют от своих авторов знаний, умений и навыков научного программирования.

Существуют и более строгие стандарты опубликования исследований со сгенерированными данными, например, наиболее жесткое обнаруженное нами соглашение для медицинских исследований, датированное 2006 г., содержит следующие требования:

«0. Приведение детального протокола всех аспектов симуляции (с обоснованием всех принятых решений).

1. Четкое определение цели и задач симуляции.

³ The JASA Reproducibility Guide // GitHub. URL: <https://jasa-acs.github.io/repro-guide/> (дата обращения: 18.05.2024).

2. Детальное описание процедур симуляции (степень зависимости между сгенерированными выборками данных, допуск ошибок, программное обеспечение, тип генератора случайных чисел, характеристики стартовых значений случайности в случае их наличия (так называемая переменная “random seed”).

3. Указание методов генерации выборок данных.

4. Дизайн гипотетического исследования, моделируемый с помощью сгенерированных данных.

5. Статистические методы, подлежащие верификации посредством сгенерированных данных.

6. Истинные значения симулированных данных.

7. Количество симуляций, которые необходимо выполнить.

8. Критерии оценки эффективности статистических методов для различных сценариев (оценки смещения, точности, охвата).

9. Представление итоговых результатов симуляции» [19, p. 4281].

Однако в социологии, в том числе зарубежной, на текущий момент не существует общепринятых стандартов публикации исследований с симулированными данными, поэтому данный вопрос остается на усмотрение автора исследования.

Итак, нами были продемонстрированы ключевые методологические возможности и ограничения применения искусственно сгенерированных данных при разработке и внедрении математико-статистических методов в социологическое исследовательское поле, однако главной целью данной работы было собственно привлечение внимания к проблеме верификации искомых методов в эмпирической социологии. Современные вызовы в области социологической методологии и методов требуют от социологов овладения надпрофессиональными компетенциями, которые традиционно рассматривались как находящиеся вне социологической проблематики: навыками научного программирования, углубленными математическими знаниями. Однако именно освоение данных областей позволит социологу выйти на уровень действительного аналитика, чьи заключения будут пользоваться авторитетом и доверием со стороны общества и конкретных социальных институтов. Ошибки в разрабатываемых социологических методах, как правило, не связаны с риском потери человеческих жизней, как в случае медицинских или инженерных исследований. Но верификация математико-статистиче-

ских методов, разрабатываемых в социологии или внедряемых в социологическую проблематику из других наук, может значительно повысить доверие к искомым методам и результатам исследования в целом, что особенно важно в прикладной социологии. Например, при проведении коммерческих социологических исследований или принятии управленческих решений с использованием математико-статистических методов анализа социологических данных применение воспроизводимого математического эксперимента с искусственными данными и последующим подтверждением адекватности и эффективности верифицируемых методов позволит добиться большего признания их значимости.

Список литературы

1. Gilbert N., Troitzsch K. G. Simulation for the Social Scientist. New York : Open University Press, 2005. 295 p.
2. Толстова Ю. Н. Математическое моделирование социальных процессов и социология // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 104–112. <https://doi.org/10.31857/S013216250001965-4>, EDN: YMRIOD
3. Harwell Dr. M., Kohli Dr. N., Peralta-Torres Ya. A survey of reporting practices of computer simulation studies in statistical research // The American Statistician. 2017. Vol. 72, iss. 4. P. 321–327. <https://doi.org/10.1080/00031305.2017.1342692>
4. Hauck W. W., Anderson S. A survey regarding the reporting of simulation studies // The American Statistician. 1984. Vol. 38, iss. 3. P. 214–216. <https://doi.org/10.1080/00031305.1984.10483206>
5. Зюзьков В. М. Эксперименты в теории чисел. Томск : Изд-во НТЛ, 2019. 348 с.
6. Thall P. F. Bayesian clinical trial design in a cancer center // CHANCE. 2001. Vol. 14, iss. 3. P. 23–28. <https://doi.org/10.1080/09332480.2001.10542279>
7. Киричевский М., Комарова С. Верификация методики измерений в химической лаборатории // Роль технического регулирования и стандартизации в эпоху цифровой экономики : сб. ст. участников III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 25 ноября 2021 г.). Екатеринбург : ИД «Ажур», 2021. С. 262–268. EDN: HYPUDV
8. O’Kelly M., Anisimov V., Campbell C., Hamilton S. Proposed best practice for projects that involve modeling and simulation // Pharmaceutical Statistics. 2016. Vol. 16, iss. 2. P. 107–113. <https://doi.org/10.1002/pst.1789>
9. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология : в 15 т. Т. 2. Эмпирическая и прикладная социология. М. : ИНФРА-М, 2004. 986 с.
10. Winter J. de, Dodou D. Five-Point Likert Items: t test versus Mann – Whitney – Wilcoxon // Practical Assessment, Research & Evaluation. 2010. Vol. 15. Art. 11. <https://doi.org/10.7275/bj1p-ts64>
11. Звонок А. А. Байесовская экспериментальная оценка социальных технологий: методологические и методические аспекты // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49, № 1. С. 26–38. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-26-38>, EDN: DYXJUD
12. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 567 p.
13. Звонок А. А. Байесовское моделирование биномиальных экспериментов в социологии: проблемный анализ // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 1. С. 14–25. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-14-25>, EDN: EUFDXE
14. Sauro J., Lewis J. R. Quantifying the User Experience. Practical Statistics for User Research. Amsterdam, Boston, Heidelberg, London, New York, Oxford, Paris, San Diego, San Francisco, Singapore, Sydney, Tokyo : Elsevier, 2012. 295 p.
15. Sawilowsky S. New effect size rules of thumb // Journal of Modern Applied Statistical Methods. 2009. Vol. 8, iss. 2. P. 467–474. <https://doi.org/10.22237/jmasm/1257035100>
16. Херцог М. Х., Фрэнсис Г., Кларк А. Статистика и планирование эксперимента для непосвященных: как отучить статистику лгать. М. : ДМК Пресс, 2023. 174 с.
17. Schrodt P. A. Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51, iss. 2. P. 287–300. <https://doi.org/10.1177/0022343313499597>
18. Hoaglin D. C., Andrews D. F. The reporting of computation-based results in statistics // The American Statistician. 1975. Vol. 29, iss. 3. P. 122–126. <https://doi.org/10.1080/00031305.1975.10477393>
19. Burton A., Altman D. G., Royston P., Holder R. L. The design of simulation studies in medical statistics // Statistics in Medicine. 2006. Vol. 25, iss. 24. P. 4279–4292. <https://doi.org/10.1002/sim.2673>

Поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 399–403
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 399–403
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-399-403>, EDN: GTQOMT

Article

Deconstruction of a text in network communication: Hypertext as a new mechanism of social communication

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The article presents the analysis of the transformation of texts as mechanisms of social communication, in particular in digital social reality. The transformation of social reality is updated in various spheres of human life – social communication, self-identification, sociocultural codes and rituals. Any text (statement), being a social action, is an institutional construct and correlates with the structure of the social reality of its generation. The sociological perspective of the study of texts is based on the combination of two methodological approaches - solidaristic and critical, which, however, assume the primacy of social structure and the secondary nature of language (text). In the context of the methodology of symbolic interactionism, it is shown that the meaning of any text is determined by the sociocultural context. The theory of speech acts considers all texts as sets of social actions (speech acts), the adequate interpretation of which is determined by their compliance with established social norms and traditions. The modern social reality of the digital community is characterized by uncertainty, instability and many risky situations. Under these conditions, all texts as social constructs also changed their functions. This is especially true for the texts that provide social communication in the virtual reality of the Internet. The shift in the communicative function of the text towards pragmatics led to the changes in text structures and the emergence of a new format – a hypertext. The specificity of hypertext is actualized in its nonlinearity, fragmentation and uncertainty. Network social communication, as an indirect environment remote from the communicants in time and space, operates with hypertexts containing, in addition to the primary text, evaluation comments, links and allusions. This property of hypertexts (intertextuality) provides large-scale social communication between countless numbers of communicators. The social consequences of the functioning of hypertexts are to ensure and maintain social equality between users of the Internet space.

Keywords: text, social structure, speech act, social action, fluid modernity, network communication, hypertext, uncertainty, intertextuality

For citation: Mogilevich B. R. Deconstruction of a text in network communication: Hypertext as a new mechanism of social communication. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 399–403. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-399-403>, EDN: GTQOMT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья
УДК 316.347

Деконструкция текста в сетевой коммуникации: гипертекст как новый механизм социальной коммуникации

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации текстов как механизмов социальной коммуникации, в частности в цифровой социальной реальности. Трансформация социальной реальности актуализируется в разных сферах человеческой жизнедеятельности – социальной коммуникации, самоидентификации, социокультурных кодах и ритуалах. Любой текст (высказывание), будучи социальным действием, является институциональным конструктом и коррелирует со структурой социальной реальности его генерирования. Социологический ракурс исследования текстов имеет основой сочетание двух методологических подходов – солидаристского и критического, предполагающих, тем не менее, первичность социальной структуры и вторичность языка (текста). В контексте методологии символического интеракционизма показано, что смысл любого текста обусловлен социокультурным контекстом. Теория речевых актов рассматривает все тексты как совокупности социальных действий (речевых актов), адекватная интерпретация которых детерминирована их соответствием установленным социальным нормам и традициям. Современная социальная реальность цифрового сообщества характеризуется неопределенностью, нестабильностью и множеством рискованных ситуаций. В этих условиях все тексты как социальные конструкты также изменили свои функции. Особенно это касается текстов, обеспечивающих социальную коммуникацию в виртуальной реальности Интернета. Смещение коммуникативной функции текста в сторону

прагматики обусловило изменение текстовых структур и появление нового формата – гипертекста. Специфика гипертекста актуализируется в его нелинейности, фрагментации и неопределенности. Сетевая социальная коммуникация как опосредованная, удаленная от коммуникантов во времени и пространстве среда оперирует гипертекстами, содержащими, кроме первичного текста, комментарии оценки, ссылки и аллюзии. Это свойство гипертекстов (интертекстуальность) обеспечивает широкомасштабную социальную коммуникацию между бесчисленным количеством коммуникантов. Социальные последствия функционирования гипертекстов заключаются в обеспечении и поддержании социального равенства между пользователями интернет-пространства.

Ключевые слова: текст, социальная структура, речевой акт, социальное действие, текучая современность, сетевая коммуникация, гипертекст, неопределенность, интертекстуальность

Для цитирования: *Mogilevich B. R.* Deconstruction of a text in network communication: Hypertext as a new mechanism of social communication [Могилевич Б. Р. Деконструкция текста в сетевой коммуникации: гипертекст как новый механизм социальной коммуникации] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 399–403. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-399-403>, EDN: GTQOMT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

The uncertainty of modern social reality as an the actualizer of post-industrial digital society is characterized by complex transformations of all spheres of human activity. In particular, this applies to social communication, perception of the surrounding reality, “blurring” of the identity of social actors, cultural codification and decodification of information. Each individual (a social actor) is both a subject and an object of social reality.

In this regard, it is legitimate to turn to the text as a reflection of the social structure and the main mechanism of social communication. Indeed, social communication is a process of generating, perceiving and interpreting texts, and any text is an institutional constructor adequate to the social structure. In other words, all texts are socially marked and generated in the process of human interaction.

Sociological analysis of texts is based on the symmetry/asymmetry of two methodological doctrines – solidaristic and critical. The solidaristic tradition assumes the interdependence of social structures and texts as the forms of knowledge [1]. The critical tradition is based on the assertion of the fact that the forms of knowledge are used by the ruling (dominant classes) to preserve their traditions and interests [2]. But, both doctrines are unanimous that the social structure is primary, and knowledge (a language and a text) is secondary as an institutional formation. Then it goes without saying that text structures correlate with the social structure of their generation.

Any society as a linguistic community uses many languages of different social groups – a literary language, vernacular, slang, dialects, oral speech, and so on. A special role is played by the official (state) language as the language of dominant social groups. These are, first of all, social groups with high social status and material capabilities. It is practical knowledge of the state language (reading, writing, speaking) that gives certain social groups

the opportunity to receive a prestigious education, professional and career growth, and access to social mobility [3]. Consequently, texts as actualizers of the social actions of their creators are not just oral/written statements, but social objects. It is the social conditioning of texts that is the reason that textual analysis, both linguistic and sociocultural, is impossible without knowledge and understanding of linguistic contexts and sociocultural areas of addressers and recipients [4].

From the point of view of symbolic interactionism, an adequate interpretation of the meaning of any text is possible only with knowledge of the social context of the communicative situation. That is, the social context determines the meaning of the text as intended by the addressee. On the contrary, ignorance of the extralinguistic context turns the text into a meaningless collection of words. For example, such text characteristics as vocabulary, quotes, precedent, and in the case of oral texts, proxemics and kinesics represent a set of markers of social contexts necessary for encoding and decoding text meanings [5].

Confirmation of the validity of the methodology of symbolic interactionism is the theory of speech acts by D. Austin, according to which the meaning of spoken and written speech utterances (texts) is not so much a description and statement of facts as the implementation of a pragmatic (communicative) influence on communication partners. According to D. Austin, all texts are speech acts, representing social actions, and their interpretation is directly determined by their adequacy, corresponding to social reality with its certain conventions, norms, and traditions.

In turn, each speech act as a social action includes such components as: a goal, planned and achieved results, as well as linguistic mechanisms for achieving the goal. Then the social context is a set of rules for the implementation of social ac-

tions and an adequate reaction of communicants in a specific extralinguistic situation [6]. For example, the phrase “Happy Birthday” has no meaning outside of this event.”

Textual transformation is the result of complex historical and social cultural events: the intensification of migration, the breakdown of the colonial system, the disappearance of old and the emergence of new traditions, but most important, the acceleration of scientific and technological progress. A new social reality was formed – a virtual one, the actualizer of which is the online community. It marks the emergence of new characteristics of human life, especially in the field of social communication and its main mechanism – a text.

Modern social and cultural processes have many new characteristics, the main one of which is uncertainty, which causes an increase of instability, confusion, aggressiveness and depression of social actors [7]. According to M. G. Osipova, informatization and digitalization changed the life priorities of social actors, including professional, territorial and gender affiliations and citizenship. In this regard, the variety and abundance of generated and received information make the picture of the world eclectic and uncertain [8].

The concept of Z. Bauman, who called modern social reality a fluid modernity, deserves special attention. He is credited with defining new characteristics of people’s lives in modern social reality:

- liberation in the form of destruction of identity, both one’s own and that of in “alien”;
- individuality as opposed to the citizen in the form of a preference for consumerism, interests in the private life (rather than the activities) of famous characters;
- the emergence and implementation of new workspaces in the form of remote work and study;
- urbanization as a process of creating megapolises and increasing the gap with the provinces, leading to the creation of conflict situations – frustration, aggression [9].

Naturally, modern social reality led to dramatic changes in the generation, perception and interpretation of texts as the centers of social communication. The communicative function of the text acquired new characteristics, reflecting the changes in social contexts. The point is that the text is no longer a completed speech act (a social action), but continues to develop after its creation and completion. It should be noted that the problem of text transformations is relevant for all spheres of human life, since a text is the main mechanism for the creation, accumulation and transmission of social

knowledge in the form of social and cultural experience. Moreover, social communication views text as the main mechanism of social collective activity. From this perspective, the text as a system with structure, coherence, integrity, and completeness loses its previous characteristics, but acquires new ones. Indeed, the text currently presents the following characteristics:

- outrageousness in order to increase the status of the addressee and achieve fame;
- intertextuality as the absence of an original text, but the presence of allusions and associations as anonymous (collective) textual activity;
- hypertextuality in the form of typing text on a given topic, and the text always remains incomplete;
- a comment indicating that the addressee is not so much interested in creating texts as the final result, but is absorbed only in the process of creating the text.

Consequently, modern texts of the Internet and network communication era exist entirely in the sphere of pragmatic communication, the main goal of which is not the broadcast of social knowledge, but self-presentation and language games [10].

The development of Internet technologies provides Internet users with unlimited possibilities for generating, receiving, perceiving and interpreting information in the form of texts, photos and audio materials used for exchanging information, commenting and self-presentation. “Fluid modernity,” which provides for the possibility of freedom of choice and change of identity, fully contributes to this. The information space of the Internet is the most popular and effective platform in the form of social network discourse.

Social communication in the network space ceases to fulfill its main (communicative) function of creating and perceiving information in the existing social reality. Network social communication, in contrast to real social communication, is characterized by the following specifics: indirectness, asynchrony, and remoteness of communicators in time and space.

In addition, network communication has such properties as: dynamism, democracy, situationality, a combination of polychrome and monochrome communication, the possibility of communication between representatives of high-concept and low-concept cultures, manipulation of the behavior of communicants and limitlessness of topics.

The specifics of network communication determine new text characteristics from the perspective of “everything for everyone”. In other words, the

proposed text is supplemented by countless comments and ratings, which invariably lead to a decrease in the quality of the text as a speech work in pursuit of the attention of network users – for example, icons such as smiley, like, dislike – represent the entire text [11]. The development of network communications contributes to the presentation of the act of communication as an interaction between the sender and the addressee in order to create an imaginary/supposed social reality. Under these conditions, each text generated by the addressee receives various comments and is evaluated by the networked communicative society. This phenomenon is called “clickivism”. In this case, communicators are interested in ranking both texts and their creators in the direction of gaining popularity. There is no doubt that a significant decrease in text quality does not affect the success of the attractiveness of the text of network communication. This fact is updated in the processes of expressing opinions of network users, stimulating clicking on links, subscribing and adding information. In other words, a successful text in the network space blocks the function of inciting action – triggering. In this regard, the problem of text authorship, that is, text attribution, has new characteristics. The peculiarity of network communication is that the text created by the addressee becomes significant and popular only with a significant increase in the number of communicators, which manifests itself in additions to the text, which can be called the crisis of attribution [12].

Moreover, the content of the text itself loses its originality in the discussion and in comments and interpretations from participants in network communications. The variety of interpretations in highlighting an image often contradicts the meaning of fragments of text as the main one (text fragmentation), and increasing uncertainty often leads to changes in the social order, and these changes affect and transform text functions.

For example, the text of network communication no longer serves as a representation of reality. On the contrary, each addressee strives to present his/her personal meaning as the basis for further comments. Consequently, the addresser does not so much address the addressee, but encourages him/her to react to the text, which allows us to talk about the emergence of a new text function such as triggering or stimulation [13].

Network communication and digitalization generated a new type of text – a hypertext, which directly actualizes virtual social reality. If constant network reality uses texts presented in the

media (television, radio) and printed materials (books, newspapers and magazines) as means of transmitting social knowledge, then virtual social reality is presented in new text formats in the form of hypertext.

Particular attention should be paid to the formation of a specific area of scientific knowledge in the context of the theory of social communication, namely the sociology of the text. This is a relatively recent scientific movement that emphasizes the interaction between social actors, on the one hand, and the technological characteristics of digital media, on the other hand. From this perspective, the fundamental difference between traditional texts and hypertexts is that the former are linear in nature, while hypertexts, on the contrary, demonstrate nonlinearity, closer to the specifics of the functioning of the human brain.

Since people speak and think hypertextually, the texts they create must be hypertexts [14]. In other words, the very term “hypertext” (super-text) is a content that allows to create and transmit an unlimited amount of information, and the connection between text parts is determined not by the sender, but by the addressee. Consequently, the main function of a hypertext is that it serves as a means of combining all information about subjects, objects, concepts and phenomena into a single whole, which becomes possible only with the use of computer technology. This functional specificity of hypertexts emerged with the creation of the World Wide Web (1992). The social consequence of this event was the fact that all Internet users, without exception, have the opportunity to simultaneously and independently work with information flows. This process necessarily involves intertextuality, that is, a collective textual activity in the form of introducing quotes, allusions, references and inclusion of other authors in the text.

Thus, collective textual activity erases the boundaries between senders and recipients, ensures social equality and provides everyone with a platform for self-realization and self-expression. All textual transformations, therefore, represent the actualization of social processes taking place in time and space. They are always determined by the development of technological characteristics of social communication - the appearance of the printing press before the formation and development of digital technologies and network space. Textual transformations range from cuneiform texts on tablets to such innovations as the hypertext format, once again confirming the inextricable connection between textual and social structures.

References

1. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoy zhizni* [Elementary forms of religious life]. Moscow, Elementarnye formy, 2018. 808 p. (in Russian).
2. Marx K., Engels F. German Ideology. In: Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Moscow, Politizdat, 1988. 574 p. (in Russian).
3. Burd'e P. On production and reproduction of the legitimate language. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 2 (23), pp. 1–27 (in Russian).
4. Ryabinskaya N. S. Text and social structure. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2000, no. 3–4, pp. 69–76 (in Russian).
5. Austin D. The word as an action. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Iss. XVII. Moscow, Progress, 1986, pp. 22–129 (in Russian).
6. Goffman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS Publ., 2003. 752 p. (in Russian).
7. Mogilevich B. R. Uncertainty and risk phenomena in the context of intercultural communication. *Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*, 2021, iss. 2 (279), pp. 79–88 (in Russian). <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-2-279-79-88>
8. Osipova N. G. Conceptualization of the society category in the history of sociology: Key discussions. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020, vol. 26, no. 2, pp. 7–34 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-2-7-34>
9. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg, Piter, 2008. 240 p. (in Russian).
10. Mamedov A. K. Deconstruction of cultural space: Death of the text. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 152–166 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-152-166>
11. Potapova R. K., Kuryanova I. V. Features of Text research in the age of internet-mediated communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 5–15 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>
12. Terentyeva I. N. Network communications: A new reality of management. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni R. E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tehnologii»* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev. Series "Management in Social Systems. Communication Technologies"], 2016, no. 4, pp. 23–27 (in Russian). EDN: YREHED
13. Mamedov A. K., Pisareva L. K. Digital society metamorphosis: Difficulty of growth and risk. *Sotsiologiya* [Sociology], 2020, no. 3, pp. 4–17 (in Russian).
14. Sergeeva O. V. Circulation of social knowledge and information: From traditional books to version 2.0. *Obrazovatel'nye tehnologii i obshchestvo. Elektronnyy zhurnal* [Educational Technologies and Society. Electronic Journal]. 2010, vol. 13, no. 2. Available at: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v13_i2/pdf/10r.pdf (accessed March 20, 2024).

Поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 404–409

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 404–409

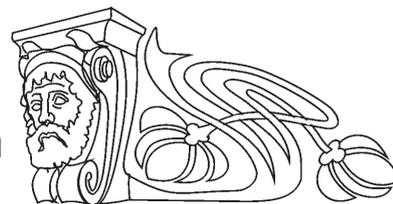
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-404-409>, EDN: НРНУЕС

Научная статья

УДК 316.3.4

Оборонно-промышленный комплекс как фактор социально-экономического роста

И. Н. Юренков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Юренков Игорь Николаевич, соискатель кафедры социологии регионов, www.igor1992@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1375-1398>

Аннотация. В работе рассмотрена динамика социально-экономического развития, проанализировано место оборонно-промышленного комплекса в росте экономических и социальных показателей. Дана оценка влияния ОПК на решение задач в области обороноспособности, обозначены механизмы этого воздействия. Оценено влияние военных расходов на увеличение показателей промышленности. Применяя в работе методы сравнительного анализа, контент-анализа и экспертного мнения, оценено значение оборонно-промышленного комплекса в росте социально-экономических показателей Российского государства. Обозначены системные качества ОПК как фактора экономического прогресса. Обоснована необходимость развития научно-технического и производственного потенциала ОПК и увеличение конкурентоспособности отечественных предприятий, особенно в немаловажном импортозамещении. Выявлено, что рост социально-экономических показателей страны в последние годы связан с ростом промышленности, на который положительно повлиял ОПК, расширив производство на предприятиях комплекса. Отмечается увеличение внешних вызовов и, соответственно, рост потребности в укреплении обороноспособности страны. Оборонно-промышленный комплекс может рассматриваться как фактор социально-экономического роста и обеспечения обороноспособности страны, что делает логичным упор на него с целью повышения темпов развития Российского государства. Показаны прямые и косвенные механизмы влияния ОПК на экономический рост и обеспечение обороноспособности. Важнейшую роль в стабильности и защите российской социальной системы и дальнейшем росте экономических показателей может занять ОПК. Для этого происходят изменения государственной политики в области подготовки специалистов, которые являются ключевыми для обеспечения безопасности, суверенитета и конкурентоспособности.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, социально-экономическая политика государства, промышленный рост, обороноспособность, оборонно-промышленный комплекс

Для цитирования: Юренков И. Н. Оборонно-промышленный комплекс как фактор социально-экономического роста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 404–409. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-404-409>, EDN: НРНУЕС

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The military-industrial complex as a factor of socio-economic growth

I. N. Yurenkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Igor N. Yurenkov, www.igor1992@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1375-1398>

Abstract. The aims of the work are: to consider the dynamics of socio-economic development, to analyze the place of the military-industrial complex in the growth of economic and social indicators, to assess the influence of the defense industry in solving problems in the field of defense capability, to identify the mechanisms of this influence, to evaluate the impact of military spendings on increasing industrial performance. The methods of comparative analysis, content analysis and expert opinion were used. The importance of the military-industrial complex in the growth of socio-economic indicators of the Russian state was shown. The systemic properties of the defense industry as a factor of economic progress are outlined. The need to develop the scientific, technical and production potential of the defense industry and increase the competitiveness of domestic enterprises, especially in the important import substitution, is substantiated. It was revealed that the growth of the country's socio-economic indicators in recent years is associated with the growth of industry, which was positively influenced by the defense industry, expanding production at the enterprises of the complex. There is an increase in external challenges, and accordingly, the need to strengthen the country's defense capability is growing. The defense-industrial complex can be considered as a factor in socio-economic

growth and insurance the country's defense capability, which makes it logical to focus on it in order to increase the pace of development of the Russian state. The direct and indirect mechanisms of the influence of the defense industry on the economic growth and ensuring defense capability were shown. The defense industry can play a key role in the stability and protection of the Russian social system and the further growth of economic indicators. To achieve this, changes are taking place in state policy in the field of training specialists, which are the keys to ensuring security, sovereignty and competitiveness.

Keywords: socio-economic development, socio-economic policy of the state, industrial growth, defense capability, military-industrial complex

For citation: Yurenkov I. N. The military-industrial complex as a factor of socio-economic growth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 404–409 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-404-409>, EDN: НРНУЕС

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика экономического развития – одна из основных тем, анализируемых экономической теорией современности. Место и значение рассматриваемой проблемы исходит из самого предмета исследования экономической науки, целью которой является поиск путей удовлетворения запросов общества за счет максимально рационального и полного использования имеющихся ресурсов.

С 2020 г. ВВП Российской Федерации вырос на 8,5%, в 2021 г. темп роста составил 6,0% относительно 2020 г. Промышленное производство вносило существенный вклад в рост ВВП. Уже по итогам 2021 г. рост обрабатывающей промышленности превысил рост добычающей¹.

Отметим, что изначально при планировании бюджета в 2020 г. возникла необходимость пойти и на урезание оборонных расходов – на реализацию государственной программы вооружений на 5% в 2021–2023 гг.²

В 2022 г. темп роста относительно предыдущего года отрицательный (–1,2%) из-за введенных экономических санкций со стороны западных государств и ухода компаний этих стран с российского рынка; в 2023 г. темп роста относительно 2022 г. вновь положительный – 3,6%, превысив плановые 3,0%³. Этот рост обеспечен в том числе предприятиями ОПК, работающими в три смены, выполняющими гособоронзаказ, который, естественно, вырос в связи с проведением Россией специальной военной

операции⁴. Это подтолкнуло промышленность к росту и внесло значительный вклад в увеличение всей российской экономики. Отмечается, что на машиностроительный и металлургический комплексы приходится наибольший темп роста (23,3 и 9,5% соответственно). Точками роста обрабатывающей промышленности в 2023 г. послужили активное импортозамещение и увеличение гособоронзаказа. Они повлияли и на структуру экономики, диверсифицировав ее, усложнив, что позволило уменьшить долю сырьевой экономики, сделав очередной шаг к избавлению от «нефтяной иглы»⁵.

Социально-экономическое развитие страны обусловлено фактом стойкого механизма экономического роста, который обеспечивает максимальную эффективность при наличии ограниченных экономических ресурсов. В связи с этим рождается потенциал для более предметного решения проблем в области экономики, а также социально-экономических и военно-политических задач. В результате поиск путей для обеспечения роста экономики и планирование механизмами этого развития является очевидной актуальной проблемой науки и практики, а также базисом социально-экономической политики.

При всем этом рост экономики не только направлен на улучшение уровня жизни населения, но и имеет цель укрепить обороноспособность социальной системы для защиты от внешнего военного вмешательства.

По данным Росстата⁶, индексы физического объема ВВП РФ в 2020–2023 гг. были следу-

¹ О текущей ситуации в российской экономике. Декабрь 2021 – январь 2022 года // Минэкономразвития России : [сайт]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6211dc39795bea0da2120d1d8df9d646/20220209.pdf?ysclid=lugbv0godb289409849> (дата обращения: 31.03.2024).

² Власти одобрили экономию на программе вооружений и зарплатах чиновников // АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/09/2020/5f6237c49a7947895999a436> (дата обращения: 31.03.20254).

³ Россия обогнала большинство стран G7 по темпам роста ВВП // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/03/31/22672363.shtml?ysclid=lugbcjx285798595524> (дата обращения: 31.03.20254).

⁴ Оборонка на круглосуточных оборотах: разъяснен смысл закона о спецмерах // Новостной портал Московский комсомолец–МК. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/07/15/oboronka-na-kruglosutochnykh-oborotakh-razyasnen-smysl-zakona-o-specmerakh.html?ysclid=lugcexns4t348650988> (дата обращения: 31.03.20254).

⁵ Экономика России: итоги 2023 // Сервис Газпромбанк Инвестиции. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/?ysclid=lugclpi6kl940230527> (дата обращения: 31.03.20254).

⁶ Информационно-аналитические материалы, срочные публикации и комментарии // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/124101?print=1> (дата обращения: 31.03.20254).

ными: в 2020 г. – 97,3%, в 2021 г. – 105,9%, в 2022 г. – 98,8% и в 2023 г. – 103,6%

Бесспорно, в случае если в результате разрушительного внешнего военного вмешательства обороноспособность и, соответственно, независимость будут потеряны, государство будет не в состоянии выполнять свои социальные функции. Следовательно, сохранение обороноспособности и стабильности социально-экономического развития должно выступать в качестве двуединой задачи государственной политики, в том числе направленной на обеспечение экономического роста.

На Россию в сегодняшних реалиях, а именно в условиях санкционного давления со стороны отдельных стран, возложено решение оперативных и стратегических задач ОПК. Возникает необходимость переоценки имеющихся мер государственной поддержки организаций комплекса для продуктивного использования имеющихся экономических ресурсов.

Исторически так сложилось, что наличие оборонно-промышленного комплекса является неотъемлемой частью экономики полноценно независимых государств. Потребность в иностранных поставках вооружений и использование внешних технологий приводит к экономической и политической зависимости, что способствует замедлению социально-экономического роста и негативно влияет на обеспечение обороноспособности.

Важно отметить, что ОПК производит не только военную продукцию, но и товары двойного назначения, а также гражданское оборудование [1]. Это обусловлено периодичностью в уменьшении или увеличении потребности в вооружениях в зависимости от военной обстановки. Имеющийся потенциал используется для производства невоенной продукции. В этой связи, как отметили в Минпромторге РФ, имеется необходимость заблаговременно заботиться о диверсификации, чтобы к моменту снижения актуальности военных заказов можно было быстро перестроиться и восполнить объемы производства за счет гражданской продукции⁷.

Главой государства ранее была поставлена задача расширения предприятиями ОПК выпуска «невоенной» высокотехнологичной продукции – диверсификации до 50% к 2030 г.

Необходимо отметить результативный опыт концерна «Алмаз-Антей», который зани-

мается в том числе производством аппаратуры для подводной добычи нефти и газа, сжатием природного газа в компрессорных станциях; выпускает медицинское оборудование, продукцию для нужд ТЭК, а также узлы и агрегаты для авиаотрасли и элементы подвижного состава для железных дорог⁸.

Характеризуя развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса в последние три года, отметим, что наблюдается значительный прогресс: «...2022 год выпал на время вынужденных и срочных решений, 2023 год – мобилизации и перестановки производства, 2024 год – планомерного и масштабного увеличения военного производства»⁹. Разумеется, был бы определенно положительный эффект, если бы такие темпы производства имелись к весне 2022 г., однако не всегда есть возможность все предвидеть.

Современная эпоха характеризуется тесным взаимодействием отраслей ОПК и других отраслей промышленности, а также значительными усилиями в области научно-исследовательских и экспериментальных работ по созданию изделий военного назначения [2]. В качестве положительного примера влияния военных расходов на промышленность можно привести автомобильный завод «Урал» в Миассе. Так, в 2023 г. с конвейера предприятия выходило порядка 78 машин, тогда как годом ранее – около 50. Также отметим, что в 2022 г. заводом было инвестировано в собственное развитие 3,3 млрд руб., таким образом, увеличив инвестиции в два с половиной раза. Недостаточные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы до начала спецоперации были серьезным бичом отечественной промышленности. Как следствие, возникали проблемы с импортозамещением, поэтому в силу недостаточного финансирования прибегали к экономии, когда считалось выгоднее закупить комплектующие за границей.

О задаче по налаживанию массового серийного производства, основанного на передовых технологиях, для качественного снабжения армии и флота говорится в послании Президента

⁸ На новую госпрограмму вооружений выделяют не менее 21 триллиона // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/13/na-novuiu-gosprogrammu-vooruzhenij-vydeliat-ne-menee-21-trilliona-rublej.html> (дата обращения: 31.03.20254).

⁹ Качество и количество: с чем пришёл отечественный ВПК в 2024 год // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/235584-kachestvo-i-kolichestvo-s-chem-prishel-otechestvennyj-vpk-v-2024-god.html> (дата обращения: 31.03.2024).

⁷ Загруженным ГОЗ предприятиям ОПК посоветовали уже готовиться к диверсификации // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/916115> (дата обращения: 31.03.20254).

РФ. Подчеркнуто, что работа ведется на отечественной научной и промышленной базе, при включении в выполнение ГОЗ малого и среднего высокотехнологичного бизнеса. Уделение особого внимания военному сектору экономики, несомненно, повлечет передвижки и социальной направляющей – расширение гарантий для трудовых коллективов. В первую очередь, это касается увеличения оплаты труда, социального обеспечения, дополнительного стимулирования путем введения в действие программ льготного арендного жилья¹⁰.

Это поддержит вектор, когда ключевые секторы отечественной экономики и самые подготовленные кадры в нашей стране имеют прочные связи с оборонно-промышленным комплексом [3].

Современная Россия, несмотря на процессы конверсии, имевшие место в последнее десятилетие прошлого и в начале нынешнего века, а также сокращения военного потенциала, которое произошло в первые десятилетия после распада Советского Союза, по-прежнему обладает значительным оборонно-промышленным потенциалом. Последние годы продемонстрировали рост количества военных столкновений вследствие тектонических сдвигов баланса сил в мире. Поэтому в настоящее время продолжается развитие российских вооруженных сил, что влечет за собой необходимость внесения новшеств в отрасли ОПК. Предприятия ОПК сегодня загружены заказами на производство вооружений и военной техники (ВВТ). Согласно заданному плану к концу 2023 г. уровень современного вооружения и техники должен был вырасти до 72,9%. Оборонный заказ в прошлом году выполнен на 98,8%. На 2024 г. армия получит более 36 тыс. образцов боевой техники и 16,6 млн средств поражения¹¹.

Разработка и выпуск новых видов и моделей военной продукции для нужд своих вооруженных сил стимулируют спрос на приобретение подобных вооружений на внешнем рынке. Рост внутренних поставок ВВТ подталкивает к увеличению показателей экспорта. От внешней торговли вооружениями социально-экономическая система России получает несколько важных преимуществ: валютные поступления, рост занятости, снижение себестоимости производства ВВТ. Кроме того, экспорт вооружений позволяет укрепить

и политические связи. Формируются союзнические отношения, обеспечивается баланс военных сил на международной арене. По итогу увеличивается экономическое и политическое влияние государства, что положительно сказывается на экономике и обороноспособности.

Для продвижения продукции российского ОПК отечественные компании активно участвуют в выставках «Армия», «МАКС», «Комплексная безопасность», «Интерполитех». Помимо этого, ведется деятельность и по другим направлениям, включая международные соревнования по военно-техническим видам спорта (например, «Танковый биатлон»). Такие мероприятия обеспечивают значительные инвестиции и способствуют созданию дополнительных рабочих мест¹².

Современный рынок вооружений имеет значительный потенциал для роста, и российский ОПК имеет возможности для насыщения возрастающих нужд. Это связано, прежде всего, с зонами военной напряженности и формированием трех регионов с увеличивающимся объемом расходов — Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний Восток.

Так, общие расходы на оборону в мире составили в 2023 г. 1175 млрд долл. США (2022 г. – 1066,5 млрд долл.). Самый значительный рост расходов на оборону зафиксирован в странах, где наблюдается военная напряженность¹³. В Польше прирост составил 68% (с 13,0 до 21,9 млрд долл.), Турция – 27% (с 22,3 до 28,3 млрд долл.), Япония – 20% (до 50,0 млрд долл.)¹⁴, Израиль – 30% (с 23,3 до 30,3 млрд долл.)¹⁵.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2023 № 1892-р «Об утверждении перечней международных выставок продукции военного назначения, проводимых на территории РФ в 2024-2025 гг.» // Правительства РФ [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/148561/>; Интерполитех : [сайт]. URL: <https://interpoliteh.ru/#b3> (дата обращения: 31.03.2024).

¹³ Расходы 10 ведущих стран НАТО на оборону в 2023 году могут превысить российские в 16 раз. URL: <https://rtvi.com/news/rashody-10-vedushhih-stran-nato-na-oboronu-v-2023-godu-mogut-prevysit-rossijskie-v-16-raz/?ysclid=ltvnjsasud393387917> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁴ Нижняя палата парламента Японии одобрила военный бюджет на рекордные \$50 млрд // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/889029>; Top 10: List of Countries with Highest Military Expense [Updated 2024] // GeeksforGeeks : [site]. URL: www.geeksforgeeks.org/countries-with-highest-military-expense/ (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁵ Правительство Израиля утвердило дополнение к госбюджету на 2023 год // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231128/byudzhel-1912349220.html?ysclid=lugwuyalos592007947>; Как ведущие армии мира увеличивают свои военные расходы. Инфографика // АО «Росбизнесконсалтинг» : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/64999a879a79473511b33183?ysclid=lugvoiw3uz18210787> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 31.03.20254).

¹¹ Качество и количество: с чем пришёл отечественный ВПК в 2024 год.

Выполняя контракты по экспорту ВВТ, производители вооружений могут ожидать поддержки со стороны государственных институтов, ведь их интересы согласуются с основными принципами государственной экономической политики. Эта взаимосвязь позволяет эффективно решать широкий спектр проблем, возникающих во время выполнения данных контрактов: корректная оценка экспортных объемов военной продукции имеет огромное значение, поскольку оказывает значительное влияние на структурную политику; анализ реальных и потенциальных возможностей оборонных предприятий на мировом рынке; изучение конкурентоспособности выпускаемых товаров военного назначения; стимулирование их сбыта и продвижение на глобальном рынке; анализ аспектов, связанных со способностью потенциальных потребителей оплатить приобретаемые товары. В целом, все эти факторы тесно связаны и играют ключевую роль в развитии экспорта военной продукции. Экспорт в области военной техники имеет свои особенности, обусловленные уникальными характеристиками этого товара и воздействием ряда факторов, включая экономические, политические, правовые и морально-нравственные аспекты. Одним из ключевых элементов стратегии по увеличению поставок отечественного вооружения на мировой рынок является долгосрочная техническая поддержка, охватывающая три основных направления: организацию послепродажного содержания, кооперацию с иностранными производителями из основных стран потребителей для обеспечения совместимости образцов, а также предоставление патентов на производство по лицензии¹⁶.

ОПК не только стимулирует общий спрос и предложение, но и содействует переходу отечественной экономики к интенсивному типу роста, внося вклад в формирование и развитие человеческого и научно-технического потенциала. Особенностью специалистов в области оборонного производства является применение новейшего оборудования и инноваций, что требует постоянного развития в квалификации, роста интеллектуальных и морально-нравственных качеств трудовых коллективов, что напрямую влияет на общее развитие человеческого потенциала. Имея в виду перечисленные обстоятельства, систе-

¹⁶ На новую госпрограмму вооружений выделяют не менее 21 триллиона.

ма подготовки сотрудников для сферы ОПК должна обладать особыми требованиями¹⁷.

В частности, Президент РФ поставил парламенту задачу по подготовке специалистов рабочих профессий тех отраслей, которые являются ключевыми для обеспечения безопасности, суверенитета и конкурентоспособности России. Кроме того, глава государства отметил, что необходимо «существенно расширить проект “Профессионалитет”, в рамках которого создаются образовательно-производственные кластеры, обновляется учебная база, а предприятия, работодатели в тесном контакте с колледжами и техникумами формируют образовательные программы исходя из потребностей экономики»¹⁸.

Как итог таких мероприятий, ожидается расширение научно-технического и производственного потенциала ОПК, а также создание новых рабочих мест. Прогнозируется стимулирование инноваций в различных секторах экономики и повышение конкурентоспособности российских предприятий, особенно в сфере импортозамещения¹⁹.

В качестве примера отметим, что в действующей стратегии развития металлургии до 2030 г. Минпромторг поставил цель импортозамещения таких редких и стратегических полезных ископаемых, как ильменит и литий, вольфрам и молибден, ниобий, а также хром и марганец. Ввиду того, что в настоящее время в России нет промышленной добычи лития, применяемого в батареях для электротранспорта, в сферах ОПК и космосе, страна полностью зависит от импортного сырья. При этом есть мощности по переработке этого металла. Ранее АО «Атомредметзолото» приводило данные Минпромторга, согласно которым потребность в литии в России к 2030 г. составит 85 000 т в год. Добыча литиевых руд в России по стратегии поддержки литиевых проектов будет активно развиваться на территориях Завитинского, Ковыктинского, Ярактинского, Колмозерского и Полмостундровского месторождений с 2023 по 2030 г. По подсчетам Минпромторга, пере-

¹⁷ Качество и количество: с чем пришёл отечественный ВПК в 2024 год ; Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2023 № 1892-р «Об утверждении перечней международных выставок продукции военного назначения, проводимых на территории РФ в 2024-2025 гг.»

¹⁸ Мы должны обеспечить право России быть сильной // Российская газета. URL: <https://eivis.ru/browse/doc/84092624> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁹ Послание Президента Федеральному Собранию.

численные производства должны покрыть внутренние потребности в этом сырье²⁰.

На результат изменений в сфере ОПК будет влиять структура конкретной отрасли в каждом регионе. Преобразования следует проводить в промышленно развитых регионах, где адаптация оборонных исследований будет менее затратной. Эти изменения могут касаться как военной тематики (например, утилизации военной техники), так и гражданской. Развитие данного направления позволит регионам стать научно-производственными центрами, производящими современные товары для внутреннего рынка и экспорта.

К примеру, один из регионов, где активно развивается оборонно-промышленный комплекс, – Тульская область. В декабре 2023 г. объявлено о создании в регионе передовой инженерной школы (ПИШ), направление которой будет базироваться на проектном подходе и максимальной консолидации исследовательских и производственных задач предприятий. Так, Тульский государственный университет и АО «КБП» согласовали дорожную карту и тематику научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) школы. Школа специализируется на разработке наземных боевых роботизированных систем с применением искусственного интеллекта²¹.

Представленный подход способствует созданию новых точек роста, которые будут основываться на уже существующих научных центрах в нашей стране и выступают в качестве факторов развития научного комплекса.

Увеличение запроса на научные разработки положительно сказывается на росте внутреннего рынка, влияет на потребности в производственных ресурсах и на сохранение и приток талантливых специалистов, улучшая общую занятость в экономике. При этом использование научных разработок при выполнении ГОЗ укрепит обороноспособность страны, а также поможет решить другие социально-экономические проблемы.

²⁰ «Росатом» и «Норникель» добиваются льгот для первого литейного проекта в России // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/31/1017598-rosatom-nornikel-dobivayutsya-lygot-dlya-pervogo-litievogo-proekta-v-rossii> (дата обращения: 31.03.2024).

²¹ В Тульской области откроют передовую инженерную школу // Московский комсомолец, Тула. URL: <https://tula.mk.ru/social/2023/12/22/v-tulskoy-oblasti-otkroyut-peredovuyu-inzhenernuyu-shkolu.html> (дата обращения: 31.03.2024).

Для продуктивного использования потенциала ОПК, связанного с активизацией дальнейшего социально-экономического роста, необходима эффективная система государственного управления. В данном контексте объектами регулирования являются военное производство, потребление и сфера обращения, а целью – повышение эффективности. Под эффективностью понимается оптимальное распределение ресурсов для достижения поставленных перед оборонно-промышленным комплексом задач в области удовлетворения потребностей армии и обеспечения стабильного экономического роста.

Рассмотренный анализ роли оборонно-промышленного комплекса нацелен на выявление возможностей, которые он имеет в рамках государственной социально-экономической политики, осуществляемой для обеспечения стабильного социально-экономического роста при неотъемлемом выполнении требований высокого уровня обороноспособности. Из анализа следует, что ОПК является специфическим фактором роста экономики современной России, пренебрежение которым или ограниченное его использование может помешать реализации потенциальных и реальных возможностей для достижения высоких показателей экономического роста в стране. Возможности, имеющиеся у отечественного ОПК, позволяют рассматривать его в качестве основы формирования развивающейся модели социально-экономической политики государства.

Список литературы

1. Попов С. А. Формирование цен на промышленную продукцию на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // XXXVI международные Плехановские чтения : сб. ст. аспирантов и молодых ученых (Москва, 30–31 марта 2023 г.). М. : Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2023. С. 339–343. EDN: OKDRYU
2. Голубев С. С., Подольский А. Г. Управление процессом диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса на основе цифровых платформ // E-Management. 2021. Т. 4, № 4. С. 24–34. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-4-24-34>. EDN: KEQHUB
3. Ершова И. В., Мурукина А. Д. Импортзамещение как драйвер развития экономики: роль диверсификации предприятий ОПК // Eromen. Global. 2023. № S34. С. 159–169. EDN MJICVN

Поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024;

принята к публикации 17.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 28.04.2023;

accepted for publication 17.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 410–414

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 410–414

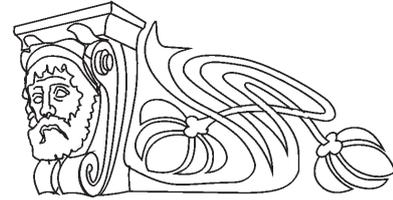
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-410-414>, EDN: IFXCKO

Научная статья

УДК 316.342.6

Социально-экономические аспекты современного пенсионного обеспечения военнослужащих Российской Федерации

А. В. Тимофеева

Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Саратовская обл., 412903, г. Вольск, ул. М. Горького, д. 3

Тимофеева Анна Вячеславовна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, timofeevaa5544@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8779-0943>

Аннотация. Военная пенсия зачастую является лишь частью от института специальных выплат военнослужащим. В связи с тем, что пенсионное обеспечение военнослужащих является специфической системой и отличается от общих пенсионных выплат, необходимо разобраться в ней. В данной статье анализируются особенности современной системы пенсионного обеспечения военнослужащих всех силовых структур Российской Федерации, отражающие, с одной стороны, мировые тенденции, с другой, специфику системы военного пенсионирования России. Представлены общие расходы федерального бюджета (за период 2016–2021 гг.) на пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу в силовых структурах государства. Изучена динамика общего расхода бюджета для той или иной силовой структуры по отношению к пенсионным выплатам (на примере Министерства обороны РФ). Рассмотрены средние размеры пенсий за выслугу лет пенсионеров Министерства обороны России. Проведен анализ темпа роста денежного довольствия военнослужащих, военных пенсий за выслугу лет, страховых пенсий по старости и уровня инфляции с 2018 по 2022 г. Особое внимание направлено на распределение бюджетных ассигнований, касающееся пенсионного обеспечения военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Был проведен сравнительный анализ динамики индексации военных пенсий и страховых пенсий по старости на период 2013–2022 гг. Рассмотрена специфика выплат пенсионного довольствия военнослужащим в зависимости от силовой структуры РФ. Представлены характерные особенности исчисления, выплаты, перерасчета и назначения выплаты пенсионного довольствия, проявляющие специфику механизма формирования военного пенсионирования.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, реформирование, пенсионная система военнослужащих, социальная защита, силовые структуры

Для цитирования: Тимофеева А. В. Социально-экономические аспекты современного пенсионного обеспечения военнослужащих Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 410–414. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-410-414>, EDN: IFXCKO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social and economic aspects of modern pension provision for military personnel of the Russian Federation

A. V. Timofeeva

Volsky Military Institute of Material Security (branch) Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov, 3 M. Gorky St., Volsk 412903, Saratov region, Russia

Anna V. Timofeeva, timofeevaa5544@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8779-0943>

Abstract. The military pension is often only a part of the institution of special payments to military personnel. Due to the fact that pension provision for military personnel is a specific system and differs from general pension payments, it is necessary to understand it. This article analyzes the features of the modern pension system for military personnel of all law enforcement agencies of the Russian Federation, reflecting, on the one hand, the global trends and, on the other hand, the specifics of the Russian military pension system. The total expenditures of the federal budget (for the period 2016–2021) for the pension provision of persons who served in the military in the power structures of the state are presented. The dynamics of the total budget expenditure for a particular power structure in relation to pension payments is studied (using the example of the Ministry of Defense of the Russian Federation). The average size of pensions for seniority of pensioners of the Ministry of Defense of Russia is considered. The analysis of the growth rate of monetary allowances for military personnel, military superannuation pensions, old-age insurance pensions and the inflation rate from 2018 to 2022 was carried out. Special attention is paid to the budget allocation related to pension provi-

sion for military personnel of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. A comparative analysis of the dynamics of indexation of military pensions and old-age insurance pensions for the period 2013–2022 was carried out. The specifics of pension payments to military personnel, depending on the power structure of the Russian Federation, are considered. The characteristic features of calculation, payment, recalculation and assignment of pension allowance payments are presented, showing the specifics of the mechanism of formation of military pensions.

Keywords: pension provision, reformation, pension system of military personnel, social protection, law enforcement agencies

For citation: Timofeeva A. V. Social and economic aspects of modern pension provision for military personnel of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 410–414 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-410-414>, EDN: IFXCKO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из самых эффективных мер социальной защиты военнослужащих выступает их пенсионное обеспечение, входящее в систему главенствующих факторов, которые влияют на обороноспособность государства, охрану правопорядка и сохранение национальной безопасности. От уровня пенсионных выплат и других льгот напрямую зависят престиж профессии, заинтересованность молодого поколения в несении службы на благо Отечества и, несомненно, готовность военнослужащих к выполнению поставленных перед ними задач. Высокий уровень пенсионного обеспечения военнослужащих является неотъемлемой частью политики экономически развитых стран, так как именно государство решает фундаментальные задачи по защите собственных национальных интересов [1, с. 68].

Страны с высоким уровнем экономического развития имеют институты социальных пенсий, где военная пенсия является обязательной составляющей их общей деятельности. В отличие от общеустановленной пенсии, военная пенсия характеризуется повышенным размером и относительно ранним возрастом получения права на пенсию, что связано с повышенным риском для жизни и здоровья, готовностью выполнения поставленных задач в любых условиях. Исходя из этого вытекают и обязательства государства перед военнослужащими, заключающиеся в особой социальной защите, в том числе и в достойном пенсионном довольствии [2].

Национальные пенсионные системы проходили ряд процессов реформирования, которые, как правило, затрагивали только общие пенсионные схемы и совершенно не касались института специальных пенсий. В последнее время ряд стран направили свою политику на реформирование института военных пенсий: пересматривается нижняя граница выслуги лет для назначения данного вида пенсии, разрабатываются новые схемы пенсионных выплат военнослужащим, внедряются новые страховые механизмы и т.д.

Анализируя проводимые в Российской Федерации реформы, касающиеся пенсионного обеспечения военнослужащих, можно отметить, что на протяжении последних лет система не подвергалась значительной модернизации, а проводимые изменения носили лишь параметрический характер. Несмотря на это, в последнее время представители государственных структур, эксперты и ученые предлагают варианты кардинального реформирования пенсионной системы военнослужащих. К таким предложениям относятся: предложение увеличения нижней границы выслуги лет (с 20 до 25 лет), дающая право на пенсию по выслуге лет; изменение даты выплат данной пенсии (не после увольнения с военной службы, а при наступлении общеустановленных пенсионных оснований); установление выплат единовременного пособия по увольнению при выслуге в 20 лет вместо назначения пенсии и др. [3].

Безусловно, реформирование не может совершаться только ради реформирования. Необходимо выяснить, во-первых, отвечает ли нынешняя система выплат военной пенсии современным требованиям и задачам и есть ли необходимость в модернизации. Во-вторых, каким образом отразятся предлагаемые варианты реформирования на материальной обеспеченности военных пенсионеров. В-третьих, как реформирование пенсионного обеспечения военнослужащих повлияет на самих военнослужащих, их способность к выполнению поставленных боевых задач. Пенсионные нововведения, несомненно, отразятся на действующих военнослужащих. К примеру, при увеличении нижней границы выслуги лет пролонгируется срок военной службы, а это, в свою очередь, увеличивает риск утраты профессиональной трудоспособности, что связано с длительным неблагоприятным воздействием факторов различного рода, обусловленных спецификой военной деятельности. В-четвертых, соотносимы ли предлагаемые варианты реформирования с

целями и задачами, ставящимися перед военнослужащими в настоящее время. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что реформы в области пенсионного обеспечения военнослужащих необходимо проводить системно, опираясь на научный базис и на обоснованные прогнозные оценки [4, с. 32].

Современная система пенсионного обеспечения Российской Федерации включает в себя ряд тенденций, свойственных и зарубежным странам. Это относится, прежде всего, к увеличению расхода бюджетных средств на пенсионное довольствие военнослужащих (к примеру, в Министерстве обороны РФ – в среднем на 2,6% за последние пять лет, в Министерстве внутренних дел РФ – 5,13% в год). Опираясь на положение федерального бюджета на 2022, 2023

и 2024 гг., общая численность военных, получающих пенсионное обеспечение, составит: в 2022 г. – 2719 тыс. чел., в 2023 г. – 2739 тыс. чел., в 2024 г. – 2764 тыс. чел. Рассмотрим расходы федерального бюджета, выделяемые для силовых структур, реализующих пенсионное обеспечение военнослужащих, уволенных по пенсионным основаниям¹.

Общие расходы на пенсионное обеспечение, перечисленные силовым структурам в 2020 г., составили 754,5 млрд руб., в 2021 г. – 788,97 млрд руб., в 2022 г. – 853,4 млрд руб., в 2023 г. – 887,89 млрд руб., в 2024 г. запланировано – 887,89 млрд руб. Отобразим динамику изменений в расходах бюджетов силовых структур на пенсионное обеспечение (за период 2016–2021 гг.) в табл. 1.

Таблица 1

Динамика изменений в расходах бюджетов силовых структур государства на пенсионное обеспечение (за период 2016–2021 гг.), %

Силовые структуры	2017	2018	2019	2020	2021
МО России	+2,5	+2,6	+0,8	+4,8	+1,1
МВД России	+7,7	+6,3	+5,8	+1,1	+4,8
ФСБ России	+8,3	+7,5	+6,5	+1,5	+11,2
Федеральная служба исполнения наказания (ФСИН) России	+10,3	+10,3	+8,6	-0,66	+14,6
Генеральная прокуратура Российской Федерации	+2,2	+46,6	+9,8	+0,3	+9,4
Следственный комитет Российской Федерации (СК России)	+28,9	+91,1	+37,6	-10,4	+32,4

Сост по: Госрасходы. Бюджет. URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

Анализируя данные, представленные в табл. 2, можно говорить о том, что в течение приведенного периода пролеживается тенденция увеличения расхода бюджетных ассигнований для силовых структур, которые реализуют пенсионное довольствие лиц, проходивших военную службу, и членов их семей. Но данная динамика не всегда положительна: в Министерстве обороны РФ – это в среднем +2,68%; в Министерстве внутренних дел – +5,3; в Федеральной службе безопасности – +5,8%; в Федеральной службе исполнения наказания – +11,5%; в Генеральной прокуратуре России – +14,8%; в Следственном комитете России – +36,9.

Рассмотрим динамику общего расхода бюджета для той или иной силовой структуры по отношению к пенсионным выплатам в табл. 2 (на примере Министерства обороны РФ). Анализ данных показывает, что в 2016–2017 гг. расходы на пенсионное довольствие увеличились, но в 2018 г. начали уменьшаться (на 1,3%). Данная тенденция прослеживается

и в 2019 г. (еще на 0,3%). В утвержденном бюджетном ассигновании на 2021 г. данные расходы составили 18,8% от общего бюджета, что привело к увеличению пенсионных отчислений на 0,3% по сравнению с 2020 г.

Рассчитаем показатель расходов на одного военного пенсионера по каждой силовой структуре государства в отдельности, так как необходимо разобраться, каков размер пенсии за выслугу лет, исходя из размера должностного оклада, оклада по званию, надбавки за выслугу лет с учетом ограничительного коэффициента, на примере пенсии, выплачиваемой Министерством обороны РФ (см. табл. 2).

¹ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей : закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 20.12.2017) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9, ст. 328.

Таблица 2

Средние размеры пенсий за выслугу лет пенсионеров Минобороны России (по состоянию на 01.10.2023 г.)

Воинская должность, воинское звание	Выслуга лет	Сумма, с которой исчисляется пенсия за выслугу лет (должностной оклад, оклад по званию, надбавка за выслугу лет), руб.	Коэффициент, %	Размер пенсии, руб.
Командир отделения, сержант	20	28 633	85,47	24 472
Старшина роты, прапорщик	20	34 623	85,47	29 592
Командир взвода, старший лейтенант	20	40 614	85,47	34 713
Командир роты, капитан	23	43 941	85,47	37 556
Командир батальона, подполковник	25	51 269	85,47	43 820
Командир полка, полковник	25	52 601	85,47	44 958
Командующий армией, генерал-лейтенант	30	78 561	85,47	67 146

Сост по: Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). URL: <https://sc.mil.ru/social/money/pension.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

Вместе с тем следует, что пенсия за выслугу лет может оказаться ниже прожиточного минимума пенсионера, установленного на федеральном или региональном уровнях (с учетом ограниченного коэффициента).

Военные пенсии индексируются в соответствии с уровнем инфляции за прошедший год, согласно нормативно правовым актам военной пенсии. Также предусмотрено и ин-

дексирование с повышением данного уровня на 2%. Проведенный анализ показывает, что за последние годы индексация военных пенсий могла быть даже ниже величины уровня инфляции (так, за 2020 г. – 4,93%, в 2021 г. – 3,9%, а в 2022 г. – 4,2%). Положение о превышении на 2% уровня инфляции при индексировании военных пенсий не выполнялось (табл. 3) [5].

Таблица 3

Сравнительный анализ размера пенсии за выслугу лет в Министерстве обороны РФ и Министерстве внутренних дел РФ (при идентичных исходных условиях), руб.

Условия	Министерство внутренних дел РФ	Условия	Министерство обороны РФ
Командир мотострелкового (танкового) полка, полковник, выслуга 20 лет	19 226,40	Начальник отдела, полковник полиции, выслуга 20 лет	20 609,15
Заместитель командира мотострелковой (танковой роты), капитан, выслуга 20 лет	17 217,77	Начальник отделения, капитан полиции, выслуга 20 лет	15 325,40

Необходимо отметить, что в отношении различных силовых структур прослеживается разная динамика изменения численности военных пенсионеров. К примеру, в Министерстве обороны РФ наблюдается отрицательная динамика числа лиц, получающих пенсионное обеспечение, в то время как в Министерстве внутренних дел РФ, наоборот, – прирост военных пенсионеров.

Специфика процедуры назначения, исчисления, перерасчета и выплаты пенсионного

довольствия имеет характерные особенности для каждой силовой структуры в отдельности, что обуславливается рядом факторов: условное разделение силовых структур на правоохранительные, войсковые и обеспечивающие национальную безопасность, отличающиеся друг от друга целями, задачами и функциями; механизм начисления и уровень формирования денежного довольствия отличается в силовых структурах, которые формируются на основе тарифных разрядов. Исходя из этого и пенсио-

ное довольствие за выслугу лет (с учетом одинаковой выслуги лет, таким же воинским званием, идентичной должности) будет отличаться по размеру выплат² [9].

Из данных, приведенных в табл. 3, следует вывод о том, что выплаты пенсионного довольствия в Министерстве обороны РФ выше, чем в Министерстве внутренних дел РФ, при идентичных условиях.

Одной из гарантий дальнейшего успешного осуществления военной реформы выступает создание действенной системы пенсионного обеспечения военнослужащих. Еще Петр I говорил о важности заботы о воинах, закончивших военную службу, стимулировании ревностного отношения к военной службе тех, кто еще находится в строю: «Ежели кому по долговременным трудам воинских за чем в поле служить было невозможно, то каждый будет снабжен Его Царского Величества милостью, а без призрения никто оставлен не будет. Так чтоб все, взирая и будучи в надежде на сию Его Царского Величества милость, ревнивей к службе поступали» [6, с. 91].

Пенсионная система, конкретно пенсионное обеспечение военнослужащих, имеет ряд специфических проблем, которым необходимы радикальные решения, существенные преобра-

зования. Конечным результатом такой преобразовательной деятельности должны выступать: повышение качества и эффективности социальной защиты; достижение достойного уровня предоставляемых социального обеспечения и социальных гарантий; повышение качества жизни военных пенсионеров и в целом статуса военнослужащих.

Список литературы

1. Тресков В. И. Пенсионное обеспечение граждан: основные вопросы. М. : Ред. «Российской газеты», 2016. 175 с. (Библиотечка «Российской газеты». Вып. 5).
2. Шахбанова Ю. А. Пенсионная реформа в России 2015 года // Закон и право. 2015. № 5. С. 25–28.
3. Шахбанова Ю. А. Виды пенсий для военнослужащих в Российской Федерации // Наука и образование сегодня. 2018. № 7 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-pensiy-dlya-voennosluzhaschih-v-gossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Ермаков Д. Н. Правовое регулирование пенсионного обеспечения военнослужащих в Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 32–43.
5. Кирюхин С. В. Проблемы пенсионного обеспечения в силовых структурах Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 6. С. 248–255. EDN: IZLLTS
6. Тютюнов Н. В. История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих // Социально-политические науки. 2012. № 2. С. 91–97.

² О страховых пенсиях : федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2013. 31 дек.

Поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 17.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 17.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 415–420

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 415–420

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-415-420>, EDN: KUPJKJ

Научная статья

УДК 316.628.23

Формирование потребности здорового образа жизни студенческой молодежи: тенденции на рынке физкультурно-оздоровительных услуг

П. А. Андрияков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Андрияков Павел Анатольевич, старший преподаватель кафедры теоретических основ физического воспитания, pavelandriakov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1578-8581>

Аннотация. В статье актуализируется необходимость исследования поведенческих особенностей и психоэмоционального портрета потребителей рынка физкультурно-оздоровительных услуг. Основное внимание уделяется исследованию вопросов формирования предпочтений потребителей при выборе услуг, их потребностей и ожиданий от предоставляемых услуг, а также влиянию различных факторов на принятие решения о получении услуг данного сегмента рынка. Автором проведено социологическое исследование методом анкетирования среди студентов Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского с целью разработки методических подходов к анализу проблемы образа жизни, здоровья и отношения к здоровью. В опросе приняли участие студенты бакалавриата (N = 213) в возрасте от 17 до 25 лет (выборка целевая; критерии отбора – род деятельности, возраст, регион проживания). В ходе анализа данных опроса выдвинуто предположение, что самооценка состояния здоровья современной молодежи может быть определена как низкая. Выявлено, что, несмотря на осознание влияния вредных привычек на здоровье человека, почти половина опрошенной молодежи подвержена им. Полученные данные подтверждают, что ценообразование на рынке физкультурно-оздоровительных товаров и услуг по большей части принадлежит к премиальному сектору, что ограничивает аудиторию данного рынка.

Ключевые слова: потребность, мотивация, здоровый образ жизни, молодежь, физическая культура, спорт

Для цитирования: Андрияков П. А. Формирование потребности здорового образа жизни студенческой молодежи: тенденции на рынке физкультурно-оздоровительных услуг // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 415–420. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-415-420>, EDN: KUPJKJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The formation of the need for a healthy lifestyle among students: Market trends of physical education and wellness services

P. A. Andriyakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Pavel A. Andriyakov, pavelandriakov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1578-8581>

Abstract. The article actualizes the need to study the behavioral characteristics and psycho-emotional portrait of consumers of the market of physical education and wellness services. The main attention is paid to the study of the formation of consumer preferences when choosing services, their needs and expectations from the services provided, as well as the influence of various factors on the decision to receive services from this market segment. The author conducted a sociological survey using the questionnaire method and presented the results obtained at the Saratov State University in order to develop methodological approaches to the analysis of the problem of lifestyle, health and attitude to health. The survey was attended by undergraduate students (N = 213) aged 17 to 25 years (target sample; selection criteria – occupation, age, region of residence). During the analysis of the survey data, it was suggested that the self-assessment of the health status of modern youth can be defined as low. It was revealed that, despite the awareness of the impact of bad habits on human health, almost half of the surveyed youth have harmful habits. The analysis of the obtained data confirms that pricing in the market of physical education and health products and services mostly belongs to the premium sector, which limits the audience of this market.

Keywords: need, motivation, healthy lifestyle, youth, physical education, sports

For citation: Andriyakov P. A. The formation of the need for a healthy lifestyle among students: Market trends of physical education and wellness services. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 415–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-415-420>, EDN: KUPJKJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С каждым годом все больше людей осознают важность здорового образа жизни и стремятся изменить свою повседневную жизнь. С развитием информационных и телекоммуникационных сетей населению стало проще получать информацию, в частности о здоровом образе жизни, правильном питании и спорте. Этому же способствует и повышение уровня образования, из-за чего люди становятся более внимательны к собственному здоровью и осознают риски бездумного образа жизни.

Все это обозначило в современной экономике своеобразный тренд – на российском рынке товаров и услуг одним из наиболее динамично развивающихся сегментов является сегмент физкультурно-оздоровительных услуг. В данной статье мы рассмотрим поведение потребителей на российском рынке физкультурно-оздоровительных услуг, их предпочтения, тренды и особенности спроса в данной сфере.

Тема важности здорового образа жизни привлекала внимание многих российских ученых. Изучению теоретических и практических вопросов поведенческих особенностей потребителей и их потребностей на рынке физкультурно-оздоровительных услуг посвящены работы О. Ф. Мельниковой [1] и Н. Е. Бартеневой [2]. М. В. Бородунова [3] исследует модели потребления на рынке фитнес-услуг. Работы многих исследователей направлены на изучение рынка через его потребителей. Например, Д. К. Танатова с соавт. [4] оценивают влияние физической культуры на жизнь населения страны, а Л. А. Данченко и А. Н. Минеев [5] проводят аналогичное исследование, но изучая мотивационные особенности потребителей. Значительное внимание в научных работах уделяется молодежи, так как здоровый образ жизни играет огромную роль в становлении личности. Более того, сегодняшняя молодежь – это будущее нашей страны, так что особое внимание уделяется работе с нею. Так, в работах Р. И. Платоновой [6], А. В. Даниленко и А. Н. Герасевича [7] исследуется, какое влияние оказывает здоровый образ жизни на становление личности молодежи и студенчества и какие проблемы возникают в связи с этим.

Целью данной статьи является исследование психоэмоциональных особенностей потребителей и возникающие в связи с ними препятствия на пути продвижения рынка физкультурно-оздоровительных товаров и услуг.

Для достижения поставленной цели мы определили и выполнили ряд задач:

– выявить особенности современного российского рынка физкультурно-оздоровительных товаров и услуг;

– выделить базовые характеристик психологического портрета его потребителя;

– проанализировать результаты социологического исследования, которое охарактеризует отношение потребителей к рынку физкультурно-оздоровительных товаров и услуг.

В рамках современной социологии неразумно ограничивать определение роли маркетинга исключительно для продвижения товаров и услуг, поскольку его объектами могут выступать организации, люди и идеи. Задачей маркетинга является не только увеличение спроса, но и попытка влияния на него так, чтобы он соответствовал предложению, что заставляет маркетологов также становиться экспертами в социологии.

Если рассматривать маркетинг как современную философию, то можно выделить три главных принципа:

1) ориентирование на потребителей и гибкое регулирование производства и сбыта;

2) сегментация современного рынка, приводящая к выявлению конкретной группы потребителей (т.е. сегмента), на удовлетворение потребностей которой и необходимо ориентироваться;

3) ориентация на долгосрочные результаты, которые обеспечиваются инновациями производственной деятельности.

Как отмечают специалисты по спортивному маркетингу, на качество физкультурно-оздоровительных услуг влияет ряд факторов, например сервис, комфорт и т.д. Однако уровень и количество подобных исследований не соответствуют запросам современности. Кроме того, практически все исследования проведены среди населения крупных городов, таких как Москва, Санкт-Петербург и др. В связи с этим на рынке возникла потребность в «модели» потребителя данного сегмента экономики в качестве ориентира для большинства региональных фитнес-центров Российской Федерации.

Рынок физкультурно-оздоровительных услуг можно считать специфичным. По мнению М. В. Бородуновой, потребители здесь не преследуют материальную выгоду, а стремятся к самосовершенствованию и личностному росту [3]. В связи с этим исследователь считает, что именно личность потребителя находится в центре любой маркетинговой деятельности участников данного рынка.

Также наблюдается прямая корреляция между уровнем доходов населения и спросом на различные виды услуг, связанных с отдыхом и здоровьем. В то же время услуги данного сегмента являются сложными экономическими и одновременно социально-педагогическими объектами рыночной деятельности.

Однако нельзя не отметить, что в последнее время у потребителей физкультурно-оздоровительных услуг сформировалась высокая степень осведомленности и компетентности. Интерес к данному сегменту возрос в связи с растущей ролью физической культуры и здорового образа жизни на существование человека. Как считает О. Ф. Мельникова, спорт и физическая активность позволяют людям решать ряд проблем, что приводит к повышению уровня жизни, увеличению продолжительности жизни и трудоспособного возраста [1].

Чтобы точнее охарактеризовать специфику данного рынка, надо начать с составления социально-демографического портрета его потребителя. Как мы уже обозначили, это человек, который ценит свое здоровье и физическую форму, а также стремится к активному образу жизни и хорошей физической форме. Возраст клиента строго не определен, но чаще всего это люди среднего или пожилого возраста, для которых важна забота о своем здоровье.

При этом каждая возрастная группа по-разному относится к спортивной культуре, для иллюстрации выводов следует обратиться к исследованию, проведенному Д. К. Танатовой с соавт. [4]. В нем рассматриваются реакции разных возрастных групп на спорт. Так, для родителей детей 6–12 лет самым главным фактором являлось разнообразие спортивного развития ребенка при достаточном объеме двигательной активности, в то время как детей интересует непосредственная заинтересованность своих родителей в этой активности. Подростки постарше склонны считать спорт своим хобби, а грань между хобби и профессиональным спортом они проводят по фактору времени, затраченного на тренировки, и уровню квалификации тренера. Вместе с этим они жалуются на нехватку времени, финансовые трудности и лень, а также высокое эмоциональное напряжение, действующее на психику.

Молодежь 18–29 лет выражает заинтересованность в спорте, но ограничена недостаточным развитием инфраструктуры в регионе проживания, а также уровнем коммерциализации спортивной культуры. Фактор лени при

этом никуда не делся. Население среднего возраста, 30–59 лет, осознает важность тренировок для своего здоровья, но также ограничено во времени и обеспокоено травматизмом спорта. В свою очередь, пожилые люди считают, что в их возрасте они уже не способны полноценно тренироваться, к тому же для тренировок их возрастной категории отсутствует специализированное оборудование. На основании этого исследования можно сделать вывод, что у подавляющего большинства населения России присутствует осознание важности спортивных тренировок, но по разным причинам не все могут выделить для них время и силы.

У потребителя рынка физкультурно-оздоровительных услуг есть не просто осознание, но и мотивация к занятиям спортом – он стремится достичь определенных целей и готов инвестировать свои финансы и время в посещение спортивных залов и тренировки. Этот потребитель ориентирован на результат, ему интересны конкретные изменения в своем теле. И в этом заключается главный парадокс.

Исследователь Н. Е. Бартерева, рассматривая потребление фитнес-услуг, приходит к выводу, что моральная потребность потребителя рынка физкультурно-оздоровительных услуг в достижении и совершенствовании физической формы является недостижимой, т.е. вечной погоней, «в которой потребитель задает цели только для текущего этапа нескончаемых усилий» [2, с. 232]. В свою очередь, рынок стремится «совершенствовать» своих потребителей – «участников гонки», чтобы сохранять спрос на свои услуги. Таким образом, сделан вывод, что потребности потребителей этого рынка «являются как биологической, так и социальной необходимостью» [2, с. 232].

Одной из проблем на пути продвижения рынка физкультурно-оздоровительных услуг являются высокие цены на фитнес-услуги. Как мы упоминали ранее, среди прочих причин отсутствия спортивной активности молодежь называет высокую стоимость услуг. Это связано с тем, что фитнес-услуги представлены в основном в премиальном ценовом сегменте и занимают около 70% рынка, в то время как клубам с более бюджетными ценниками остаются лишь 30% рынка, доступные для студентов, молодых людей и других людей с низким уровнем дохода.

В наше время много жалоб на неудовлетворенность собственным физическим состоянием поступает от современной российской молодежи

жи. Именно поэтому мы решили обратиться к тем самым 30% населения, чтобы узнать их мнение по вопросам, касающимся рынка физкультурно-оздоровительных услуг. Особенно это важно по нескольким причинам. Во-первых, период студенчества является одной из многих ключевых точек в жизни человека, на этапе которой определяются ориентиры его будущей жизни [6]. Во-вторых, современная молодежь является завтрашним платежеспособным населением, стереотипы и приоритеты которого будут определять тенденции всей спортивной политики России.

При проведении нашего исследования мы использовали методику анкетного опроса. Выбор и опрос респондентов осуществлялся по месту учебы, участникам гарантировалась анонимность.

Целью исследования является разработка методических подходов к анализу проблемы образа жизни, здоровья и отношения к здоровью студенческой молодежи в рамках одного высшего учебного заведения. В опросе приняли участие 213 студентов (125 девушек и 88 юношей) бакалавриата дневной формы обучения Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Мы решили начать опрос с самооценки студенческой молодежи состояния своего здоровья. Самооценка выступает с регулятивной функцией, что обуславливается тесной связью оценки и осознания своих возможностей с жизненной перспективной и местом в социуме [5].

Анализируя результаты анкетирования, мы пришли к выводу, что самооценка состояния здоровья отмечена как достаточно низкая. Половина опрошенных респондентов (47%) оценили состояние своего здоровья как «хорошее», 45% – «удовлетворительное» и лишь 5% – как «плохое». «Отличным» здоровьем смогли похвастаться только 3% студентов. При этом юноши с большим оптимизмом относятся к своему здоровью, чем девушки (высоко оценили свое здоровье более 70% юношей и чуть больше 30% девушек).

Все опрошенные студенты осознают, что заболевания являются следствием вредных привычек человека (алкоголизм, курение, наркомания и т.д.). Однако в ответ на вопрос «Ведете ли Вы здоровый образ жизни» положительно ответили только 30% участников опроса, а более 45% – отрицательно. В то же время 20% респондентов не смогли определиться с

ответом, что приводит нас к выводу о том, что у студентов отсутствует четкое правильное отношение к своему образу жизни.

Более половины студентов, давших отрицательный ответ, отмечают, что физкультура и спорт отсутствуют в их жизни в связи с нехваткой финансовых возможностей, что подтверждает наш вывод о том, что рынок физкультурно-оздоровительных услуг является рынком премиального сектора, и это негативно сказывается на доступности для потребителя. Еще 12% опрошенных отметили отсутствие условий, а остальные заявили, что не хотят себя ограничивать.

В то же время около 7% всех респондентов не считают, что соблюдение принципов здорового образа жизни является гарантией хорошего здоровья, остальные же заявили о необходимости соблюдать их, и из них 77% студентов отметили, что необходимо придерживаться всех принципов ЗОЖ для достижения поставленных результатов.

В ходе исследования было установлено, что большая часть молодежи отвергает принципы здорового образа жизни, поддавшись вредным привычкам. Лишь 50% девушек и 31% юношей отметили, что не имеют пагубных привычек. По результатам исследования можно сделать вывод, что вредные привычки пустили глубокие корни среди молодежи. Респонденты отмечают, что школьники пришли в вуз с уже сформировавшимися вредными привычками, самой распространенной из которых (отметили 80% респондентов) стало курение.

Мы решили опросить студентов на предмет оценки их жизненных ценностей. Более 60% студентов посчитали здоровье самым главным приоритетом в их жизни. Что удивительно, такие важные вещи для молодежи, как любовь и общение с друзьями, заняли лишь 6-ю и 7-ю позиции в рейтинге ответов.

Следует отметить, что обществу необходимо изменить отношение подростков к собственному здоровью, так как происходит неуклонное ухудшение показателей здоровья студенческой молодежи. Только тесное взаимодействие всех социальных институтов, связанных с воспитанием детей и подростков, способно приблизить нас к приобщению молодежи и студенчества к здоровому образу жизни.

Мы считаем, что работа с молодежью должна быть активной и более целенаправленной на формирование ценностного отношения к своему здоровью. Сохранение собственного здоро-

вья должно стать обязательным условием для рентабельности личности, а вредные привычки должны стать неперспективными в глазах общества для создания успешной профессиональной карьеры и материального благополучия.

Подведем итоги. Во-первых, интерес к рынку физкультурно-оздоровительных товаров и услуг с каждым днем лишь растет. Это происходит в связи с современными общественными реалиями – повышенным уровнем стресса и недостаточной физической активностью населения, которое стремится исправить эти недостатки своего образа жизни.

Сокращение доли молодежи, занятой физическим трудом, привело к росту офисной занятости, а следовательно, к недостаточной физической активности и вредным привычкам. Это вынуждает людей искать способы улучшить свое физическое здоровье.

В России в 2018 г. стартовал федеральный проект «Укрепление общественного здоровья», который предусматривает комплекс мер информационно-коммуникационного характера для воздействия на базовые поведенческие факторы населения. Можно с уверенностью сказать, что у населения не только появляется, но и укрепляется общее осознание важности заботы о своем здоровье. Все больше людей понимают, что здоровый образ жизни играет ключевую роль в улучшении качества жизни [7].

Однако общее понимание проблемы и осведомленность о факторах риска не всегда означают реальные действия. Выход – в расширении количества предлагаемых физкультурно-оздоровительных услуг, это облегчает поиск наиболее приемлемых для каждого способов поддержания своей физической формы и подтверждается растущим спросом на фитнес-услуги, такие как йога, пилатес и многие другие.

Во-вторых, результаты опроса позволили составить портрет современного потребителя на региональном рынке физкультурно-оздоровительных товаров и услуг. Это человек, который следит за здоровьем и стремится к высокому качеству своей жизни. Возраст клиента строго не определен, но чаще всего им выступает человек среднего или пожилого возраста, для которого забота о здоровье становится главным приоритетом для повышения качества своей жизни.

Благодаря исследованию, проведенному Д. К. Танатовой [4], выявлены основные тенденции, сформированные у разных возрастных категорий клиентов рынка физкультурно-оздоровительных товаров и услуг. Так, для ро-

дителей детей от 6–12 лет основным фактором является разнообразие спортивного развития детей при достаточной активности.

Для подростков спорт является скорее хобби, чем профессиональной деятельностью, а отличие они находят в количестве тренировок и уровне квалификации тренера. Для молодежи старше 18 лет проблемы с занятием спортом связаны с недостаточным развитием спортивной инфраструктуры и коммерциализацией спортивной сферы.

Люди старше 30 лет осознают важность тренировок, но ограничены во времени и обеспечены травмоопасностью активного спорта. Пожилые люди при всем осознании важности спорта уже не способны полноценно тренироваться, как в молодости, а специализированное оборудование для них зачастую отсутствует.

Мы пришли к выводу, что признание важности тренировок у населения присутствует, но не у всех достаточно для этого времени и сил (по самым разным причинам, порой не зависящим от их физических возможностей).

В-третьих, в рамках проведенного среди студентов бакалавриата СГУ социологического опроса мы смогли сделать некоторые выводы об отношении студенческой молодежи, будущего нашей страны, к рынку физкультурно-оздоровительных товаров и услуг. Среди молодежи самооценка состояния здоровья отмечена как достаточно низкая. Несмотря на то, что респонденты осознают влияние вредных привычек на здоровье человека и большинство из них признают здоровье самой главной ценностью в жизни, почти половина участников опроса имеют вредные привычки.

Студенческая молодежь подтверждает, что ценообразование на рынке физкультурно-оздоровительных товаров и услуг по большей части принадлежит к премиальному сектору, что ограничивает подростков и пожилых людей, которые составляют большинство тех, кто жалуется на неудовлетворенность собственным здоровьем. Это видится нам одной из важнейших проблем на пути распространения данного сегмента рынка и, как следствие, причиной ухудшения физического состояния населения и снижения удовлетворенности им. Это негативно сказывается на качестве жизни и психоэмоциональном состоянии населения. Данные тенденции являются причиной повышения интереса к товарам и услугам физкультурно-оздоровительной сферы – люди стремятся улучшить качество своей жизни.

Итак, обращает на себя внимание высокая степень образованности и компетентности клиентов по вопросам потребления физкультурно-спортивных услуг. Абсолютное большинство потребителей в состоянии четко сформулировать требования, запросы и пожелания относительно услуг «своего» вида спорта и имеют детальное представление о способах их удовлетворения. Это является дополнительным свидетельством в пользу наличия у потребителей прообраза личной (идеальной для каждого конкретного клиента) «эталонной», т. е. идеальной с точки зрения соответствия запросам потребителя, услуги. Это указывает на принципиальную возможность и необходимость разработка модели физкультурно-спортивной услуги как комплекса характеристик, отражающих реальные требования потребителей с учетом степени их значимости для целевой аудитории.

Список литературы

1. Мельникова О. Ф. Массовый спорт как фактор оздоровления и формирования здорового образа жизни населения // *Science Time*. 2017. № 5 (41). С. 77–80.
2. Бартенева Н. Е. Объяснительные модели потребления фитнес-услуг в теоретическом дискурсе современной социологии // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 1. С. 230–236.
3. Бородунова М. В. Формирование и реализация модели физкультурно-оздоровительной услуги // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017. № 3 (105). С. 101–104. EDN: YTPRNB
4. Танатова Д. К., Королёв И. В., Леонтьева Т. В. Физическая культура и спорт в жизни российского населения // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 1. С. 167–176. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.14>, EDN: NVJAKD
5. Данченко Л. А., Минеев А. Н. Исследование субъективно-мотивационных характеристик потребителей на рынке спортивно-оздоровительных услуг // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2017. № 4 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-subektivno-motivatsionnyh-harakteristik-potrebitelnykh-na-rynke-sportivno-ozdorovitelnykh-uslug> (дата обращения: 21.11.2023).
6. Платонова Р. И. Здоровый образ жизни: процесс формирования потребности у студентов // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. Вып. 72, ч. 4. С. 216–217.
7. Даниленко А. В., Герасевич А. Н. Значение физической культуры для формирования здорового образа личности // *Наука-2020*. 2016. № 1 (7). С. 6–11. URL: [http://akademabiv.ru/Nauka2020_1\(7\)2016_MNPK_1_216.html](http://akademabiv.ru/Nauka2020_1(7)2016_MNPK_1_216.html) (дата обращения: 16.09.2023).

Поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 17.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 17.08.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 421–425

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 421–425

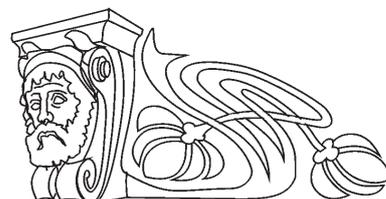
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-421-425>, EDN: LYRCNC

Научная статья

УДК 316.023.6-355/359-5/-9

Военнослужащие запаса как объект социологического исследования

М. О. Фомина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фомина Мария Олеговна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Kuznoleg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика военнослужащих после окончания воинской службы, проблемы их перехода в гражданское сообщество. Отмечается, что они сохраняют свою связь с армией – социальным институтом, состоящим из жестко иерархичной большой вооруженной совокупности людей, находящимся под контролем государства, обеспечивающим его защиту, отстаивание национальных интересов и оказание помощи другим странам в конфликтах. Россияне, уволенные с действительной военной службы в запас, как объект социологического исследования – совокупность граждан, состоящих на воинском учете, прошедших службу или освобожденные от нее по различным причинам, но годных к военной службе в военное время. Они являются достаточно масштабным, сложным, неоднородным объектом и одновременно – субъектом, находящимся на стыке военной и гражданской жизни. Их отличает наличие социально-экономических проблем (выбор новой профессии, трудоустройство, приобретение жилья и пр.).

Ключевые слова: армия, военнослужащие, военнослужащие запаса, социально-экономические проблемы после окончания воинской службы

Для цитирования: Фомина М. О. Военнослужащие запаса как объект социологического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 421–425. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-421-425>, EDN: LYRCNC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reserve servicemen as an object of sociological research

M. O. Fomina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mariya O. Fomina, Kuznoleg@mail.ru

Abstract. The article discusses the specifics of military personnel after the end of military service, their problems of transition to the civil society. It is noted that they retain their connection with the army, a social institution consisting of a rigidly hierarchical large armed aggregate of people, under the control of the state, ensuring the protection, defending national interests and providing assistance to other countries in conflicts. The Russians discharged from active military service to the reserve, as an object of sociological research are a set of citizens who were registered with the military, who had served in the Army or were exempted from it for various reasons, but are fit for military service in wartime. They are a fairly large-scale, complex, heterogeneous object, and at the same time a subject located at the junction of military and civilian life. They are distinguished by the presence of socio-economic problems (choice of a new profession, employment, purchase of housing, etc.).

Keywords: army, military personnel, reserve servicemen, socio-economic problems after the end of military service

For citation: Fomina M. O. Reserve servicemen as an object of sociological research. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 421–425 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-421-425>, EDN: LYRCNC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность социологического исследования военнослужащих, находящихся в запасе, обусловлена сложными проблемами современных социально-экономических процессов взаимодействия военной организации и гражданского социума с его рыночными отношениями.

Реформирование Вооруженных сил Российской Федерации и СВО затрагивают большое множество кадровых военнослужащих, оказавшихся в условиях выбора новой гражданской профессии на рынке труда, приобретения жилья и т.д. По данным министра обороны России

Сергея Шойгу, в 2022 г. общий объем военно-служащих запаса в РФ составляет почти 25 млн чел. [1]. Большинство военнослужащих запаса, будучи трудоспособными индивидами, отличаются профессионализмом, патриотичностью, дисциплинированностью, хорошими деловыми качествами. Они своим трудом на гражданском поприще приносят большую пользу обществу. Но их вхождение в штатскую жизнь требует решения многих острых социально-экономических проблем, касающихся не только их самих, но и их семей. Поэтому необходим глубокий социологический анализ всех аспектов этих драматических коллизий.

Военная социология как за рубежом (G. Caforio [2], N. Douglas [3], D. R. Segal, J. Burk [4], J. Soeters [5]), так и в России за более чем 100-летнюю свою историю прошла долгий путь, начиная с К. О. Клаузевица [6], Н. П. Михневича [7], Н. И. Кареева [8], П. А. Сорокина [9] и других исследователей. Периодически эта информация была закрытой и недоступной для академической науки и общественности. Детально ее генезис прослежен И. В. Образцовым [10]. За это время были изучены преимущественно две группы вопросов – война и военная стратегия (И. С. Бандурист, Н. И. Лаврикова [11]), а также армейские проблемы (О. Н. Гилькова [12]). Были разработаны методология и методика социологических исследований в армии (А. П. Дмитриев [13]). И только на современном этапе развития военной социологии в поле зрения исследователей попали социальные проблемы воинов запаса (И. Т. Арабидзе [14], А. В. Саблуков [15], А. И. Смирнов [16], С. С. Соловьев [17] и др. [18]).

Армия традиционно рассматривается как социальный институт, состоящий из жестко иерархичной большой вооруженной совокупности людей, непосредственно контролируемой государством, обеспечивающий его защиту, отстаивание национальных интересов. Военнослужащие – это общность индивидов, находящихся на военной службе, обладающих специфическим правовым статусом, выполняющих социальные функции по обеспечению безопасности и обороны страны¹. Когда заканчивается обязательный срок службы (или увольнение по другим различным причинам), военнослужащие пополняют категорию запаса. Запас Во-

оруженных сил РФ – это большая номинальная совокупность граждан, состоящих на воинском учете, прошедших службу или освобожденных от нее, но годных к военной службе в военное время. Это отражается в военном билете запасников, т.е. индивидов, которым присвоено специальное звание и которые в случае необходимости могут привлекаться к воинской службе.

Обширная совокупность запасников как объект социологического исследования отличается многообразием. В него входят: бывшие контрактники; призывники; индивиды, получившие высшее образование в вузе с военной кафедрой; военнообязанные граждане возрастом старше 27 лет, не прошедшие службу в армии (кроме тех, кто полностью освобожден по состоянию здоровья); альтернативно служившие личности. Это относится как к мужчинам, так и женщинам. В их военном билете прописана категория запаса, соответствующая званию, максимальному возрасту и разряду. Так, 1-я, 2-я или 3-я категории запаса указывают, кого и в какой очередности могут призвать при необходимости на военную службу.

По этим взаимосвязанным признакам в структуре россиян, уволенных с действительной военной службы в запас можно выделить несколько различных категорий. Матросам, солдатам, сержантам, прапорщикам, мичманам, старшинам присваивается 1-й разряд. Они находятся в запасе до 35 лет. Тем из них, у кого больше стаж службы, присваивается 2-й разряд. Женщинам-рядовым присваивается 3-й разряд. В этом случае они находятся в запасе до 45 лет. Ряду этих категорий запасников, а также женщинам-офицерам приписывается 3-й разряд, младшим офицерам – 1-й разряд. Эти категории находятся в запасе до 50 лет. Капитаны 2-го и 3-го ранга, полковники, майоры (1-й разряд), младшие офицеры (2-й разряд) находятся в запасе до 55 лет. Капитаны 1-го ранга, полковники (1-й разряд), майоры, капитаны 2-го и 3-го рангов (2-й разряд), младшие офицеры (3-й разряд) находятся в запасе до 60 лет. Высшие офицеры (1-й разряд), полковники и капитаны 1-го ранга (2-й разряд), капитаны 2-й и 3-й категорий, полковники и майоры (3-й разряд) находятся в запасе до 65 лет. Возраст запаса офицеров высшего состава (2-й разряд) составляет 70 лет.

Продолжающиеся армейские реформы также касаются и запасников. Так, в 2024 г. возраст тех, кто относится к первым двум разрядам, увеличится на пять лет – до 40 и 50 лет соответственно. Возраст для тех, кто относится к

¹ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ. Глава I. Общие положения. Статья 1. Статус военнослужащих. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3-му разряду, также будет подниматься ежегодно на один год. К 2028 г. максимальный возраст запасников составит 55 лет [19]. Возраст запаса офицеров не изменяется. В ситуации мобилизации за военнослужащими запаса сохраняются штатская должность и стаж работы. Таким образом, переходя в новое для себя социальное пространство гражданской жизни, они сохраняют свои связи с армией.

Как объект исследования военнослужащие запаса составляют значительную и неоднородную часть россиян с различным образом жизни, траекторией профессиональной и социальной мобильности. Так, например, за последние годы социально-экономическое положение россиян, уволенных с военной службы, и членов их семей значительно изменилось. Средний доход (на члена семьи бывшего военнослужащего в месяц) составлял в 2010 г. 16 078 руб., в 2017-м – 30 753 руб. Среднемесячная заработная плата бывшего военнослужащего в 2010 и 2017 гг. составляла соответственно 18 429 руб. и 36 885 руб. Средний размер военной пенсии в 2010 г. был 9714 рублей, в 2017 г. – 23 558 руб. Иными словами, финансовое положение бывших военнослужащих улучшилось почти в два раза. Однако темпы этих изменений заметно отставали от аналогичных показателей среди россиян в целом². При этом домохозяйства бывших военнослужащих с денежными доходами ниже прожиточного в 2010 г. составляли 17,6%, в 2017 г. – 15,6%, т.е. снижение уровня бедности данных семей идет невысокими темпами. Во многом это связано с тем, что большинство предусмотренных законодательством льгот приобретаются только после достижения бывшим военнослужащим 60 лет, когда он становится ветераном.

У 23,2% бывших военных пенсия является основным источником доходов; 27,3% имеют также заработную плату свою или супруги (20,3%); 8,1% могут рассчитывать на пенсию супруги или дополнительные доходы других членов семьи (12,4%). Подрабатывают 6,5% бывших кадровых военнослужащих. Только 2,5% из них занимаются предпринимательством. И лишь 0,1% имеют какие-либо накопления [17].

Вместе с тем военнослужащие запаса являются не только объектом внимания исследователей, но и значимым социальным субъектом. В

этом плане важно учесть, что в новом гражданском пространстве уволенные в запас военнослужащие и их семьи оказываются в различном, часто сложном положении.

Как и среди всех россиян, в структуре бывших военнослужащих усиливаются процессы социальной дифференциации по размеру доходов, по сферам трудовой деятельности и регионам. Так, например, в позитивном плане выделяются Москва и Санкт-Петербург, где 46% военнослужащих запаса удовлетворены своей жизнью. Чуть меньше таковых в Поволжском и Северо-Кавказском регионах (36%). В Калининградской области – 33%, Центральном, Волго-Вятском, Северном и Северо-Западном – примерно по 30%. Ниже всего уровень удовлетворенности в Уральском, Сибирском и Дальневосточном регионах (12%), самый низкий (7%) – в Центрально-Черноземном районе³.

Одной из вероятных причин этого является соотношение уровней заработной платы и прожиточного минимума, которое наиболее оптимально в Поволжье, чуть хуже – в Центральном и Южном округах. Однако в Уральском и Северо-Кавказском округах отмечается самый низкий уровень жизни граждан, уволенных с военной службы. Однако эта тенденция усиления дифференциации бывших военных выражена меньше, чем в других категориях населения.

По возрасту среди них можно выделить тех, кому до 30 лет. Сегодня нет ограничений, и молодой военнослужащий волен сам принимать решение о своем увольнении, если не удовлетворен процессом реализации своего личностного потенциала. Эта категория часто увольняется без пенсии и сталкивается с жилищными, материальными и финансовыми трудностями. Часть из них, особенно прапорщики и мичманы, отличаются более низким уровнем образования, но более высокими адаптивными возможностями к изменению привычных социальных взаимосвязей, образа жизни, поведенческих стереотипов.

Бывшие военнослужащие 31–40 лет чаще всего бывают уволены в связи с модернизацией вооруженных сил, по состоянию здоровья или иным причинам, что часто не совпадает с их личным планированием. Для них также характерно наличие финансовых затруднений и неустроенности быта. Это способствует низко-

² Социально-экономическое положение России, 2010, 2017. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-07-2018.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

³ Социальные проблемы бывших кадровых военнослужащих. URL: http://www.f-mx.ru/sociologiya_i_obshestvoznaniye/socialnye_problemy_byvshix_kadrovyyx.html (дата обращения: 20.01.2024).

му уровню удовлетворенности своей жизнью и активному поиску новых стратегий поведения, в том числе трудового. В случае успеха их (так же как и более молодых) отличает высокая профессиональная мобильность в самых разных сферах.

Среди бывших военнослужащих младших возрастных групп следует выделить также категорию участников боевых действий СВО. Многие из них имеют проблемы со здоровьем после ранений, проявление посттравматического стресса. Поэтому им часто требуется медицинская реабилитация и психологическая поддержка. На это нередко накладываются острые жилищные проблемы, связанные с переменой бывшими офицерами места жительства, отсутствием жилья и пр. Эти сложности нередко провоцируют обострение семейных конфликтов и способствуют распаду семей. Поэтому помощь требуется не только самим военнослужащим, увольняемым в запас, но и членам их семей, что должно анализироваться в ходе социологической рефлексии.

Бывшие военнослужащие старше 40 лет, которые выслужили все установленные сроки, чаще всего ощущают себя полностью реализовавшими свой военный потенциал. Они имеют больше льгот, их материальное положение выше, и они стремятся сохранить свои властные и статусные преимущества. Однако данная категория бывших военных менее других готова к освоению новых профессий, специальностей, стремясь занять рабочие места в административных, хозяйственных органах управления различного уровня. Однако при поиске новой работы они нередко сталкиваются с профессиональной невостребованностью, дефицитом опыта и навыков работы в условиях рыночной экономики.

По сути, в зрелом возрасте происходит нелегкий процесс перемены профессии, статуса, который носит вынужденный характер. Часто это сопровождается дополнительным эмоциональным стрессом, что усугубляет и без того нелегкую ситуацию выбора своего места в новом пространстве. Сам выбор осложняется тем, что невозможно выделить те разновидности профессий, где трудоустройство гарантировано и не сопрягается с понижением социального статуса. Этому немало способствует низкий уровень информированности бывших военнослужащих о потребностях и конъюнктурных требованиях рынка труда, его динамики. Еще

одним субъективным условием выбора профессии выступает стремление военнослужащих запаса устроиться по прежней специальности или пройти переподготовку в кратчайшее время. Между тем их профессиональная переориентация должна выстраиваться на понимании общих закономерностей этого процесса, прогнозировании своих потенциальных возможностей перехода от военной жизни к гражданской.

Социально-экономические проблемы запасников как объекта социологического исследования отражает полноту и степень реализации важнейших социальных прав и гарантий различных категорий бывших военнослужащих, особенно кадровых военных, и членов их семей. Эти льготы имеют двойственную природу: с одной стороны, они гарантированы Конституцией РФ и законодательством, а с другой – компенсируют многолетнюю службу в вооруженных силах, участие в СВО, сопряженных с большими физическими, моральными и эмоциональными нагрузками, риском для жизни, здоровья, неблагоприятными бытовыми условиями для жизни семей и т.д. Реальная степень социально-экономической защищенности бывших военнослужащих проявляется в уровне их обеспеченности материальными ресурсами, возможностями трудовой деятельности. Еще одним критерием степени защищенности выступает наличие адекватных социально-бытовых условий проживания, возможность повышения своего образования, медицинского обслуживания. Однако на практике кадровые военнослужащие, уволенные в запас, нередко сталкиваются с нарушениями их прав из-за произвола чиновников.

Таким образом, россияне, уволенные с действительной военной службы в запас, являются достаточно масштабным, сложным, неоднородным объектом социологического исследования и одновременно – важным социальным субъектом, находящимся на стыке военной и гражданской жизни. Под запасниками понимается номинальная общность индивидов, которым присвоено специальное звание и которые при необходимости могут привлекаться к воинской службе. Они пользуются рядом льгот, но при вхождении в штатскую жизнь сталкиваются с большими социально-экономическими проблемами трудоустройства, социальной дифференциацией, жилищной неустроенностью и т.д., которые выступают их значимыми характеристиками.

Список литературы

1. Григорьев А. Шойгу: У нас огромный мобилизационный резерв, составляющий почти 25 миллионов уволенных в запас военных // Военное обозрение. 21 сентября 2022. URL: <https://topwar.ru/202147-shojgu-u-nas-ogromnyj-mobilizacionnyj-rezerv-kotoryj-sostavljaet-pochti-25-millionov-uvolennyh-v-zapas-voennyh.html> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Handbook of the Sociology of the Military. 2nd ed. / ed. by G. Caforio, M. Nuciari. New York : Springer, 2018. 650 p. (Handbooks of Sociology and Social Research). <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71602-2>
3. Douglas N. Public Control of Armed Forces in the Russian Federation. London : Palgrave Macmillan, 2017. 362 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-56384-8>
4. Military Sociology / ed. by D. R. Segal, J. Burk : in 4 vols. Vol. 4. Los Angeles : Sage Publications, 2012. 584 p. (SAGE Library of military and strategic studies). <https://doi.org/10.4135/9781446262559>
5. Soeters J. Sociology and Military Studies: Classical and Current Foundations. London : Routledge, 2018. 236 p. <https://doi.org/10.4324/9781315182131>
6. Клаузевиц К. О войне / пер. А. К. Рачинского : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Госвоениздат, 1932. 223 с.
7. Михневич Н. П. Стратегия : в 2 кн. Кн. 1. СПб. : Типо-литография А. Е. Ландау, 1899. 128 с.
8. Кареев Н. И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны : сб. ст. Пг. : «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. С. 77–93.
9. Сорокин П. А. Причины войны и пути к миру. Пг. : Н. Н. Кабареников, 1917. 98 с.
10. Образцов И. В. Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 91–107.
11. Бандурист И. С., Лаврикова Н. И. Армия как социальный институт: военно-экономический потенциал государства // Международный научный журнал «Символ науки». 2021. № 11–2. С. 54–56.
12. Гилькова О. Н. Военно-экономический потенциал современного государства: сущность, структура и особенности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 5А. С. 227–237.
13. Дмитриев А. П. Вопросы методологии и методики военно-научной работы. М. : [б. и.], 1973. 67 с.
14. Арабидзе И. Т., Саблуков А. В. Государственная поддержка инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей: состояние и проблемы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 1 (778). С. 225–238.
15. Саблуков А. В. Социальная адаптация граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: опыт мониторинговых исследований // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2017. С. 1002–1005.
16. Смирнов А. И. Занятость и социально-экономическое положение военных пенсионеров // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) : материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров М. : Российское общество социологов, 2016. С. 7638–7648.
17. Соловьев С. С. Динамика социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в 2010–2017 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 4 (812). С. 220–231.
18. Исследование социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы / Кириллов А. В., Бондалетов В. В., Виниченко М. В. [и др.]. М. : КноРус, 2019. 140 с. EDN: HGQWON
19. Сергеев Д. Резерв и запас – в чем разница? URL: <https://journal.tinkoff.ru/reserve-zapas/?ysclid=lo9x1ggp62591582188> (дата обращения: 20.01.2024).

Поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 426–434
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 426–434
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-426-434>
EDN: MDIXWN

Научная статья
УДК 32.019.52

Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

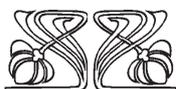
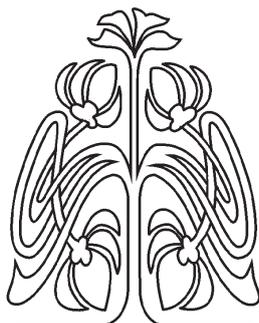
Аннотация. Объектом исследования, результаты которого представлены в данной статье, стали представители так называемого цифрового поколения российской молодежи (люди, родившиеся в первом десятилетии XXI в.), а предметом – типичные для них медиапрактики. Несмотря на то, что в отечественной науке проблемам медиапотребления молодежи традиционно уделяется достаточно много внимания, различные аспекты политического измерения распространенных среди молодых людей форматов взаимодействия с медиа оказываются в фокусе внимания ученых довольно редко. В этой связи целью проведенного исследования было выявление особенностей медиапрактик «цифрового» поколения российской молодежи и их влияния на политическое сознание данной социальной группы. Эмпирическую базу анализа составили результаты опросов, проводившихся в 2022–2024 гг. ВЦИОМом, Фондом «Общественное мнение» и Левада-центром (признан в России иностранным агентом), а также самостоятельно проведенных сотрудниками кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью, в ходе которых уточнялись отдельные моменты, не затронутые федеральными социологическими службами. В статье представлен краткий обзор новейших исследований медиапрактик современной российской молодежи, выделены особенности и тенденции медиапотребления «цифрового» поколения: персонализация получаемого контента, приоритет онлайн-форм распространения информации, ситуативность и ритуализация новостного потребления, высокий уровень технической грамотности молодежной аудитории, увеличение масштабов цифрового эскапизма, мультиэкранное общение и др. Сформулированы конкретные практические рекомендации по возможностям коррекции медиапрактик и трансформации медиапотребления молодежи в целях формирования у нее более взвешенных и объективных оценок политической действительности.

Ключевые слова: медиапрактики, «цифровое» поколение, молодежь, медиапотребление, Интернет, политическая социализация, новые медиа, медиаграмотность

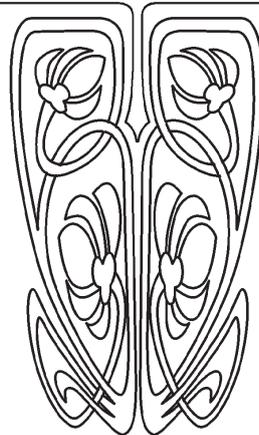
Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение «цифрового» поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Казаков А. А. Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 426–434. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-426-434>, EDN: MDIXWN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Media practices of “digital” generation: Political context

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. The object of this research were representatives of so-called “digital” generation of Russian youth (people born in the first decade of the 21st century), and the subject was media practices common among them. Despite the fact that within Russian scholarship, quite a lot of attention is traditionally paid to the problems of media consumption by young people, various aspects of political dimension of the formats of interaction with the media widely spread among young people are rarely in the focus of attention of scholars. In this regard, the goal of the study was to identify the features of media practices of “digital” generation of Russian youth and their influence on political consciousness of this social group. Empirical basis of the analysis was the results of surveys conducted in 2022–2024 by Russian Public Opinion Research Center, Public Opinion Foundation and Levada-Center (recognized as a foreign agent in Russia), as well as independently conducted by employees of the Department of Political Science, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, online surveys and focus group interviews, during which several issues not covered by federal sociological services were clarified. The article presents a brief overview of the latest research on the media practices of modern Russian youth, highlights the features and trends of media consumption by the “digital” generation, i.e. personalization of consumed content, priority of online forms of information dissemination, “situationality” and ritualization of news consumption, a high level of technical literacy of information consumers, an increase in the scale of digital escapism, multi-screen communication, etc. Specific practical recommendations are formulated on the possibilities of correcting media practices and transforming media consumption by young people in order to form more balanced and objective assessments of political reality.

Keywords: media practices, “digital” generation, youth, media consumption, the Internet, political socialization, social media, media literacy

Acknowledgements. The article was prepared as a part of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: Assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kazakov A. A. Media practices of “digital” generation: Political context. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 426–434 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-426-434>, EDN: MDIXWN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Принято считать, что молодежь больше, чем какая-либо иная социальная группа, восприимчива к различного рода новшествам. Разумеется, это в том числе относится и к стремительно изменяющимся условиям массовой коммуникации. Глубокое проникновение Интернета в повседневную жизнь, широкое распространение социальных сетей, мессенджеров и разнообразных онлайн-платформ, постоянное совершенствование технологической составляющей информационного пространства – все это оказывает гораздо большее влияние на молодых людей, чем, например, на людей среднего и старшего возраста. Причем чем моложе человек, тем более он подвержен воздействию подобных трансформаций.

В рамках данной статьи мы исходим из ключевого положения теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува, согласно которому примерно каждые двадцать лет рождаются люди, мировоззрение, ценности и отношение к жизни которых заметно отличаются от убеждений предшественников [1, с. 119–121]. Родившихся в начале XXI в. в науке называют по-разному (несколько разнятся и хронологические рамки выделяемых поколений): поколение Z, зумеры,

зеты, центениалы, цифровые аборигены, «дети индиго», домоседы, поколение XD, «цифровая» молодежь, «цифровое» поколение и т.д. Последнее из приведенных наименований представляется нам наиболее удачным. Под «цифровым» поколением в данном случае мы понимаем людей, родившихся в первом десятилетии текущего столетия (считается, что с 2010 г. им на смену приходит поколение альфа). Часть из них уже успели получить высшее или среднее специальное образование, кто-то является студентом в настоящий момент, остальные учатся в старших классах школы. Объединяет их то, что они выросли в условиях бурного развития цифровых технологий и глубокого проникновения Интернета в повседневную жизнь. Очевидно, что их ценности в большинстве своем все еще находятся в стадии формирования (и в первую очередь это касается отношения к политике в целом и к молодежной политике в частности).

Масштабные изменения, которые претерпевают медиапрактики различных возрастных групп, дают ученым основания говорить о наметившемся поколенческом цифровом разрыве (от англ. digital divide), проявляющемся как в разной степени освоения и интенсивности ис-

пользования цифровых медиа представителями отдельных групп населения, так и в «особенностях существования их представителей в реальном и виртуальном пространстве» [2, с. 38].

С одной стороны, очевидно, что цифровой разрыв – это данность, на которую вряд ли возможно каким-либо образом повлиять: молодежь в любом случае будет быстрее приобщаться ко всевозможным техническим новинкам и активнее использовать их в своих повседневных медиапрактиках. С другой стороны, привычные медиапрактики, сформированные и закрепленные в юности, чаще всего сохраняются и получают свое развитие в более зрелом возрасте, а значит, на их основе вполне можно строить проекции и тренды, которые будут определять характер взаимодействия с медиа в будущем [3, с. 95]. Плюс ко всему трудно не согласиться с коллегами в том, что специфику молодежного медиапотребления также «необходимо учитывать при организации и реализации информационно-коммуникационных проектов в общественно-политической и социальной сферах» [4, с. 44]. Более того, на наш взгляд, именно игнорирование властью присущих молодым людям особенностей использования медиа является одной из основных причин не самой высокой эффективности информационного сопровождения отдельных событий и процессов, а также проводимой государством молодежной политики.

Трансформирующаяся медиареальность требует новых подходов и ракурсов анализа информационного потребления молодежи. Следует отметить, что на сегодняшний день эта тематика изучается достаточно активно. Социологов чаще интересуют количественные параметры медиапотребления молодежи, востребованность отдельных информационных ресурсов, феномен медиасоциализации и иные связанные с этим аспекты [5]. Психологи и педагоги преимущественно анализируют характер и последствия (в том числе деструктивные) влияния медиаконтента на личность [6], а также роль медиаобразования в формировании полноценного индивида [7, 8].

Очень существенный вклад в разработку проблем медиапотребления молодежи вносят сотрудники факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова [9–15]. Значительная часть их исследований посвящена анализу мотивационных факторов медиапотребления [13, 14, 16]. Ученые активно сравнивают различные причины, побуждающие молодых лю-

дей использовать конкретные медиаисточники [17–19]. В частности, выяснилось, что молодежь обращается к средствам массовой коммуникации (в первую очередь к Интернету) больше для социализации и самореализации, чем для развлечения или получения необходимой информации [16].

Не так часто предпринимаются попытки разработать эффективную модель формирования среди молодежи умений противостоять ложной информации [20] или артикулировать важность медиаграмотности для политической коммуникации в России [21]. И это особенно печально, если учесть тот факт, что, по мнению ученых, уровень медиаграмотности большинства молодых людей на самом деле не очень высок [22]. Кроме того, они часто склонны переоценивать качество собственной медиакомпетентности [23]. Все это вместе делает молодежь уязвимой перед распространением фейков и дезинформации. Полагаем, что комплексные целенаправленные усилия по повышению медийной грамотности школьников и студентов вполне могли бы стать одним из направлений реализуемой государством молодежной политики.

В целом же, несмотря на достаточно широкий спектр затрагиваемых российскими учеными вопросов, проблематику распространенных среди «цифровой» молодежи медиапрактик трудно считать досконально изученной (особенно в политическом ее контексте). В этой связи целью проведенного нами исследования было выявление особенностей медиапотребления «цифрового» поколения российской молодежи и их влияния на политическое сознание данной социальной группы.

Эмпирическую базу анализа составили результаты проводившихся в 2022–2024 гг. ВЦИОМ, Фондом «Общественное мнение» и Левада-центром (признан в России иностранным агентом) опросов, в которых затрагивались отдельные имеющие отношение к медиапотреблению молодежи моменты. Кроме того, отдельные сюжеты, не охваченные федеральными социологическими службами, выяснялись нами посредством самостоятельно проведенных онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью. В ноябре 2022 и 2023 гг. сотрудниками кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского были опрошены соответственно 2018 и 862 респондента в возрасте от 14 до 35 лет. Онлайн-анкеты включали в себя по 24 вопроса, среди которых были 3 закрытых, 2 открытых и

17 полузакрытых; еще два вопроса предполагали необходимость оценки по пятибалльной шкале (от 0 до 5) уровня своего доверия различным источникам информации и правильности развития различных сфер общественной и государственной жизни в современной России. В общей сложности (за два года проведения онлайн-анкетирования) среди опрошенных оказались 53,8% женщин и 46,2% мужчин. По возрастному критерию респонденты распределились так: от 14 до 17 лет – 16,2%; от 18 до 25 лет – 39,0%; от 26 до 30 лет – 24,7%; от 31 до 35 лет – 20,1% (в рамках данной статьи будут представлены результаты опросов первых двух из упомянутых выше возрастных категорий). Итоговую выборку составили жители 50 субъектов Российской Федерации.

После количественной обработки результатов онлайн-анкетирования отдельные моменты уточнялись и конкретизировались в ходе фокус-групповых интервью. Первые три из них (n = 36) прошли в январе 2023 г., еще четыре (n = 42) – в январе 2024 г. Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики проживающей в России молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о причинах и мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о том, какие смыслы они вкладывают в отдельные связанные с массмедиа и политикой понятия.

Итак, анализ уже имеющихся наработок отечественных ученых, а также результатов посвященных данной тематике социологических опросов и самостоятельно проведенных нами фокус-групповых интервью позволил выделить следующие отличительные черты медиапрактик «цифрового» поколения российской молодежи.

1. Молодые люди отдают абсолютное предпочтение новым медиа. Обладая достаточно высоким уровнем технологической грамотности [24], они очень уверенно чувствуют себя в обращении с различными гаджетами, посредством которых получают всю необходимую им информацию. Причем одновременно в их распоряжении могут находиться сразу несколько технических устройств с выходом в Интернет [25]. Очевидно, что традиционные средства массовой информации уже не способны удовлетворить разнообразные медиазапросы «цифровой молодежи» [26, с. 135] и обладают для нее едва ли не меньшим авторитетом, чем новые [27, с. 39].

Эта особенность подтверждается результатами массовых опросов. Так, по данным ВЦИОМ, для получения новостей молодежная аудитория предпочитает использовать интернет-ресурсы, среди которых наибольшей популярностью у нее пользуются социальные сети (в качестве основного источника информации о происходящем их выбрали 25% респондентов в группе до 25 лет) и мессенджеры (23%)¹. Фонд «Общественное мнение» проводил аналогичный опрос, используя немного иную методику (в частности, респонденты могли выбрать несколько ответов на вопрос «Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию?»), однако итоговые результаты оказались во многом схожими: среди людей 18–30 лет 58% выбрали вариант «новостные сайты в Интернете», 54% – «форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры» и только 24% указали ТВ².

2. Медиапрактики «цифрового» поколения приобретают индивидуализированный характер, а получаемый молодыми людьми контент становится все более персонализированным [28, с. 72; 29]. Имея доступ к очень большому количеству информационных ресурсов, пользователи приобретают возможность самостоятельно формировать новостные ленты «под себя» – с учетом собственных интересов, пристрастий, запросов и предпочтений [27, с. 41]. Впрочем, индивидуализация медиапотребления не элиминировала его консолидирующую функцию: по мнению М. И. Давлетшиной, время от времени молодые люди по-прежнему практикуют совместные просмотры стримов, прямых эфиров и прочих видов контента [10, с. 6].

Нужно отметить, что в ходе проводившихся нами фокус-групповых интервью мы просили респондентов назвать медийные ресурсы, которые они используют чаще других. И действительно, наборы предпочитаемых источников пересекались крайне редко: из 78 участников фокус-групп лишь у трех совпало более одного из названных источников. Иными словами, конфигурация используемых ресурсов, а следовательно, и содержание потребляемой информации о происходящем у каждого молодого человека на самом деле получаются практически уникальными.

¹ Новости, достойные доверия. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinyedoveryija> (дата обращения: 10.09.2024).

² Новостная информация и телевидение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984> (дата обращения: 11.09.2024).

3. Во многом иррациональный и отчасти ритуализированный характер потребления новостей. Представители «цифрового» поколения зачастую обращаются к медийным ресурсам не потому, что испытывают потребность в какой-либо информации, а потому, что это стало для них привычкой – например, начинать или заканчивать свой день просмотром лент социальных сетей, коротать таким образом время в транспорте, ожидать своей очереди и т.д. Подобные действия стали частью повседневной реальности современного молодого человека [19]. Появился даже относительно новый термин «фаббинг», суть которого можно свести к навязчивой привычке отвлекаться на гаджеты.

Данные ВЦИОМ говорят о том, что в сентябре 2024 г. ежедневно выходили в онлайн-пространство 76% россиян³, при этом доля так называемых «heavy users» – тех, кто проводит в Интернете более четырех часов в день, – в июне 2023 г. составляла 35% (в 2018 г. таковых было 23%). Среди молодых же людей таковых и вовсе насчитывается 86%⁴. Что весьма показательно, регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров с коммуникационным функционалом (ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, Одноклассники и пр.) в среднем тратят на них 272 минуты, или 4,5 часа в день. Причем среди молодежи 18–24 лет этот показатель еще выше: на обмен сообщениями, чтение ленты новостей, звонки и другие активности молодые люди в среднем тратят 493 минуты, или более восьми часов в день⁵. Безусловно, часть этого времени взаимодействие с медиа происходит в фоновом режиме.

4. Тематическое разнообразие и в некоторой степени хаотичность медийных предпочтений «цифрового» поколения. Исследователи отмечают у молодежи «наличие интереса к целому спектру отличных друг от друга тем (политика, искусство, музыка и кино, экономика, происшествий и т.д.), причем при отсутствии явно доминирующей темы» [30, с. 12], преобладание нелинейных (осуществляемых по запросу) типов контента и разнообразие практик видеопотребления в плане используемых технологий, сервисов и форм просмотров [3, с. 102–103]. При

³ Пользование Интернетом. URL: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom> (дата обращения: 11.09.2024).

⁴ Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 11.09.2024).

⁵ Новости, достойные доверия.

этом, как показали результаты наших собственных замеров, далеко не всегда молодые люди способны внятно объяснить причины обращения к конкретному источнику информации. В этом смысле трудно не согласиться с С. В. Володенковым и его коллегами, считающими многополярность, противоречивость и хаотичность характерными чертами потребления информации в цифровом пространстве [4, с. 35].

5. Достаточно тесно с предыдущей связана еще одна особенность молодежных медиапрактик – ситуативная и событийная обусловленность обращения к конкретному контенту. Как совершенно справедливо отмечают Д. Ю. Кульчицкая и Г. С. Филаткина, «довольно часто респонденты не ищут новости намеренно, а знакомятся с ними, читая и потребляя другую информацию. Например, такое может произойти, когда человек заходит на стартовую страницу поисковой системы и случайно натывается на заинтересовавший его заголовок. Ситуативное потребление новостного контента может встречаться и во время просмотра новостной ленты в соцсетях» [31, с. 6]. Отмечается также, что молодые люди меньше привязаны к отдельным информационным источникам, отдавая в этом смысле предпочтение конкретному материалу, привлечшему их внимание [24, с. 39]. Наконец, очевидно, что интерес к какой-либо тематике зачастую определяется происходящими в стране и мире событиями и процессами: чем более резонансными они являются, тем больше вероятность того, что молодежь обратит на них внимание и уделит этому часть того времени, которое она проводит в Сети. Так, например, сразу 43% опрошенных нами в конце 2023 г. респондентов в качестве ключевого мотива отслеживания информации по конкретной теме выбрали вариант ответа «Желание быть в курсе происходящего, не упустить что-то важное и не выпасть из актуальной повестки».

6. Для весомой части молодежи характерна приверженность к привычным для себя источникам информации и нежелание расширять спектр используемых медийных ресурсов. Как результат, формируемые у молодых людей взгляды и отношения к происходящему и к отдельным персонам во многом являются производной от тех нарративов, которые транслируются в предпочитаемых ими источниках [32, с. 718].

Любопытные данные приводит в этой связи Фонд «Общественное мнение». В феврале 2023 г.

32% респондентов в возрасте 18–30 лет чаще всего использовали только один или два источника новостной информации⁶. По данным же Г. И. Авциновой и М. А. Кожевниковой, таких еще меньше: «Только около 10% опрошенных респондентов получают представления о новостных событиях из источников различного контента всех категорий источников, предпочитая сравнивать разные точки зрения и позиции с информацией, транслируемой на нейтральных каналах, без оценочных суждений и эмоционального фона, а иногда с историческими документами и фактами» [33, с. 41]. Полагаем, что среди прочих именно это обстоятельство является причиной формирования пресловутых эхо-камер, следствиями чего можно считать поляризацию политических пристрастий молодых людей и в том числе большую (по сравнению с обществом в целом) популярность среди молодежи оппозиционных политических деятелей.

При этом еще одной важной причиной популярности оппозиционеров среди молодых людей, на наш взгляд, является их значительно меньшая подверженность влиянию лояльных власти средств массовой информации – прежде всего телевизионных каналов. Признанный в России иностранным агентом Левада-центр фиксирует четкую зависимость выбора информационного канала от возраста респондентов: в старшей возрастной группе (больше 55 лет) более половины опрошенных назвали государственные телеканалы наиболее надежным, заслуживающим доверия источником информации (55%), а среди респондентов младше 25 лет так считает только каждый пятый (20%)⁷.

7. Наконец, последней особенностью медиапотребления молодежи считаем присущий некоторой ее части прагматичный, отчасти даже потребительский подход к новостному контенту: просматривая какую-либо информацию, молодой человек, как правило, стремится удовлетворить один из собственных интересов (это может быть предстоящее приобретение чего-либо, желание узнать что-то, пообщаться с кем-то и т.д.). Разумеется, бывают ситуации, когда человек находится в Сети и при этом не преследует никакой конкретной цели,

однако в большинстве случаев он все же четко понимает, что ему нужно в данный момент.

Таковы специфические особенности медиапрактик современной российской молодежи. Не желая давать им оценки в терминах «хорошо – плохо», отметим лишь ключевые риски, которые в связи с этим возникают.

Основной риск связан с тем огромным количеством времени, которое «цифровое» поколение проводит в Сети. Очевидно, что это может приводить к информационным перегрузкам, сложностям в освоении и систематизации информации и даже к формированию эффекта клипового сознания [4, с. 35]. Кроме того, погружаясь в собственные эхо-камеры, молодые люди становятся менее терпимыми к альтернативным взглядам и ценностям, невольно усиливают поляризацию в отношении наиболее актуальных социально-политических вопросов и тем самым способствуют созданию дополнительного напряжения в обществе [34, с. 143]. Достаточно тесно с этим связана и практика цифрового эскапизма, когда представители молодежи убегают из реального мира в зачастую более привлекательное для них виртуальное пространство [35, с. 459]. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и разработанную П. Лазарсфельдом и Р. Мертоном еще в середине прошлого века идею дисфункции наркотизации СМИ: если большая часть времени у аудитории уходит на потребление информации, неминуемо сокращается та его доля, которая может быть уделена организованному социальному действию. Результаты проведенных нами опросов косвенно это подтверждают: 56% опрошенных респондентов считают, что занимают активную гражданскую позицию, но при этом лишь 23% за последний год принимали деятельное участие в каких-либо общественных мероприятиях или акциях.

Не менее важный негативный аспект влияния медиа на молодежь обозначает А. В. Селезнева. По ее мнению, в своих взаимоотношениях с государством и обществом молодежь ориентируется не столько на собственные убеждения и принципы, сколько на стереотипные образы из медиaprостранства, что, в свою очередь, снижает ее политическую субъектность, делает процесс политического самоопределения непоследовательным и противоречивым, а также способствует тому, что политические предпочтения молодежи становятся все более относительными и ситуативными [36].

⁶ Источники информации: предпочтения россиян. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Восприятие новостной информации среди россиян. URL: <https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete/> (дата обращения: 12.09.2024).

Кроме того, наблюдаемая сегодня постепенная утрата монополии новостных агрегаторов повышает степень самостоятельности молодежи в выборе потребляемого ею контента. Каждый начинает формировать собственную медийную диету, формируя вокруг себя информационный кокон, препятствующий проникновению в него «чуждых» его обитателю идей, ценностей и взглядов. Люди фактически оказываются в разных информационных реалиях, что вполне может стать новым основанием дифференциации социума. Медиасоциализация, таким образом, рискует приобрести новое для себя свойство – способность к потенциальной дезинтеграции общества (прежде всего – по политическим основаниям).

Можно ли каким-то образом купировать эти негативные эффекты медиасоциализации? На наш взгляд, такая возможность имеется, однако для ее реализации требуется принятие системных мер со стороны государства. К сожалению, усилий отдельно взятых энтузиастов, ученых или даже некоммерческих организаций для решения существующих проблем будет явно недостаточно.

Прежде всего, очевидна необходимость повышения общего уровня медийной грамотности и политической культуры молодежи. В идеале, конечно, эту задачу целесообразно решать через систему среднего, средне-специального и высшего образования. Тем более что в нашей стране уже есть примеры успешного внедрения в учебные планы дисциплин медиаобразовательной направленности и даже открытия образовательных программ соответствующего профиля. Однако опыт показывает, что рассчитывать на массовое тиражирование подобных практик в настоящий момент достаточно трудно. Поэтому более реалистичными нам представляются перспективы реализации ряда менее масштабных проектов.

Так, например, очевидно, что «достучаться» до молодежи возможно лишь в том пространстве, в котором присутствует абсолютно большая ее часть, – в новых, а не традиционных медиа. Использование для этого телевизионных и радиоэфиров, печатных площадей газет и журналов, по большому счету, окажется бесполезным в силу невостребованности данных форматов у молодых людей.

Ориентированные на повышение медиакомпетенций молодежи материалы необходимо тиражировать в максимально доступной,

визуализированной и привлекательной для нее форме. О том, какие способы манипулирования общественным сознанием чаще всего используются, как распознавать фейки и проверять достоверность информации, пользователи Сети должны узнавать посредством привычных для них форматов – коротких видео, картинок, карточек, гипертекстовых ссылок, мемов и т.д. При этом язык изложения подобного контента должен быть понятным не только специалистам, но и «среднестатистическому» молодому человеку.

Явно не лишним было бы и распространение в популярных у молодежи социальных сетях и мессенджерах специализированного программного обеспечения и сервисов, обладающих фактчекинговым функционалом. Разумеется, использование данных ресурсов должно быть бесплатным. В противном случае глубина их внедрения в повседневные медиапрактики «цифрового» поколения окажется минимальной.

Помимо усилий по повышению медийной грамотности, достаточно важным видится и продолжение борьбы с распространителями недостоверной информации. В данном случае мы имеем в виду как законотворческую, так и правоприменительную деятельность: мало просто повышать информационный «иммунитет» молодежи, важно также бороться с «вирусами», которые пытаются его подорвать.

Убеждены, что в конечном итоге упомянутые меры будут способствовать повышению эффективности социализации молодого поколения, в том числе – в политическом измерении этого процесса: при условии их комплексной реализации присущие молодежи медиапрактики в гораздо меньшей степени смогут провоцировать рост протестных настроений и углубление раскола российского общества по идейно-политическим основаниям.

Список литературы

1. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy*. 1st ed. New York : Broadway Books, 1997. 382 p.
2. Никитина Т. И., Никитин А. А. Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 3 (60). С. 38–43. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.3.38-43>

3. Полуэхтова И. А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 90–107. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.3.8>
4. Володенков С. В., Белоконев С. Ю., Суслова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 31–46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>, EDN: NBHSIK
5. Трансформация стратегии и тактики медиакоммуникаций в условиях пандемии / под ред. Л. К. Лободенко, Л. П. Шестеркиной. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2022. 415 с. (Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг. Вып. 4).
6. Лучинкина А. И., Петровская М. Н. Социально-психологический портрет геймера // Гуманитарные науки. 2019. № 4 (48). С. 174–179.
7. Левицкая А. А., Федоров А. В. Медиаобразование студентов педагогических вузов и факультетов как инструмент, противостоящий медийным манипуляционным воздействиям. М. : Директ-Медиа, 2022. 188 с.
8. Fedorov A. V., Levitskaya A. A., Tselykh M. P., Novikov A. Media Manipulations and Media Literacy Education. Moscow : SM “Information for All”, 2022. 134 p.
9. Аникина М. Е. Медиапотребление российских школьников: центр и регионы // Меди@льманах. 2017. № 4. С. 50–62.
10. Давлетшина М. И. Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 3–26. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.326>
11. Фролова Т. И., Образцова А. Ю. Медиаграмотность школьников в оценке учителей и родителей: результаты исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 4. С. 58–77.
12. Вьюгина Д. М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2475> (дата обращения: 10.09.2024). <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2018.11>, EDN: YRNDRB
13. Черевко Т. С., Дунас Д. В., Толоконникова А. В. Новости в условиях интернетизации: анализ новостного потребления студентов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 1. С. 3–25. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2018.325>
14. Полуэхтова И. А. Динамика мотивационной структуры телепотребления россиян // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2508> (дата обращения: 11.09.2024). <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2018.8>
15. Щепилова Г. Г. Потребность аудитории в интернете и традиционных СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 5. С. 46–54.
16. Дунас Д. В., Вартанов С. А., Кульчицкая Д. Ю., Салихова Е. А., Толоконникова А. В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2020.327>
17. Vartanova E. Russian media: A call for theorizing the economic change // Russian Journal of Communication. 2019. Vol. 11, iss. 1. P. 22–36. <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1572531>
18. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 375 с.
19. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge : Polity, 2016. 219 p.
20. Fedorov A., Levitskaya A. Media Education Model Aimed at Efficient Development of Audience’s Skills to Reasonably Confront the False (or Partially False) Information, Contained in Anti-Russian Ukrainian Internet Communication Resources // Media Education (Mediaobrazovanie). 2021. Vol. 17, iss. 4. P. 612–622. <https://doi.org/10.13187/me.2021.4.612>
21. Bykov I., Medvedeva M. Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community // Media Education (Mediaobrazovanie). 2022. Vol. 18, iss. 1. P. 24–35. <https://doi.org/10.13187/me.2022.1.24>
22. Djumanova S. Media Consumption and Media Literacy Level of Uzbek Youth // Media Education (Mediaobrazovanie). 2022. Vol. 18, iss. 2. P. 157–168. <https://doi.org/10.13187/me.2022.2.157>, EDN: AIBGUB
23. Frolova E., Rogach O., Tyurikov A. Student’s Media Competence: New Opportunities to Counteract Information Manipulations in Network Interactions // Media Education (Mediaobrazovanie). 2022. Vol. 18, iss. 3. P. 380–389. <https://doi.org/10.13187/me.2022.3.380>, EDN: IKQJNZ
24. Вьюгина Д. М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2386> (дата обращения: 17.06.2024).
25. Амзин А. А. Особенности медиапотребления // Как новые медиа изменили журналистику: 2012–2016 : сб. ст. / под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. С. 86–100.
26. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д. В. Дунаса. М. : Изд-во Московского университета, 2021. 406 с.
27. Зеленцов М. В. Культура новостного медиапотребления в Рунете: точки входа // Информационное общество. 2022. № 1. С. 38–49. https://doi.org/10.5260/516059921_2022_01_38, EDN: BJQUXX

28. Ефанов А. А., Степанченко В. А. Влияние поколения Z на функционирование института медиа: прогностическая модель // Информационное общество. 2019. № 3. С. 69–73.
29. Полуэхтова И. А. Исследования аудитории и медиапотребления в цифровой среде: методологические и практические проблемы // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2199> (дата обращения: 12.09.2024).
30. Каминченко Д. И. Медиапотребление современной студенческой молодежи: политический аспект // Медиаскоп. 2022. Вып. 3–4. URL: <http://www.mediascope.ru/2783> (дата обращения: 12.09.2024). EDN: PSONIA
31. Кульчицкая Д. Ю., Филаткина Г. С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2680> (дата обращения: 11.09.2024). <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2021.2>, EDN: NHZTMI
32. Hutchens M. J., Hmielowski J. D., Beam M. A., Romanova E. Trust over use: Examining the roles of media use and media trust on misperceptions in the 2016 US presidential election // Mass Communication and Society. 2021. Vol. 24, iss. 5. P. 701–724. <https://doi.org/10.1080/15205436.2021.1904262>
33. Авцинова Г. И., Кожевникова М. А. Масс-медиа как институт социализации российской молодежи в условиях информационной войны // PolitBook. 2023. № 3. С. 25–49. EDN: DMKLDG
34. Филаткина Г. С. Медиапрактики «цифровой молодежи» России в социальных медиа // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения : статьи участников ежегодного апрельского научного форума (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 г.). Т. 1. СПб. : ООО «Медиапапир», 2022. С. 142–144. EDN: NYJPSU
35. Нурузова М. А. Медиапрактики подростка в аспекте цифрового эскапизма (на материале исследований томских подростков) // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 458–465. EDN: NLXXXXR
36. Селезнева А. В. Ценностные доминанты политического самоопределения молодежи: традиционные смыслы в новых условиях // Социодиггер. 2023. Т. 4, вып. 11–12 (30). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/cennostnye-dominanty-politicheskogo-samoopredelenija-molodezhi-tradicionnye-smysly-v-novuykh-uslovijakh> (дата обращения: 11.09.2024).

Поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

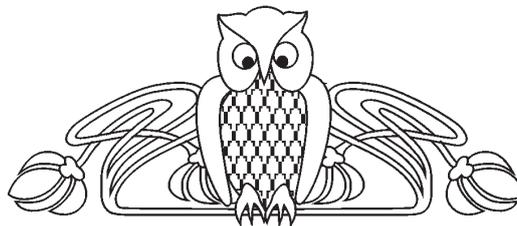
The article was submitted 15.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Научная статья

УДК 323.2

Концепт «патриотизм» в социально-политическом дискурсе

П. П. Фантров , Е. С. Садовников

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Фантров Павел Петрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Садовников Евгений Степанович, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физического воспитания и оздоровительных технологий, sadovnilov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2325-7216>

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные подходы к определению понятия «патриотизм», в исторической ретроспективе проведен анализ данного концепта в российском общественно-политическом дискурсе, исследованы механизмы конструирования патриотических нарративов в рамках государственной политики. Методологический инструментарий исследования феномена патриотизма характеризуется комплексностью и многоаспектностью, интегрируя в себе широкий спектр общенаучных и специальных методов. Ключевыми компонентами данного инструментария выступают: системный анализ, позволяющий рассматривать патриотизм как целостное явление; структурно-функциональный анализ, направленный на выявление внутренних связей и функциональных особенностей его элементов; компаративистский подход, обеспечивающий возможность сравнительного изучения проявлений патриотизма в различных социокультурных контекстах. Существенную роль в исследовательском процессе сыграли дискурс-анализ и контент-анализ, позволившие изучить патриотические нарративы. Авторы статьи отмечают, что в современном российском политическом дискурсе наблюдается существенная дихотомия в концептуализации феномена патриотизма, что порождает значительную теоретико-методологическую дивергенцию. Данная ситуация обусловлена наличием двух доминирующих, но противоположных подходов к интерпретации данного явления. С одной стороны, превалирует тенденция к редукционистской трактовке патриотизма как абстрактного аффективного отношения к территориально-политическому образованию. С другой стороны, набирает силу инструменталистский подход, рассматривающий патриотизм исключительно через призму символической политики и идеологического конструирования. Подобная теоретическая дихотомия создает определенные эпистемологические вызовы для исследователей, затрудняя формирование целостной и непротиворечивой концепции патриотизма. Преодоление данного концептуального разрыва представляется одной из актуальных задач современной политической науки и требует разработки интегративных подходов, способных синтезировать различные аспекты данного многогранного феномена.

Ключевые слова: патриотизм, государство, гражданское общество, власть, Отечество, политические процессы, политические институты

Для цитирования: Фантров П. П., Садовников Е. С. Концепт «патриотизм» в социально-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 435–442. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442>, EDN: MEPSOX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Concept “patriotism” within socio-political discourse

P. P. Fantrov , E. S. Sadovnikov

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Pavel P. Fantrov, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Evgeniy S. Sadovnikov, sadovnilov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2325-7216>

Abstract. The authors consider conceptual approaches to the definition of the concept of “patriotism”, analyze this concept within Russian socio-political discourse in a historical retrospective, investigate mechanisms of constructing patriotic narratives within the framework of state policy. Methodological toolkit of the study of the phenomenon of patriotism is characterized by complexity and multidimensionality, integrating a wide range of general scientific and special methods. The key components of this toolkit are: system analysis, which allows us to consider patriotism as a holistic phenomenon; structural-functional analysis, aimed at identifying internal links and functional features of its elements; comparativist approach, which provides an opportunity for comparative study of patriotism manifestations in different socio-cultural contexts. Discourse

analysis and content analysis played a significant role in the research process, which made it possible to study patriotic narratives. The authors of the article note that in modern Russian political discourse, there is a significant dichotomy in the conceptualisation of the phenomenon of patriotism, which gives rise to significant theoretical and methodological divergence. This situation is caused by the presence of two dominant but opposite approaches to the interpretation of this phenomenon. On the one hand, the tendency to reductionist interpretation of patriotism as an abstract affective attitude to territorial-political formation prevails. On the other hand, the instrumentalist approach that considers patriotism exclusively through the prism of symbolic politics and ideological construction is gaining strength. This theoretical dichotomy creates certain epistemological challenges for researchers, making it difficult to form a coherent and consistent concept of patriotism. Overcoming this conceptual gap is one of the urgent tasks of modern political science and requires the development of integrative approaches that can synthesize various aspects of this multifaceted phenomenon.

Keywords: patriotism, state, civil society, power, Fatherland, political processes, political institutions

For citation: Fantrov P. P., Sadovnikov E. S. Concept "patriotism" within socio-political discourse. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 435–442 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442>, EDN: MEPSOX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном российском социально-политическом дискурсе концепция патриотизма приобрела особую актуальность и стала предметом интенсивных обсуждений среди политических деятелей, представителей научного сообщества и широкой общественности. В современных условиях наблюдается тенденция к рассмотрению патриотизма не только как идеологического конструкта, но и как фундаментального элемента формирования национальной идентичности и гражданского самосознания [1–4].

Для комплексного анализа данного феномена необходимо обратиться к теоретическим основам, включая концептуализацию понятия патриотизма, исследование его генезиса и эволюции, а также изучение его роли в современном российском политическом ландшафте. Подобный подход требует применения методологии, выходящей за рамки риторических конструкций.

Особого внимания заслуживает исследование патриотизма как инструмента символической политики. В данном контексте патриотизм можно рассматривать как механизм конструирования коллективной памяти и национальной идентичности путем селективной интерпретации исторических событий [5, с. 75]. Государственные структуры активно участвуют в формировании «политики памяти», трансформируя историческую нарратацию в патриотический дискурс с акцентом на героизацию прошлого.

Современная концепция патриотизма выходит за рамки традиционного понимания любви к Родине, превращаясь в сложный социально-политический феномен, требующий многоаспектного научного анализа. Для его адекватного понимания необходимо выйти за пределы поверхностных интерпретаций и риторических конструкций, сосредоточившись на глубинных

механизмах формирования и функционирования патриотического дискурса в современном российском обществе [6, с. 239].

Феномен патриотизма как объект политологического исследования имеет глубокие исторические корни, восходящие к философским трудам античности. Интеллектуальное наследие таких мыслителей, как Сократ, чьи идеи дошли до нас посредством диалогов Платона, сам Платон с его концепцией идеального государства, Аристотель, заложивший фундаментальные основы политической философии, и Цицерон, выдающийся оратор и государственный деятель Древнего Рима, содержит первые попытки концептуализации патриотизма через призму гражданского долга и добродетели.

В современном научном дискурсе исследование патриотизма продолжается с применением новейших методологических подходов и теоретических парадигм. Особый интерес представляют работы представителей конструктивистского направления в социальных науках. Б. Андерсон, разработавший концепцию «воображаемых сообществ», предложил инновационный подход к анализу формирования национальной идентичности и патриотических настроений. Э. Геллнер в своих трудах установил корреляцию между развитием патриотизма и процессами модернизации и индустриализации, сформулировав оригинальную теорию национализма. Э. Хобсбаум, в свою очередь, акцентировал внимание на роли «изобретенных традиций» в конструировании национальной идентичности и патриотического дискурса [7, с. 1561–1562].

Альтернативное направление исследований представлено адептами примордиалистского подхода, рассматривающими патриотизм в качестве имманентной характеристики национального самосознания.

В российской политической науке проблематика патриотизма разрабатывается в работах таких исследователей, как В. А. Тишков, Л. М. Дробижина, Э. А. Паин, рассматривающих данный феномен в контексте формирования гражданской нации и межэтнических отношений. Особое внимание уделяется анализу патриотизма как инструмента легитимации политического режима и консолидации общества в условиях внешнеполитических вызовов [8, с. 37].

Взаимосвязь концепций патриотизма и гражданственности представляет собой комплексный социокультурный феномен, подвергшийся тщательному анализу в научных трудах А. В. Лубского [9]. Согласно его теоретической модели гражданский патриотизм, основанный на рациональном типе национального самосознания, предполагает готовность индивидов, осознающих свою неотъемлемую принадлежность к Отечеству, к активной и ответственной социальной деятельности в интересах государства. Указанная форма патриотизма характеризуется критическим осмыслением социально-политических процессов и стремлением к конструктивному участию в общественной жизни. В отличие от «этнического» или «безусловного» патриотизма, гражданский патриотизм не ограничивается эмоциональной привязанностью к стране, но предполагает осознанное и деятельное участие в ее развитии. А. В. Лубский аргументирует, что гражданский патриотизм является ключевым фактором в формировании зрелого гражданского общества и способствует укреплению демократических институтов [9, с. 57]. Этот подход к патриотизму подразумевает баланс между лояльностью государству и критическим отношением к его политике, что позволяет гражданам выступать в роли активных участников социально-политических процессов, а не пассивных наблюдателей.

Более того, концепция гражданского патриотизма тесно связана с идеей гражданской идентичности, которая выходит за рамки этнической или культурной принадлежности и основывается на общих гражданских ценностях и ответственности перед обществом. Это способствует формированию инклюзивного понимания национальной общности, объединяющего граждан различного происхождения на основе общих гражданских идеалов и стремления к общественному благу.

В отечественной научной литературе подвергнуты комплексному анализу многоаспект-

ные проявления феномена патриотизма: его аксиологическая составляющая, социально-психологические функции, внутренняя архитектура, а также роль в обеспечении морально-политической консолидации социума на различных стадиях его эволюционного развития [10, с. 114]. Тем не менее недостаточно эксплицированным остается ключевой исследовательский вопрос: «Какие именно имманентные характеристики патриотизма детерминируют генезис чувства гражданского долга и формирование интенциональности к служению Отечеству?». Данная проблематика, несмотря на свою фундаментальную значимость для понимания механизмов социальной интеграции и гражданской идентичности, не получила должного освещения в научных работах [11].

Представляется целесообразным осуществить более глубокую концептуализацию взаимосвязи патриотических установок с гражданской идентичностью, используя междисциплинарный подход, интегрирующий методологические инструменты социальной философии, политологии и социальной психологии. Подобная исследовательская стратегия позволит выявить латентные механизмы трансформации абстрактного чувства любви к Родине в конкретные поведенческие паттерны, ориентированные на деятельное участие в жизни гражданского общества и государства.

Представляется методологически обоснованным рассматривать патриотизм как специфическое общественное отношение, форму социальной идентификации и интеграции, обусловленную культурно-историческими и социально-политическими факторами. В данном контексте гражданственность может быть интерпретирована как производная от патриотического сознания, актуализирующаяся в конкретных социальных практиках и институциональных формах гражданского участия.

В современном дискурсе политической науки наблюдается дихотомия в концептуализации феномена патриотизма, что порождает определенную теоретико-методологическую дивергенцию. С одной стороны, превалирует тенденция к редукционистской интерпретации патриотизма как абстрактного аффективного отношения к территориально-политическому образованию, что неизбежно ведет к диффузии его концептуальных демаркаций. С другой стороны, набирает силу инструменталистский подход, рассматривающий патриотизм исключительно через призму символической поли-

тики и идеологического конструирования, что чревато нивелированием его имманентной социально-психологической природы [12, с. 193].

Однако обе эти позиции, при всей их кажущейся антагонистичности, демонстрируют общую методологическую ограниченность – они не способны в полной мере эксплицировать многоаспектность и полифункциональность патриотизма как политологической категории. В этой связи возникает необходимость в разработке концептуального подхода, который позволил бы преодолеть редукционизм существующих интерпретативных моделей.

В контексте глобальных тенденций Российская Федерация, следуя европейскому вектору развития, инкорпорирует механизмы символической политики в свою социально-политическую парадигму [13, с. 88]. Однако, в отличие от европейского опыта, где патриотизм эволюционировал в интегральный компонент националистического и империалистического дискурса, отечественная модель демонстрирует дивергентную траекторию развития. В российском социуме наблюдается необходимость в трансформации концепции патриотизма от узкословной интерпретации к более инклюзивной и всеобъемлющей парадигме. Данная эволюция направлена на создание консолидирующего нарратива, способного нивелировать социально-экономические и статусные дифференциации в обществе.

Примечательно, что в рамках дворянской консервативной идеологии происходил процесс редукции гражданско-политического компонента патриотизма, уступая место более абстрактным и метафизическим концепциям. Этот феномен можно интерпретировать как попытку деполитизации патриотического дискурса, что потенциально могло служить инструментом социального контроля и манипуляции общественным сознанием.

В современных реалиях наблюдается тенденция к реконцептуализации патриотизма как многоаспектного феномена, интегрирующего исторические, культурные и социально-политические элементы. Этот процесс сопровождается активным конструированием новых символических маркеров и реинтерпретацией существующих исторических нарративов [14, с. 129].

В процессе исторического развития России концепция патриотизма претерпела значительную трансформацию, обусловленную уникальными социально-политическими условиями

страны. В отличие от западноевропейских моделей, где буржуазия часто выступала катализатором патриотических настроений, российский патриотизм формировался в тесной взаимосвязи с государственными и династическими институтами, создавая особую форму патерналистических отношений между властью и обществом [15, с. 18].

Исторически сложившаяся модель российского патриотизма базировалась на фундаменте государственного патернализма, интегрируя в себя элементы многовековых традиций и монархического наследия. Данный феномен можно охарактеризовать как всеобъемлющую конструкцию, в рамках которой государство, персонифицированное в лице монарха, выступало в роли гаранта социальной стабильности и защитника интересов населения от произвола региональных элит [16, с. 264]. Тем не менее эта система продемонстрировала свою уязвимость перед лицом исторических вызовов начала XX в. Кризис легитимности власти, проявившийся в неспособности государства эффективно выполнять возложенные на него социальные обязательства, привел к значительным трансформациям в общественном сознании. Дестабилизация государственных институтов повлекла за собой переоценку традиционных патриотических ценностей и ориентиров в российском обществе [17, с. 116].

Эволюция концепции патриотизма в его современной интерпретации неразрывно коррелирует с генезисом капиталистического способа производства, формированием институтов гражданского общества и кристаллизацией национального самосознания. Данная конвергенция социально-экономических и культурных трансформаций создала благоприятный субстрат для реконцептуализации феномена патриотизма в контексте зарождающихся буржуазных государственных образований. Однако по мере вступления капитализма в стадию позднего развития, сопровождающуюся эскалацией имманентных ему противоречий, либеральная парадигма патриотизма подверглась интенсивной критике. Это детерминировало появление спектра альтернативных концептуальных моделей, среди которых особую значимость приобрел националистический патриотизм. Сформировавшись на исходе XIX столетия в атмосфере обостряющихся социальных антагонизмов, он представлял собой специфический идеологический конструкт, направленный на нивелирование внутренних противоречий социума по-

средством апелляции к примордиальному сентименту «любви к Отечеству» и акцентуации идеи национальной консолидации.

Российская траектория эволюции патриотической идеи характеризуется выраженной спецификой. В силу комплекса исторических детерминант, прежде всего структурной слабости буржуазии как потенциального носителя гражданского патриотизма, в России сформировалась особая модель патриотического дискурса, отличная от западноевропейских аналогов.

Эволюция концепции советского патриотизма представляет собой комплексный процесс идеологической трансформации, отражающий фундаментальные изменения в социально-политической структуре СССР. Траектория развития патриотической идеи прослеживается от инициального периода революционного энтузиазма, характерного для постреволюционной эпохи, через этап сталинской консолидации власти, ознаменовавшийся интеграцией элементов великодержавного национализма, до финальной стадии позднесоветского периода, отличавшейся синтетическим подходом к патриотической доктрине.

К моменту распада Советского Союза и формирования современного Российского государства страна аккумулировала значительный эмпирический материал, иллюстрирующий многообразие проявлений патриотизма в политической сфере, а также существенный корпус теоретических исследований, анализирующих данный феномен. Этот интеллектуальный базис послужил основой для дальнейшей концептуализации патриотизма в контексте новых исторических реалий.

Кульминационным моментом в этом процессе стало утверждение в 2001 г. первой государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Данный нормативный акт, выступая в роли связующего звена между историческим наследием и перспективами будущего развития, акцентировал внимание на формировании гражданской ответственности и готовности к защите национальных интересов. Этот документ можно рассматривать как попытку институционализации патриотического воспитания в новых социально-политических условиях, что отражает преемственность и адаптацию советских концепций к реалиям постсоветской России. Анализ данной программы и последующих итераций позволяет проследить эволюцию государственного подхода к па-

триотическому воспитанию, выявить ключевые векторы трансформации патриотической идеи и оценить эффективность реализуемых мер в контексте формирования гражданской идентичности и социальной консолидации.

В постсоветской России процесс реконцептуализации патриотизма был детерминирован комплексом факторов, среди которых доминирующее положение занимала императивная необходимость противодействия центрифужным тенденциям и потенциальной фрагментации территориальной целостности государства [18, с. 6462]. Чеченский конфликт служит парадигматическим примером, иллюстрирующим остроту данной проблематики и акцентирующим критическую значимость формирования консолидированной национальной идентичности как фундаментального базиса государственности.

В социополитическом контексте патриотизм подвергся реинтерпретации, трансформировавшись из абстрактного концепта в инструментальный механизм социальной когезии и нейтрализации сепаратистских интенций. Это обусловило разработку и имплементацию консервативной парадигмы патриотизма, инкорпорированной в официальную доктринальную базу.

Хронологический интервал 2006–2016 гг. может быть охарактеризован как «субстанциональный этап» (терминология, предложенная Т. А. Алексеевой) в эволюции общественного дискурса о патриотизме [19, с. 151]. Данный темпоральный сегмент отмечен беспрецедентной интенсификацией дискурсивных практик, связанных с патриотической тематикой, и усилением их воздействия на коллективное сознание гражданского общества.

Знаковым событием этого периода явилось выступление Президента РФ В. В. Путина в 2012 г. на совещании по вопросам духовно-нравственного воспитания молодежи, которое может рассматриваться как артикуляция новой парадигмы государственной политики в сфере патриотического воспитания и формирования национальной идентичности [20, с. 19]. Стоит отметить, что в настоящее время политическое воспитание молодежи в Российской Федерации рассматривается как одна из приоритетных задач государственной политики. В данном процессе важная роль отведена и отечественному научному сообществу. Для осуществления научного мониторинга и анализа состояния политической культуры молодежи привлекаются

значительные ресурсы со стороны как общества, так и государства с целью получения практических результатов, способствующих активному вовлечению молодых граждан в общественно-политическую жизнь страны [21, с. 67].

Патриотизм, являясь феноменом политической природы, выступает индикатором общественных настроений и тесно коррелирует с уровнем доверия граждан к государственным институтам, легитимностью власти и восприятием соответствия государственной политики интересам социума. Примечательно, что значительная часть населения интерпретирует патриотизм через призму политических отношений, что обуславливает тесную взаимосвязь между патриотическими установками и формированием гражданской идентичности.

Генезис гражданского патриотизма восходит к Античной эпохе, где полисный патриотизм стал его первичной манифестацией. В этот исторический период политическая философия впервые концептуализировала патриотизм, определив его как феномен, имманентно присутствующий политической сфере и характеризующий комплексную систему реципрокных обязательств между гражданами и государством.

Однако уже в Античности наблюдается первый кризис концепции патриотизма, который можно рассматривать как рефлексию общего кризиса полисной системы. Этот кризис был детерминирован нарастающей дихотомией между теоретическими постулатами и эмпирической реальностью политической жизни полиса. Данное противоречие актуализировало вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных интересов в контексте гражданского долга и патриотических обязательств.

Дальнейшая эволюция концепции патриотизма происходила в тесной корреляции с трансформацией политических систем и социальных структур. В эпоху Просвещения и становления национальных государств патриотизм приобрел новые коннотации, интегрируя элементы национальной идентичности и гражданского самосознания. Современная интерпретация патриотизма характеризуется мультидименсиональностью, включая не только политический, но и культурный, социальный и экономический аспекты.

В контексте глобализации и усиления транснациональных связей концепция патриотизма подвергается новым вызовам и реинтерпретациям. Актуализируется дискуссия о соотношении патриотизма и космополитизма,

национальной идентичности и глобального гражданства. Эти дебаты отражают комплексную природу современных политических и социальных процессов, требующих нюансированного подхода к анализу патриотических установок и их роли в формировании гражданского общества [22, с. 99].

В процессе обострения внутренних противоречий капиталистической формации произошло формирование концепции националистического патриотизма. Данный идеологический конструкт был призван нивелировать социальные антагонизмы посредством замещения классовых конфликтов идеализированной концепцией «любви к Отечеству». Таким образом, патриотизм трансформировался в инструмент манипулирования общественным сознанием, направленный на консолидацию нации вокруг абстрактных символов и риторических конструкций

В рассматриваемый период патриотизм интегрировался в символическую политику государств, став эффективным механизмом конструирования национальной идентичности. Современные конструктивистские теории интерпретируют патриотизм именно через эту призму – как инструмент формирования коллективного самосознания. Примечательно, что в условиях этнической гетерогенности современных государств возникла концепция «конституционного патриотизма» – попытка интеграции различных идентичностей и версий патриотизма в рамках единого правового пространства.

Российский исторический опыт демонстрирует сложную эволюцию концепта патриотизма, отражающую все перипетии социально-политического развития страны. Наблюдалась трансформация от династического патриотизма имперского периода к советскому государственному патриотизму, а затем к современным формам патриотического дискурса. Данная эволюция представляет собой ценный материал для анализа взаимосвязи между политическими трансформациями и изменениями в общественном сознании.

В контексте глобализации и усиления межкультурных взаимодействий концепт патриотизма подвергается дальнейшей модификации. Возникают новые формы транснационального и космополитического патриотизма, что ставит перед исследователями задачу переосмысления традиционных подходов к изучению данного феномена. Актуальным становится вопрос о со-

отношении патриотизма и глобальной гражданской ответственности, а также о роли патриотических настроений в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости [23, с. 1948].

Анализ траектории развития патриотической идеи в историческом контексте позволяет идентифицировать ключевые характеристики и функции патриотизма, а также определить его место в категориальном аппарате политологии. Гражданский патриотизм может быть концептуализирован в качестве специфической формы общественного договора между государством и гражданами, основанной на взаимных обязательствах и служащей фундаментом для формирования гражданской идентичности. Более того, патриотизм выступает в качестве индикатора, оценивающего эффективность функционирования властных институтов и либо укрепляющего их легитимность, либо способствующего делегитимации политической системы.

В рамках данного дискурса представляется целесообразным рассмотреть патриотизм как многомерный конструкт, включающий когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты. Когнитивный аспект охватывает знания об истории, культуре и достижениях страны; аффективный компонент связан с эмоциональной привязанностью к Родине; поведенческий аспект проявляется в готовности к социально значимой деятельности на благо государства.

Таким образом, исследование феномена патриотизма в советском и постсоветском пространстве требует междисциплинарного подхода, интегрирующего методологические инструменты политологии, социологии, исторической науки и социальной психологии. Такой комплексный подход позволит выявить латентные механизмы формирования патриотических установок, их влияние на социальную мобильность и политическое поведение граждан, а также роль патриотизма в процессах национальной консолидации и государственного строительства.

Трансформационные процессы в социально-экономической сфере Российской Федерации, наблюдавшиеся в середине первого десятилетия XXI в. и характеризовавшиеся значительным повышением показателей уровня жизни населения, были интерпретированы общественным сознанием как реконструкция символического контракта между государственным аппаратом и гражданским обществом. Данный социальный контракт, подвергшийся существенной деградации в заверша-

ющий период советской эпохи и практически аннулированный в ходе либеральных преобразований 1990-х гг., вновь обретает актуальность в общественном дискурсе.

Коллективное сознание, испытывавшее дефицит стабильности и социальной защищенности, положительно восприняло интенсификацию социальной политики и меры по оптимизации бюрократического аппарата как ренессанс концепции государственных обязательств перед населением. Подобная реконструкция «общественного договора» послужила катализатором для кристаллизации патриотических настроений, которые постепенно эволюционировали в подобие национальной идеологической парадигмы.

Список литературы

1. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>, EDN: OJUWVW
2. Никифоров Г. Я. Социологическая концептуализация патриотизма в ракурсе изучения эффективности молодежной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 185–188. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-185-188>, EDN: YATCZP
3. Сайганова Е. В. Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 286–290. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290>, EDN: DOPSPQ
4. Труханов В. А. Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: AHDZCU
5. Панкратов С. А., Тельнова Н. А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 75–79. EDN: ONTLFR
6. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. О концептуализации понятия «патриотизм» в исследованиях современного гражданского общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 236–243. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/22>, EDN: POUKVJ

7. Константинов М. С. Проблема идеологической деконстатации патриотизма: по материалам социологического исследования // Политика и общество. 2016. № 11. С. 1558–1568. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.11.20880>, EDN: YFIOFD
8. Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект // Вестник МГПУ. Серия «Фило-софские науки». 2022. № 1 (41). С. 33–46. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.03>, EDN: JNOGJM
9. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (36), № 2. С. 47–66. EDN: QFUDDU
10. Букалерева Л. А., Волох В. А., Горбунов М. А., Знаменский Д. Ю., Зубач А. В., Мышко Ф. Г., Суворова В. А., Титор С. Е., Шагиева Р. В., Яхшиян О. Ю. Правовое регулирование реализации государственной политики сохранения гражданского единства и межнационального согласия народов / под общ. ред. С. Е. Титор. М.: Русайнс, 2023. 246 с. EDN: NSTOVX
11. Габеркорн А. И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2021. 201 с. EDN: YATCFU
12. Никифоров Я. А. Социальный концепт «патриотизм» в русской общественной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 191–193. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193>, EDN: ZAUMMF
13. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 84–96. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-918>, EDN: YSQCTJ
14. Гуляихин В. Н., Фантров П. П. Концептуальное измерение проблем совместной деятельности институтов государства и гражданского общества по обеспечению национальной безопасности РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Между-народные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 122–131. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.15>, EDN: WJSVNB
15. Габеркорн А. И. Формирование концепта патриотизма в российской политической мысли // Теория и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 4А. С. 13–23. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.45.4.044>, EDN: NXKRLA
16. Фантров П. П. Национальная модель политической социализации молодежи и национальная безопасность России // Национальные интересы: приорите-ты и безопасность. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 261–269. <https://doi.org/10.24891/ni.13.2.261>, EDN: XWVKSZ
17. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследова-ния. 2020. № 2. С. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>, EDN: WUIELN
18. Савицкий Р. С. Патриотизм как основа развития гражданской ответственности в российском обществе // Во-просы политологии. 2023. Т. 13, № 12 (100). С. 6459–6467. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.100.12.003>, EDN: OKLTKA
19. Алексеева Т. А. Военно-политические перспекти-вы развития России в XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 5 (62). С. 146–154. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-146-154>, EDN: YPTENN
20. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Вест-ник Российской нации. 2012. Т. 1, № 21. С. 13–25. EDN: OWAARB
21. Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. Специ-фика политологической интерпретации политиче-ских идентичностей молодежи // Известия Сара-товского университета. Новая серия. Серия: Социо-логия. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE
22. Расторгуев С. В. Современные подходы к концепту «патриотизм» в научном дискурсе // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 96–101. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-96-101>, EDN: EIGTMD
23. Martynov M. Yu., Gaberkorn A. I. Ethics of patrio- tism and stages of forming patriotic discourse in of- ficial ideology of today's Russia // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7, № 9. P. 1943–1954. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.09.328>, EDN: SAWWQB

Поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

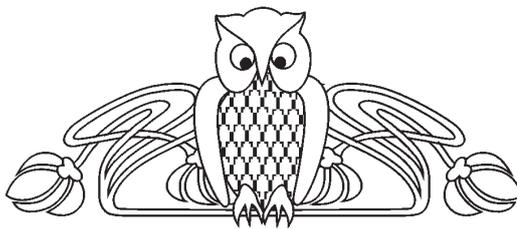
The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Научная статья

УДК 323.2

Экстрарациональный компонент государственной политики в отрасли авиастроения России

И. И. Кузнецов , Ю. В. Петрова

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский просп., д. 51/21

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, ¹профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии; ²ведущий научный сотрудник отдела политической науки, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Петрова Юлия Владимировна, ¹аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии; ²младший научный сотрудник отдела политической науки, iuliiapeetrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8778-9010>

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ экстрарациональной составляющей выработки и реализации государственной политики в отрасли авиастроения в советский период и в современной России. Отмечены основные концептуальные составляющие экстрарационального блока государственной отраслевой политики, а также обозначены основные используемые акторами выработки и принятия решений инструменты и механизмы популяризации отрасли среди населения. Несмотря на широкий перечень соответствующих инструментов, задействованных с целью обеспечения поддержки развития авиастроительной отрасли среди населения и роста интереса к сфере среди молодежи, сделан вывод о недостаточности работы по данному направлению в контексте создания произведений массовой культуры, популяризации сферы через образы исторических и современных героев.

Ключевые слова: экстрарациональные факторы, государственная политика, авиастроение

Для цитирования: Кузнецов И. И., Петрова Ю. В. Экстрарациональный компонент государственной политики в отрасли авиастроения России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 443–450. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-443-450>, EDN: MOVJSC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Extra-rational component of state policy in the Russian aircraft industry

I. I. Kuznetsov , Iu. V. Petrova

Lomonosov Moscow State University, GCP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 51/21 Nakhimovskiy Ave., Moscow 117418, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Iuliiia V. Petrova, iuliiapeetrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8778-9010>

Abstract. The article presents a comparative analysis of the extra-rational component of the development and implementation of state policy in the aviation industry in the Soviet period and in modern Russia. The main conceptual components of the extra-rational block of state sectoral policy are noted, as well as the main tools and mechanisms used by actors in decision-making to popularize the industry among the population. Despite the wide range of relevant tools used to support the development of the aircraft industry among the population and the growing interest in the field among young people, it is concluded that there is insufficient work in this area in the context of creating works of mass culture, popularizing the field through the images of historical and modern heroes.

Keywords: extra-rational factors, government policy, aircraft industry

For citation: Kuznetsov I. I., Petrova Iu. V. Extra-rational component of state policy in the Russian aircraft industry. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 443–450 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-443-450>, EDN: MOVJSC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследование государственной политики в современной России не только представляет большой интерес с позиции возможностей политической науки находить адекватное понимание функциональности соответствующих институтов и практик, но и дает некоторые основания для рационализации принимаемых решений (особенно в сфере долгосрочных и затратных проектов, касающихся промышленного, наукоемкого производства). В этой связи обращение к российскому опыту развития авиастроения представляется крайне важным.

Осмысление экстраординарного компонента выработки и принятия управленческих решений становится одним из наиболее активно развивающихся направлений политической науки. Ценности и установки лиц, принимающих решения, общий цивилизационный и социокультурный контекст реализации отраслевой государственной политики все чаще становятся предметом изучения отечественных политологов.

В соответствии с классификацией профессора А. И. Соловьева экстраординарный блок является одной из пяти ключевых составляющих государственной политики (наряду с такими блоками, как политический, управленческий, организационно-кадровый и финансово-экономический) и предполагает учет социокультурных особенностей, оказывающих влияние на выработку и реализацию государственной политики [1]. К тому же при осмыслении экстраординарного компонента госполитики важными являются как учет ценностных ориентаций общества, так и представления лиц, принимающих решения. Так, например, профессор А. А. Дегтярев выделяет следующие экстраординарные факторы, влияющие на принятие управленческих решений: индивидуальные и групповые интересы, ценности и установки, эмоции и обычаи и т.д. [2]. Особое место в структуре рассматриваемого блока государственной политики занимают макрополитические переменные: как отмечает профессор В. И. Якунин, «учет цивилизационных и социокультурных параметров общественного развития дает больше оснований для планирования и осуществления долгосрочных стратегий развития российского общества, конструирования будущего при помощи инструментов государственной политики» [3, с. 9].

Рассмотрение экстраординарной составляющей государственной политики релевантно для любой отрасли, авиастроение в этой связи не является исключением: особое место отрасли в советский период, значимый инфраструк-

турный задел и острое социальное значение в актуальных условиях обращают внимание на необходимость анализа реализуемой государственной политики в рассматриваемой отрасли, а учет экстраординарных факторов служит необходимым условием формирования комплексного представления о ситуации в отечественном авиастроении в целом.

Таким образом, экстраординарная составляющая государственной политики в отрасли авиастроения связана, с одной стороны, с ценностными установками ведущих акторов политико-управленческого процесса, опосредующими видение стратегии развития отрасли. С другой стороны, она предполагает учет представлений населения о рассматриваемой сфере: насколько значимой является отрасль в общественном сознании, какие цели и ориентиры перед ней стоят. Стоит также отметить, что экстраординарный компонент любой отраслевой политики в нашей стране может быть адекватно представлен только с опорой на анализ исторического опыта становления. Ведь формирование управления сложными техническими устройствами, где задействованы большие финансовые, материальные, кадровые ресурсы, неизбежно выводит на проблематику дальнейшего функционирования «человеко-машинных» систем, в которых происходит основной производственный процесс. И здесь значительную роль играет то, как само общество оценивает перспективы внедрения и использования новых технологий, какие долгосрочные социальные, экономические и иные эффекты могут быть ожидаемы (в том числе и для оправдания сверхусилий в наращивании масштабов и темпов модернизации производства).

Экстраординарный компонент отрасли авиастроения в России тесно связан с осмыслением советского наследия: выдающихся достижений и мировых успехов советских авиастроителей, научно-технического и кадрового потенциала отрасли, глобальных планов развития аэрокосмической сферы. В этом контексте ведущим запросом к отраслевым управленцам становится ориентир на повторение успехов советского периода и выход в число бесспорных стран-лидеров в научно-технологической сфере, авиации и авиастроении в частности. Говоря о реализации инфраструктурных проектов, В. И. Якунин отмечает довлеющую политическую составляющую данного процесса: «...это делает принятие решений в данной сфере чрезвычайно ценностно нагруженным процессом: то, как происходит принятие решения о ее раз-

витии, в соответствии с какими критериями происходит выбор альтернатив, во многом раскрывает конкретные целевые и ценностные установки политической системы и ее акторов» [4, с. 36]. Таким образом, важным аспектом стратегического планирования в отрасли авиастроения становятся социокультурные особенности российского общества и некоторые закономерности общественного развития. В данном контексте следует обратить внимание на опыт Советского Союза по имплементации значимых для имиджа отрасли проектов.

Советский период. Популяризация авиации и авиастроения традиционно входила в число приоритетов отраслевого развития и в Российской империи, и в Советском Союзе, и в современной России. Подобный подход ориентирован на привлечение населения к участию в развитии сферы как в финансово-экономическом аспекте (привлечение частных инвестиций), так и в организационно-кадровом (работа на предприятиях авиационной промышленности).

Начало XX в. в отечественном авиастроении характеризуется повышенным вниманием к воздухоплаванию, возможностям его применения в военном деле и решении проблемы транспортной доступности в большой Российской империи – стране территориально протяженной, где многие ее части (особенно окраины) по-прежнему оставались на периферии экономического освоения. Император Николай II лично был знаком с выдающимися авиаконструкторами (И. И. Сикорским, Н. Е. Жуковским, Д. П. Григоровичем и др.), взял под покровительство Всероссийский аэроклуб (1909), при нем строились первые отечественные авиационные заводы, создавался новый род войск – дальняя авиация. Император был крайне заинтересован в развитии российской авиации и стремился этому содействовать. Все это позволило в относительно короткий срок качественно нарастить количество производимой авиатехники, что в последующем сыграло немаловажную роль в ряде войсковых операций Первой мировой войны. Да и в целом популяризация авиационной тематики стала основой для модернизации страны (по крайней мере, производственных систем, создания новых авиационных профессий и обеспечения нового уровня профессиональной подготовки).

Отметим, что даже Революция 1917 г. и Гражданская война не отменили этого вектора: большевистскому правительству авиация была также крайне необходима и в сфере военного дела, и в своей гражданской ипостаси. Интерес-

но, что для нового руководителя государства, В. И. Ленина, авиация была предметом личного интереса. Об этом свидетельствовала еще Н. К. Крупская: в годы эмиграции Ильич любил наблюдать за полетами французских авиаторов, интересовался возможностями авиатехники в Жювизи (аэродром под Парижем). Еще в октябре 1917 г. в Петрограде по его инициативе был создан первый советский авиаотряд. А в январе 1918 г. в беседе с членом Всероссийской коллегии по управлению воздушным флотом республики М. П. Строевым интересовался возможностью применения авиации в народном хозяйстве и заявил, что Советская страна должна иметь мощный воздушный флот, который можно было бы использовать и в строительстве новой жизни [5, с. 4]. В сложных условиях Гражданской войны в Советской России был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), который стал настоящим центром авиационной науки, местом «притяжения» талантливых ученых, конструкторов, изобретателей, испытателей техники. Главными фигурами в этом институте стали ведущие специалисты, «отцы российской авиации» Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин.

В период 1920–1930-х гг. до самой Великой Отечественной войны широкое распространение получили такие методы популяризации и развития интереса населения к авиации, как организация авиационных парадов, проведение соревнований авиационной техники, перелеты на агитсамолетах и организация рекордных перелетов, развитие сети кружков авиалюбителей и проведение любительских соревнований, сбор средств на развитие воздушного флота через структуру Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) и пр. Задачи, которые приходилось решать за относительно короткое время, были грандиозны по масштабу.

1. В условиях внешней политической и экономической блокады и непризнания молодой советской государственности необходимо было наладить выпуск современной авиационной техники. Задача осложнялась серьезными ограничениями в возможностях использовать передовые технологии металлического самолетостроения, необходимостью освоения производства авиадвигателей, создания приборной базы, а также отсутствием необходимого станочного парка и компетентных рабочих и инженеров.

2. Пришлось почти с нуля создавать систему подготовки авиационных и авиатехнических кадров, формировать научные коллекти-

вы, конструкторские бюро, творческие команды, способные быстро и эффективно решать сложные вопросы. Во многом это было связано с использованием потенциала системы образования Российской империи, но этот задел не всегда был доступен (отъезд известных специалистов в эмиграцию, прерывание контактов с европейскими коллегами).

3. Авиация в Российской империи была доступна в основном представителям правящих классов, преимущественно дворянства, либо лицам, получившим хорошее техническое образование в ведущих вузах страны (Московский, Санкт-Петербургский, Киевский университеты, Московское Высшее техническое училище и др.). Новое советское общество строилось на отказе от сословных, имущественных, национальных ограничений. Это потребовало постоянно формировать и поддерживать интерес молодых людей к получению инженерной специальности, занятию авиацией, парашютизмом и планеризмом.

Создание Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) в 1923 г. было призвано популяризовать авиацию, творчество в сфере создания и эксплуатации авиационной техники, пилотажное мастерство и парашютизм. Позднее, уже в составе ОСОАВИАХИМа (с 1927 по 1948 г.), эта работа постоянно расширялась, вовлекая сотни тысяч молодых людей, заинтересованных проявить себя или построить карьеру в авиации, авиастроении.

Обеспечение широкого потока молодых людей в авиацию было связано с созданием мощной сети авиаклубов под эгидой ОДВФ, а позднее – ОСОАВИАХИМа. В периодике приводятся следующие цифры. X съезд ВЛКСМ, который состоялся в апреле 1936 г., рассматривал среди прочих вопрос шефства комсомола над авиационным движением в стране и фиксировал в одном из отчетов, что в стране работают 122 аэроклуба (каждые четверо курсантов (учлетов) этих клубов из пяти были комсомольцы). Но уже к 1 января 1940 г. в СССР действовали 205 таких клубов [6]. Конечно, руководители советских ВВС обращали самое пристальное внимание на этот кадровый резерв, а с 1938 г. учебный состав военно-воздушных сил РККА стали комплектовать только из числа выпускников аэроклубов. Это давало возможность экономить время на первоначальной летной подготовке, вести более серьезный отбор и специализацию курсантов, обеспечивать мощный профессиональный резерв на случай войны.

Причем аэроклубы давали серьезную начальную подготовку не только пилотов и техников, но и парашютистов, которые затем составили часть воздушно-десантных войск, диверсионно-разведывательных подразделений Красной Армии, спецотрядов, забрасываемых с началом Великой Отечественной войны в тыл врага. Сеть аэроклубов была создана по всей стране, что во многом за счет массовости и одновременно стандартизации подготовки обеспечило постоянный поток летно-технических кадров начального уровня. Собирабельный образ учлета того времени: учась в школе, посещает авиамodelьную секцию, осваивает теоретическую подготовку, закрепляя материал курсов математики, физики, химии. Затем – планеризм, азы техники пилотирования, аэродинамики, повышение собственных компетенций наряду с привыканием к полувоенной дисциплине авиаклуба. Наконец учлет-курсант пересаживается на учебный самолет, совершает первый полет с инструктором, затем набирает необходимый налет часов, обретает крайне необходимый опыт самостоятельного пилотирования (как гласил советский плакат того времени: «От модели – к планеру, с планера – на самолет!»). Далее могли быть варианты развития карьеры: от учебы в военно-учебных заведениях ВВС или гражданского воздушного флота до получения инженерной специальности в авиационной сфере (строительство летательных аппаратов, конструирование двигателей, вооружения, приборов и т.д.). Если в 1936 г. курсантами школ ВВС РККА стали 176 выпускников аэроклубов, то в 1937 г. это число выросло до 5760, а в 1938-м – до 14 106 человек! [6].

Популярность летной профессии – следствие не только целенаправленной работы в сфере образования. Плакатное искусство, песни, кино, литература, радиопрограммы – все было ориентировано на продвижение статуса летного дела, его важности для Советского государства. Подчеркивалась неразрывная связь этой сферы с наукой и передовым производством, технологиями, способными дать новое качество жизни. Для многих поколений советских юношей и девушек роман В. А. Каверина «Два капитана» (первый том был опубликован в журнале «Костер» 1938–1940), дважды экранизированный уже после Великой Отечественной войны (1955, реж. В. Венгеров; 1976, реж. Е. Карелов) стал для многих настольной книгой. Образ Сани Григорьева, осиротевшего мальчика из провинциального городка, добившегося осу-

ществления своей мечты и ставшего полярным летчиком несмотря на все испытания и трудности, встававшие на его пути, вдохновлял советских пионеров и комсомольцев.

По-видимому, неслучайно, что дети многих советских, партийных руководителей выбирали себе в качестве профессии авиацию. В. И. Сталин, выпускник прославленной Качинской авиашколы, стал летчиком-истребителем; Л. Н. Хрущев летал на бомбардировщике в Советско-финскую войну и на истребителе в период Великой Отечественной (погиб на фронте в 1943 г.); брат советского наркома Анастаса Ивановича Микояна – известный авиаконструктор, создатель МиГов Артем Иванович Микоян, дети наркома – пилоты: Степан Анастасович Микоян (советский летчик-испытатель, Герой Советского Союза, 1922–2017), Владимир Анастасович Микоян (погиб под Сталинградом в сентябре 1942 г.), Алексей Анастасович Микоян – заслуженный военный летчик (1922–1985); сын высокопоставленного советского военного, Председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора СССР М. В. Фрунзе, воспитанник К. Е. Ворошилова (был приемным сыном в семье маршала) летчик Тимур Михайлович Фрунзе (погиб на фронте в 1942 г.); летчиком был сын члена Военного совета Западного фронта Н. А. Булганина – Лев Николаевич Булганин (1925–1975). Труд пилотов высоко ценился не только в военное время. Высшая степень отличия – звание Героя Советского Союза – было учреждено в апреле 1934 г. Первой семеркой награжденных мужчин были летчики-«челюскинцы» (спасатели пассажиров и экипажа парохода «Челюскин», зажатого полярными льдами), первой женщиной – В. С. Гризодубова, установившая несколько мировых рекордов дальности и командовавшая полком дальней авиации в Великую Отечественную войну. На памяти всех советских людей легендарные герои перелета через Северный полюс в Америку В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков. Высшей степенью романтизации летной профессии были публичные репрезентации деятельности летчиков-испытателей: именно они «учили» новые машины летать, «доводили» передовые виды авиатехники до серийного производства. Среди таких отметим В. П. Чкалова, В. К. Коккинаки, М. М. Громова, Амет-Хана Султана.

Таким образом, Советское государство активно поддерживало интерес общества к развитию авиации, стимулируя к получению соответствующего образования и построению

карьеры способных к этому молодых людей и девушек, продвигало на радио, в печати и кино образы романтических «военлетов» и испытателей. Почеркнем, что здесь слова не расходились с делами – карьеры детей высшей партийной элиты яркий тому пример.

В поле массовой культуры экстраординарный компонент государственной политики развития отечественной авиации наиболее ярким образом проявился в кинематографе. Среди классических советских картин – «Истребители» (1939, реж. Э. Пенцлин), «Валерий Чкалов» (1941, реж. М. Калатозов), «Небесный тихоход» (1946, реж. С. Тимошенко), экранизация «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого 1946 г., в которой рассказывается о подвиге летчика Алексея Маресьева (одноименный фильм 1948, реж. А. Столпер); «Цель его жизни» (1958, реж. А. Рыбаков), «Балтийское небо» (1961, реж. В. Венгеров), «Им покоряется небо» (1963, реж. Т. Лиознова), авиационная кинокомедия «Беспокойное хозяйство» (1946, реж. М. Жаров); фильм, снятый по одноименной повести В. Кунина «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1967, реж. Н. Бирман), рассказывающий о фронтовой авиации в годы Великой Отечественной войны; фильм Леонида Быкова 1973 г. «В бой идут одни «старики»» о работе летчиков-истребителей; фильм 1981 г. «В небе «ночные ведьмы»» о буднях женского 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка¹, кинокартина «Торпедоносцы» (1983, реж. С. Аранович) и др. При этом подвиги пилотов в годы Великой Отечественной войны и по сей день остаются предметом интереса в российском кино (из относительно недавних картин можно отметить «Истребители» (сериал 2013, реж. А. Мурадов), «Девятаев» (2021, реж. Т. Бекмамбетов, С. Трофимов), «Летчик» (2012, реж. Р. Давлетьяров). Отметим, что художественные достоинства новых российских картин, их сценарные решения зачастую вызывают серьезные вопросы и острые дискуссии.

В 1951 г. было создано Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту СССР (ДОСААФ СССР) – наследник ОСОАВИАХИМа. Организация активно включилась в популяризацию авиации, в том числе через реализацию программ подготовки профильных кадров – в сфере авиамоделирования, обслуживания техники, парашютного спорта и

¹ Режиссер данного фильма Е. А. Жигуленко воевала в составе 46-го гвардейского авиаполка и была удостоена высшей награды – Золотой Звезды Героя Советского Союза.

др. Успехи советских инженеров, в том числе в авиакосмической сфере, дополнительно стимулировали интерес общества к профильным направлениям развития. Роль этой организации в развитии отечественного авиастроения и авиации в целом трудно переоценить. Достаточно вспомнить, что в разные годы послевоенного периода ДОСААФ СССР руководили такие прославленные военные специалисты, как А. И. Покрышкин и Д. Д. Лелюшенко, а с аэродромов клубов начинали свой путь в небо советские космонавты Ю. А. Гагарин, Г. Т. Береговой, В. Н. Быковский, В. В. Терешкова, А. А. Леонов и др.

Современный период. Для современной России характерна лишь некоторая преемственность развития авиастроительной отрасли с советского периода, что проявляется и на экстраординарном уровне. Ведущими механизмами популяризации отрасли выступают хорошо зарекомендовавшие себя в советский период инструменты: показательные выступления отечественных пилотажных групп на массовых мероприятиях; участие авиатехники в парадах к Дню Победы в ряде регионов; проведение выставок и экспозиций в музеях, посвященных авиационной тематике.

Усилия массовой культуры в плане привлечения общественного внимания к авиастроению в новейший период истории выглядят, конечно, иначе: сегодня уже нет такого размаха в фильмах, плакатах, песнях, популяризирующих эту сферу творчества. Дело не только в воз-

можностях творцов (художников, писателей, режиссеров и др.) создать привлекательные образы. Предположим, такие артефакты культуры могут быть сегодня созданы. Но призывы, подобные комсомольским акциям 1930-х гг., вряд ли найдут сегодня поддержку. В том числе и потому, что среди образов успеха и примеров, достойных подражания, в современном российском обществе практически нет авиаторов, конструкторов, испытателей. Не много и тех, кто серьезно был бы ориентирован на производственную сферу в целом, что требует довольно длительной профессиональной подготовки (как минимум – получения соответствующего высшего технического образования!) и не гарантирует успех.

Одним из широко используемых в мировой практике и реализованных в России средств поддержки и развития имиджа национальной авиации и авиастроения является организация масштабных и доступных к посещению широкому кругу лиц авиасалонов и авиашоу. Одной из целей проводимых, как правило, раз в два года мероприятий является презентация актуальных достижений сферы и организация продаж продукции авиапрома. Выставки длятся несколько дней, посещение части из которых доступно для представителей бизнес-сообщества, части – для всех желающих.

Как следует из статистики, публикуемой организаторами авиасалонов (данные взяты за 2018–2019 гг., предшествующие пандемии COVID-19) (таблица), мировым лидером по количеству посещений является Международный авиаци-

Ведущие мировые авиасалоны: общая информация и статистика посещения

Название авиасалона	Годы проведения	Частота проведения	Количество посетителей
Paris Air Show Le Bourget (Международный авиационно-космический салон Ле Бурже, Франция)	1908 – н.в.	Раз в 2 года	317 000 чел. (2019)
ILA Berlin Air Show (Международная авиа- и аэрокосмическая выставка в Берлине, Германия)	1909 – н.в.	Раз в 2 года	180 000 чел. (2018)
The Farnborough International Airshow (Авиасалон Фарнборо, Великобритания)	1948 – н.в.	Раз в 2 года	79 000 чел. (2018)
FIDAE (Международный авиационный и аэрокосмический салон, Чили)	1980 – н.в.	Раз в 2 года	120 000 чел. (2018)
Dubai Airshow (Международный авиационный салон, Дубай, ОАЭ)	1989 – н.в.	Раз в 2 года	84 000 чел. (2019)
Международный авиационно-космический салон «МАКС» (Россия)	1993 – н.в.	Раз в 2 года	579 000 чел. (2019)
Aero India (Международный авиационный и аэрокосмический салон, Индия)	1996 – н.в.	Раз в 2 года	140 000 чел. (2019)
Airshow China (Международная выставка-салон авиационной и аэрокосмической промышленности, Китай)	1996 – н.в.	Раз в 2 года	450 000 чел. (2018)

онно-космический салон «МАКС», который проводится раз в два года в г. Жуковском Московской области. Отечественная выставка по количеству посетителей превосходит аэрокосмические шоу в Китае, Франции, Германии, Индии, Чили, ОАЭ и Великобритании, что является свидетельством высокого интереса россиян к сфере авиации и авиастроения.

Несмотря на массовый характер проводимых мероприятий, безусловным недостатком экстрарационального блока реализации государственной политики в отрасли авиастроения на современном этапе является отсутствие системного подхода. Так, рассматриваемые мероприятия в меньшей степени задействуют поле массовой культуры: в советской литературе и кинематографе успехи отечественной авиации были представлены значительно шире. В данном контексте необходимо учитывать, что эффективное использование ресурсов массовой культуры имеет значимый потенциал для коррекции жизненных стратегий молодежи [7], что особенно важно для развития кадрового потенциала рассматриваемой сферы. По-видимому, необходимо искать возможности новых подходов к профориентационной работе еще в школе, используя наработки советского времени. В то же время слепое копирование советского опыта, который показал свою эффективность в иных социально-экономических условиях и был уникальной формой ответа на вызовы современности, не приведет к успеху. Нужна новая государственная стратегия, опирающаяся на научные исследования динамики общественного сознания, представляющая мотивы и устремления современной молодежи.

Определенные возможности развития интереса к авиации и авиастроению предлагаются Министерством обороны Российской Федерации: в числе прочей деятельности ведомство занимается организацией массовых мероприятий военной направленности, в том числе Международного военно-технического форума «АРМИЯ», Армейских международных игр, показательных выступлений авиационных групп высшего пилотажа и т.д. На базе ДОСААФ России (Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту России) на 2024 г. функционируют более 100 авиационных организаций и учреждений² [2]. Еще одним актором популяризации авиации является Всероссийское военно-патриотическое общественное

² Структура ДОСААФ России. URL: <https://www.dosaaf.ru/about/structure/> (дата обращения: 14.08.2024).

движение «Юнармия», реализующее совместные проекты с соответствующими структурами Армии России и Объединенной авиастроительной корпорации³ [3].

Таким образом, экстрарациональная составляющая государственной политики в отрасли авиастроения сопряжена, с одной стороны, с ценностными установками ведущих акторов политико-управленческого процесса, а с другой – со стремлением сохранить преемственность с лучшими достижениями советской науки и техники, что активно проявляется в общественном запросе. Здесь наблюдается заметное рассогласование: ориентиры формирования рыночной модели отечественного авиастроительства с высокой международной кооперацией уже не могут восприниматься как реалистичные в условиях жестких санкций, а способности воспроизвести советскую традицию развития авиации, основанную на идеологической мотивации, массовое вовлечение молодежи в военно-технические виды спорта и творчество в сложившейся модели социализации выглядят крайне сомнительно.

Несмотря на широкий спектр предпринимаемых акторами государственной политики мер по стимулированию интереса граждан России к сфере авиастроения, вовлечению представителей молодого поколения в потенциальный кадровый резерв предприятий рассматриваемой отрасли, данная работа представляется недостаточной. В арсенале инструментов повышения вовлеченности и осведомленности населения о развитии авиации и авиастроения в России практически полностью отсутствуют механизмы, связанные с использованием потенциала массовой культуры, что было характерно для советского периода. В данном контексте значимым является обращение к социокультурным основаниям развития авиастроения в России: факторам, ранее обеспечивавшим высокую поддержку отрасли со стороны населения, интерес и вовлеченность граждан в реализуемые в отрасли проекты и мероприятия. Задействование арсенала массовой культуры – литературы, кинематографа, музыки, видеоигр – может повысить интерес молодых людей к отрасли авиации и авиастроения, позитивно скажется на развитии кадрового потенциала сферы.

³ ОАК и военно-патриотическое движение «Юнармия» заключили Соглашение о сотрудничестве. URL: <https://uacrussia.ru/ru/DDoS01/70e73dd0/press-center/news/oak-i-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie-yunarmiyazaklyuchili-soglashenie-sotrudnichestve> (дата обращения: 14.08.2024).

Список литературы

1. Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2017. 496 с.
2. Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (I) // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 159–170. <https://doi.org/10.17976/jrps/2003.01.14>
3. Якунин В. И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 365 с.
4. Якунин В. И. Роль инфраструктурных проектов в современной государственной политике // Политическая наука. 2017. Спецвып. С. 15–40.
5. Фрайман А. Л. Владимир Ильич Ленин и создание советской авиации // Гражданская авиация. 1962. № 4. С. 3–11.
6. Трофимов А. Молодежь, на самолет! URL: <https://histrf.ru/read/articles/molodezh-na-samolet> (дата обращения: 17.08.2024).
7. Белов С. И., Кузнецов И. И. Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 196–200. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-196-200>, EDN: ANQMKR

Поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 451–458

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 451–458

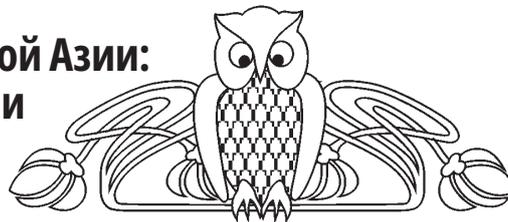
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

Научная статья

УДК [321+342],(328+342.53)

Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем

А. В. Абрамов¹✉, Р. А. Алексеев^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

Абрамов Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Алексеев Роман Андреевич, кандидат политических наук, ¹доцент кафедры государственной политики; ²доцент кафедры политологии, Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ процессов и результатов формирования политических систем четырех постсоветских государств Центральной Азии: Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана. На основании распределения полномочий в треугольнике институтов высшей государственной власти: президент – парламент – правительство, определен тип политической системы всех четырех стран – электоральная автократия. Ее признаками являются сильная власть лидера-президента, зачастую сопровождающаяся установлением в обществе его культа личности, имитационный характер выборов и многопартийности, а также подчиненный тип парламента. Отличием политических систем друг от друга являются форма правления (президентализм в Таджикистане и Туркменистане, смешанная республика в Казахстане и Узбекистане) и предпринятые способы транзита высшей государственной власти: а) приход к власти представителя национальной элиты после смерти правителя (Туркменистан, 2006 г. и Узбекистан, 2016 г.); б) добровольная отставка президента и передача власти преемнику (Казахстан, 2019 г.); в) добровольная отставка главы государства и переход президентского кресла наследнику (Туркменистан, 2022 г.). Сила и уязвимость рассмотренных политических систем служат основанием для прогнозирования развития ситуации в постсоветских странах Центральной Азии и оценки сценариев с точки зрения национальных интересов России.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, постсоветские государства, постсоветские политические системы, электоральная автократия, политические институты, форма правления, президентализм, смешанная республика

Для цитирования: Абрамов А. В., Алексеев Р. А. Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Post-soviet states of Central Asia: A comparative analysis of political systems' transformation

А. В. Абрамов¹✉, Р. А. Алексеев^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University, GCP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Andrei V. Abramov, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Roman A. Alekseev, Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Abstract. The article contains a comparative analysis of processes and results of formation of political systems of four post-Soviet states of Central Asia: Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan and Uzbekistan. Based on the distribution of powers in the triangle of institutions of supreme state power: president – parliament – government, the type of political system of all four countries – electoral autocracy – is determined. Its features are the strong power of the leader-president, often accompanied by the establishment of his personality cult in the society, imitation nature of elections and multiparty system, as well as the subordinate type of parliament. What distinguishes political systems from each other are the form of government (presidentialism in Tajikistan and Turkmenistan, mixed republic in Kazakhstan and Uzbekistan) and methods of transit of supreme state power: a) accession to power of a representative of the national elite after the death of the ruler (Turkmenistan, 2006 and Uzbekistan, 2016); b) voluntary resignation of the president and transfer of power to a successor (Kazakhstan, 2019); c) voluntary

resignation of the head of state and transfer of the presidential seat to a heir (Turkmenistan, 2022). The strength and vulnerability of the considered political systems serve as a basis for forecasting the development of the situation in the post-Soviet countries of Central Asia and assessing scenarios from the point of view of Russia's national interests.

Keywords: Central Asia, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Uzbekistan, post-Soviet states, post-Soviet political systems, electoral autocracy, political institutions, form of government, presidentialism, mixed republic

For citation: Abramov A. V., Alekseev R. A. Post-soviet states of Central Asia: A comparative analysis of political systems' transformation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 451–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В контексте современной геополитической турбулентности и санкционного давления со стороны Запада особое значение для России приобретают отношения с государствами Центральной Азии: Таджикистаном, Туркменистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Объединенные общей судьбой с Россией (сначала в составе Российской империи, а затем – Советского Союза), эти государства и сегодня являются приоритетными экономическими и политическими партнерами для нашей Родины. Очевидно, что именно продолжающееся добрососедство и сотрудничество становятся раздражающим фактором для коллективного Запада, стремящегося путем уговоров и угроз либо «оторвать» страны Центральной Азии от России, либо сделать их очагами нестабильности, создающими проблемы для нашей страны.

Одним из действенных средств реализации указанных планов выступает политический шантаж в форме заявлений западных политиков и общественных деятелей о недостаточной демократичности стран Центральной Азии и необходимости немедленного осуществления либерализации их политических систем [1; 2, с. 23–26]. Плоды такой модернизации можно наблюдать в Киргизии, ставшей чемпионом постсоветского пространства по числу «цветных революций». Нежелание повторения ее судьбы, а также другие обстоятельства во многом обусловили конституционные реформы последних лет в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане.

Целью настоящей статьи является установление специфики политического устройства стран Центральной Азии на примере распределения власти в треугольнике высших государственных институтов: президент – парламент – правительство. Выбрав в качестве инструмента исследования метод сравнения наиболее похожих стран, авторы сконцентрировали внимание на Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане, а также исключили из рассмотрения Кыргызстан, где, по нашему мнению, политический процесс развивается совершенно иначе.

Выявление специфики политических систем четырех названных государств Центральной Азии важно в связи с необходимостью выстраивания руководством России долговременных и прочных международных отношений с Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Очевидно, что осуществление Российской Федерацией продуманной внешней политики невозможно без понимания сущности политических систем этих стран, без оценки их политической и экономической устойчивости, без выяснения их надежности как партнеров.

Выводы, предлагаемые авторами, неизбежно будут носить промежуточный характер в силу незавершенности процесса поиска странами Центральной Азии оптимальной формы политической организации. Тем не менее практическая значимость проведенного исследования, позволяющего, хотя бы в самых общих чертах, установить степень устойчивости анализируемых политических систем, несомненна.

Началом генезиса политических систем Центральной Азии следует считать позднесоветский период, когда во всех союзных республиках происходила трансформация политических систем. Падение авторитета, а затем и утрата Коммунистической партией СССР юридического статуса «ядра политической системы» влекло серьезные институциональные изменения [3, с. 23–28]. В республиках учреждались посты президентов; Верховные советы из представительных структур превращались в законодательные органы; формировались оппозиция и многопартийность.

В странах Центральной Азии советской партийно-государственной номенклатуре удалось сохранить государственную власть в своих руках. Слабость демократической и националистической оппозиций способствовала беспроblemному пересаживанию глав компартий союзных республик из партийных кресел в президентские.

В 1990 г. Верховные Советы Узбекской, Казахской и Туркменской ССР избрали президентами первых секретарей ЦК республик И. А. Каримова, Н. А. Назарбаева и С. А. Ниязова. Несколько иначе события развивались в Таджикистане, где межклановая борьба привела к настоящей гражданской войне. Прологом ее стала отставка Президента Таджикской ССР и одновременно первого секретаря Компартии республики К. М. Махкамова, которого сменил другой представитель партийной элиты – Р. Н. Набиев, но и он не сумел удержать власть в стране. Началась ожесточенная борьба кланов, проходившая под флагом противостояния исламистов и сторонников светского государства. Победителем в гражданской войне стал еще один представитель номенклатуры Э. Ш. Рахмонов (Рахмон), избранный в ноябре 1994 г. новым президентом Таджикистана. Спустя три года в стране установился хрупкий мир, залогом которого стало распределение между кланами государственно-административных должностей [4, с. 56–58].

В условиях слабости политических институтов и отсутствия правовых традиций основой формирования политий независимых государств Центральной Азии стала фигура президента. Его личные и деловые качества предопределили облик политических систем.

Юридическое оформление постсоветской политической системы **Туркменистана** произошло весной 1992 г., когда в стране была принята Конституция. Ее отличительной чертой стало провозглашение непреложности и неизменности президентализма – значительной роли главы государства, являющегося одновременно и председателем кабинета министров¹.

Особая значимость президента была подчеркнута конституционными преобразованиями 1999 г., в ходе которых Ниязова как первого главу Туркменистана наделили правом занимать высший государственный пост без ограничения срока. Постепенно в стране сложился настоящий культ личности первого президента, провозглашенного Туркменбаши (Отцом туркменского народа) [5, с. 79].

Другой специфической чертой туркменской политической системы стала однопартийность. На протяжении многих электоральных циклов (1994, 1999, 2004, 2008 гг.) участие в

парламентских выборах принимала лишь одна партия – созданная в 1991 г. и возглавляемая Ниязовым правопреемница компартии – Демократическая партия Туркмении [6, с. 180].

Облик классической восточной деспотии стал немного меняться после смерти Ниязова в 2006 г. Пришедший ему на смену заместитель председателя кабинета министров Г. М. Бердымухамедов при отсутствии серьезной конкуренции дважды был избран на пост президента: в 2007 и 2012 гг. [7, с. 22–23]. Но не действовавшая ранее конституционная норма о запрете занимать высший пост в Туркменистане более чем два 5-летних срока заставила Бердымухамедова пойти на юридические ухищрения. Благодаря конституционным поправкам 2016 г. срок президентских полномочий был продлен с 5 до 7 лет, что означало «обнуление» предыдущих периодов и возможность нового избрания, что и состоялось в 2017 г. [5, с. 79].

Президентство Бердымухамедова ознаменовалось изменениями в партийной системе страны. Накануне парламентских выборов 2013 г. руководством Туркменистана было принято решение о проведении альтернативного голосования. Впервые за весь постсоветский период состав туркменского парламента (Меджлиса) оказался столь же лояльным президенту, как и ранее, но уже не однопартийным [6, с. 180]. Неизменно подчиненный характер самого парламента проявлялся, в частности, в том, что облик законодательной власти неоднократно менялся исходя из нужд текущего момента. Сначала парламента был однопалатным, затем двухпалатным и наконец опять однопалатным.

В 2022 г. Бердымухамедов заявил о своей отставке и назначении преемником сына Сердара. Последний без труда одержал победу на досрочных президентских выборах. Бердымухамедов-старший между тем переместился в кресло главы Народного совета (Халк Маслахаты), преобразованного из верхней палаты парламента в самостоятельный орган власти [7, 8].

Несмотря на некоторые изменения, произошедшие после смерти Туркменбаши, политическая система Туркменистана по-прежнему характеризуется слабостью политических институтов и строится вокруг личности президента. Сочетание передачи власти по наследству с ритуальным соблюдением демократических процедур позволяет охарактеризовать Туркменистан как электоральную автократию.

В **Таджикистане** референдум о принятии первой постсоветской конституции происхо-

¹ Конституция Туркменистана (с изм. и доп. от 21.01.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337929&pos=241;-56#pos=241;-56 (дата обращения: 10.04.2024).

дил в 1994 г., в условиях острой межклановой борьбы, вылившийся в гражданскую войну. Так же как и в Туркменистане, согласно Основному закону, в Таджикистане был установлен президентализм – система, где власть главы государства и правительства концентрируется в одних руках².

Несмотря на конституционную норму о запрете одному лицу занимать президентский пост более двух сроков подряд, нынешний глава Таджикистана Рахмон, избранный впервые в 1994 г. и переизбранный в 1999 г., продолжает до сих пор находиться у власти. В 2003 г. срок полномочий главы государства был увеличен с 5 до 7 лет, что дало ему возможность «обнулить» все свои предыдущие властные периоды и избираться заново в 2006 и 2013 гг. Затем в 2016 г. конституционная поправка отменила запрет на ограничение сроков пребывания у власти в отношении провозглашенного Основателем мира и национального единства Рахмона. Введенные поправки к Основному закону позволили президенту вновь занять президентское кресло в 2020 г. [5, с. 80].

В отличие от Туркменистана, парламент Таджикистана никогда не был монолитным. Даже результаты выборов 1995 г., проходивших в условиях гражданской войны и проигнорированных вооруженной оппозицией, демонстрировали фрагментированность политического пространства. Заключение мирного договора и последовавшее за этим усиление власти Рахмона привели к прогрессу так называемой партии власти – Народно-демократической партии Таджикистана, постепенно занявшей доминирующее положение в нижней палате двухпалатного парламента [9, с. 3–8].

Контроль президента над парламентом и правительством, а также бессменность нахождения у руля государства делают власть президента Рахмона подобной той, что установилась в Туркменистане. По мнению некоторых экспертов, даже транзит власти – передача поста президента Таджикистана сыну Рустаму, занявшему пост главы верхней палаты парламента, – может быть реализован по туркменскому сценарию [10].

Определенную специфику имело государственное строительство в **Узбекистане**. Здесь, в соответствии с принятой зимой 1992 г. первой постсоветской Конституцией, сложилась мо-

дель, которую по формальным признакам можно отнести к смешанной республике. Несмотря на значительные полномочия президента, в стране, тем не менее, имеется премьер-министр и правительство как самостоятельные властные институты³.

Облик узбекской политической системы предопределил первый президент страны И. А. Каримов. В условиях слабости политических институтов он дважды проводил референдумы с целью продления собственных полномочий. Благодаря первому, прошедшему весной 1995 г., период нахождения в кресле главы государства был продлен до 2000 г. Второй плебисцит (2002 г.) увеличил президентский срок с 5 до 7 лет, что позволило Каримову вновь переизбраться на очередных президентских выборах, состоявшихся в 2007 г. Аргументом в пользу очередного переизбрания стало то, что выборы на семилетний срок происходили только единожды (в 2000 г.), поэтому президент может переизбраться еще раз в связи с обновленным текстом Конституции Узбекистана [5, с. 77–78].

В 2015 г. Каримов снова участвовал в выборах и снова одержал победу. Легитимируя произошедшее, ЦИК страны объяснял, что с момента принятия поправок в Конституцию Узбекистана в 2002 г. Каримов пребывал в должности главы государства лишь один срок (2007–2014 гг.) и два предыдущих периода учитываться не могут, поскольку действовала старая редакция Конституции. В общей сложности Каримов занимал высший государственный пост в стране четыре срока подряд, вплоть до внезапной смерти в 2016 г. [11, с. 103].

Одним из инструментов влияния президента являлся кабинет министров во главе с премьер-министром, кандидатуру которого выдвигал глава государства и утверждал парламент Узбекистана. Формально глава правительства нес двойную ответственность перед президентом и парламентом, однако отправлять в отставку правительство мог лишь глава Узбекистана.

Эволюцию от Верховного Совета к двухпалатному парламенту – Олий Мажлису – проделала в Узбекистане высшая законодательная власть. Согласно Конституции, обе палаты парламента (сенат и законодательная палата) формировались сроком на 5 лет. Нижняя палата –

² Конституция Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 21.05.2024).

³ Конституция Республики Узбекистан принята 08.12.1992 г. на одиннадцатой сессии Верховного совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва. URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения: 11.05.2024).

путем прямых выборов, верхняя – частично способом делегирования от представительных органов власти территориальных образований страны, частично путем назначения президентом (16 сенаторов). Доминирование президента над парламентом проявлялось, в частности, в том, что глава Узбекистана имел право роспуска обеих палат (при наличии положительного заключения Конституционного суда Узбекистана и в случае возникновения противоречий между палатами, которые могут привести к угрозе нормального функционирования высшего представительного органа власти)⁴.

Последнее оказалось невозможным, поскольку главенствующее положение в парламенте заняли лояльные президенту депутаты и представители так называемой партии власти, в качестве которой в 1990-х гг. выступала Народно-демократическая партия Узбекистана, а с 2003 г. – Либерально-демократическая. В ходе всех парламентских выборов (1994, 1999, 2004–2005, 2009–2010, 2014–2015 гг.) президент Каримов имел в обеих палатах Олий Мажлиса большинство [12, с. 77–80].

Неожиданная смерть И. А. Каримова в 2016 г. привела к иному, чем в рассмотренных выше странах, сценарию обретения президентского кресла. Преемником Каримова стала не его дочь Гульнара (в последние годы жизни отца она была скомпрометирована и впоследствии оказалась под арестом), а премьер-министр Ш. М. Мирзиёев, избранный и вновь в 2021 г. переизбранный на высший пост в государстве [13, с. 304–305].

Новый глава Узбекистана заявил о необходимости обновления политической системы страны. В апреле 2023 г. одобренный парламентом закон о новой редакции Конституции был вынесен на референдум и получил поддержку 90,2% граждан. В Конституцию было внесено 27 новых статей, а ее текст обновился практически на 65%⁵.

Среди значимых новаций стоит отметить сокращение численности сенаторов (со 100 до 65), введение запрета смертной казни, создание системы парламентского контроля за исполнением госбюджета и деятельности счетной палаты и др.

Однако самым значимым изменением стала норма об увеличении сроков президентских

полномочий с 5 до 7 лет (предыдущая поправка в Основной закон страны об их сокращении с 7 до 5 лет принималась еще в правление Каримова в 2011 г). Таким образом, как и в случае с предшественником, перед Мирзиёевым возникла перспектива вновь дважды переизбраться после окончания своих полномочий [14, с. 587–589]. Способом «подсластить пилюлю» большому кругу лиц, занимающих ключевые посты в государственных структурах (спикеры обеих палат парламента, председатель Верховного суда, Генеральный прокурор, председатель ЦИК и др.), стала такая же, как и у президента, возможность переизбрания без учета числа предыдущих сроков нахождения у власти.

Проведенная Мирзиёевым некоторая либерализация политической системы Узбекистана не изменила ее сути. Несмотря на дистанцирование президента от партии власти, расширение многопартийности и увеличение функций парламента, легислатура по-прежнему является несамостоятельным центром силы, но так же, как и правительство, выступает проводником воли главы государства. Таким образом, парламентаризм, многопартийность, выборы и другие атрибуты демократии являются лишь данью появившейся в 1990-е гг. конституционной моде. Как и рассмотренные выше политические системы, узбекская модель может быть определена как электоральная автократия.

Более сложно и противоречиво складывалась политическая система в **Казахстане**. Преимущество президента Н. А. Назарбаева было поначалу вовсе неочевидно. Согласно первой постсоветской Конституции, принятой в 1993 г. на сессии Верховного Совета, в стране устанавливалась парламентская система, что вызвало противодействие президента. В 1993 г. оппозиционный Назарбаеву парламент был распущен. Такая же судьба постигла и новый его состав, прекративший существование в 1995 г. одновременно с проведением референдума о проекте новой Конституции Казахстана. Президентский вариант Основного закона был поддержан населением страны и действует до сих пор (с учетом многочисленных поправок 1998, 2007, 2011, 2017, 2019, 2022 гг.)⁶.

Укрепление позиций главы государства происходило в Казахстане постепенно и волнообразно. После распада СССР Назарбаев изби-

⁴ Конституция Республики Узбекистан.

⁵ В Узбекистане вступила в силу обновленная конституция // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230501/konstitutsiya-1868997272.html> (дата обращения: 14.05.2024).

⁶ Конституция Казахстана принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 (дата обращения: 11.05.2024).

рался президентом неоднократно: в 1991 г. (срок полномочий продлен в 1995 г. на референдуме до 2000 г.), в 1999 г. (проведение внеочередных президентских выборов), в 2005, 2011 гг. и на досрочных выборах 2015 гг. Менялись и сроки нахождения президента в должности. В 1998 г. они были увеличены с 5 до 7 лет, однако уже в 2007 г. была восстановлена прежняя практика в сочетании с закреплением за президентом Назарбаевым статуса Первого президента с правом неограниченного переизбрания [15, с. 9].

Постоянные изменения происходили и с полномочиями высших органов законодательной и исполнительной власти. Конституция 1995 г. учреждала вместо Верховного Совета двухпалатный парламент (верхняя палата Сенат, нижняя – Мажилис) и возглавляемое председателем правительство, несущее ответственность перед президентом и парламентом. Поправки в Основной закон 1998 г. продлевали полномочия обеих палат казахстанского парламента (для Сената с 4 до 6 лет, а для Мажилиса до 5 лет) и увеличили численность депутатского корпуса нижней палаты до 77 парламентариев⁷.

Усилили позиции президента конституционные поправки 2007 г. Численность депутатского корпуса Мажилиса увеличивалась до 170 парламентариев одновременно с президентской квотой при назначении сенаторов: с 7 до 15. Серьезными рычагом влияния стала разработка механизма по отстранению от должности депутатов. Конституционные поправки ограничили и перечень вопросов, по которым парламент мог влиять на правительство [16, с. 77].

Еще одним из способов доминирования президента в законодательной сфере стало создание в 1999 г. партии власти, в роли которой выступила Республиканская политическая партия «Отан» (с 2006 по 2022 г. – «Нур Отан» – Сияющее Отечество). Звездным часом партии власти стали парламентские выборы 2007 г., когда «Нур Отан» оказалась единственной силой, преодолевшей заградительный барьер и получившей все депутатские кресла в Мажилисе.

Сверхвласть президента была немного ослаблена новыми конституционными поправками 2011 и 2017 гг. Назарбаев уже в статусе бессменного Елбасы – Лидера нации, хотя и сохранял право на формирование кабинета министров, но должен был консультироваться по кандидатуре главы правительства с законодательством

рой. Президент также отказывался от права на издание указов, равных по силе законам, и от отмены правительственных нормативных актов [15, с. 9].

В 2017 г. Сенат получил возможность назначения и освобождения от должности омбудсмена. В ходе конституционных преобразований парламенту было возвращено ранее изъятое у него право по контролю за деятельностью правительства. Сам же высший орган исполнительной власти наделили полномочием, ранее принадлежащим только президенту, – возможностью утверждать госпрограммы и систему финансирования органов власти [17, с. 143–149]. Ритуальной уступкой парламенту стало сложение полномочий правительством перед новым составом Мажилиса, а не перед вновь избранным главой государства.

В общем и целом, несмотря на некоторые уступки, сделанные парламенту и правительству главой государства, все нити государственного управления продолжали оставаться в руках Назарбаева. Тем удивительней было состоявшееся весной 2019 г. решение последнего о добровольном сложении с себя полномочия. Исполняющим обязанности главы государства стал спикер Сената К.-Ж. Токаев, которого в 2019 г. избирали, а в 2022 г. переизбрали президентом страны.

Токаев продолжил серию конституционных реформ, направленных на делегирование части президентской власти парламенту и правительству. В 2022 г. численность Мажилиса была сокращена с 107 до 98 депутатов, а также ликвидированы квоты, по которым Ассамблея народа Казахстана назначала депутатов Мажилиса, а глава государства – сенаторов. В ходе выборов Мажилиса был снижен (с 7 до 5%) и заградительный порог для прохождения в палату партий.

Сам Токаев принял решение о партийной нейтральности и передал руководство партией власти (переименованной в «Аманат») спикеру Мажилиса Е. Кошанову. Указанное обстоятельство, впрочем, не сделало партию оппозиционной и не помешало «Аманату» одержать уверенную победу на внеочередных парламентских выборах в 2023 г., заручившись поддержкой более половины избирателей [18, с. 27–28].

Значимыми для укрепления влияния Токаева стали кадровые перемены в высших органах власти, состоявшиеся после беспорядков в январе 2022 г. С ключевых постов были удалены люди клана Назарбаева, а сам первый президент утратил свой привилегированный статус [19, с. 116–118].

⁷ Конституция Казахстана принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г.

Таким образом, как и в случае с Узбекистаном, приход к власти нового главы государства ознаменовался либерализацией политической системы, но не изменил ее сущности. Несмотря на наличие и даже увеличение внешних атрибутов либеральной демократии, концентрация полномочий в руках главы государства, значительное влияние президента на парламент и правительство позволяют по-прежнему считать казахстанскую политическую систему электоральной автократией.

Подводя итоги сравнительного исследования политических систем Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, можно отметить нечто общее для всех четырех стран: формирование в указанных государствах электоральной автократии.

Ее важнейшим признаком является, прежде всего, сосредоточение власти в руках лидера-президента, индивидуальные черты и качества которого определяют как облик всей политической системы вообще, так и конкретный курс развития страны в частности. Прямым следствием концентрации власти в руках президента становится формирование культа его личности, выражающегося в громком и помпезном титуловании центральноазиатского политика (Туркменбаши, Елбасы, Основатель мира и национального единства).

За исключением президента, политические и государственные институты – выборы, многопартийность, парламентаризм – носят имитационный характер. Высшие органы государственной власти являются несамостоятельными и полностью зависят от лидера, занимающего должность президента. Особенно это заметно на примере выборов главы государства, которые часто переносятся или заменяются конституционными референдумами о продлении властных полномочий. По воле президента меняются численность и структура парламентов.

Для партийных систем Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана характерно существование так называемые партии власти, объединяющей лояльных президенту чиновников и общественных деятелей для реализации воли своего лидера в стенах парламента. Отсутствие или слабость оппозиции делает ее роль в политическом процессе незначимой. Впрочем, и сам характер критики главы государства зачастую обусловлен не столько притворенностью его противников иным идеологиям, сколько принадлежностью к иным клановым или этническим сообществам [20].

Некоторое различие сравниваемых систем заключается в установившейся в них форме государственного правления, маркером которой является наличие или отсутствие фигуры премьер-министра. Если Таджикистан и Туркменистан могут быть охарактеризованы как президентальные системы, где лидер совмещает исполнение обязанностей главы государства и правительства, то Казахстан и Узбекистан более напоминают смешанные республики, где правительство во главе с его председателем формально отделено от руководителя страны и несет двойную (перед президентом и парламентом) ответственность. Думается, что такое дистанцирование от правительства предоставляет президентам Казахстана и Узбекистана большую свободу действий: в случае народного недовольства проводимой политикой они всегда могут обвинить в неудачах высший орган исполнительной власти и отправить его в отставку.

Другим различием политических систем Центральной Азии являются сценарии транзита высшей государственной власти. В рассмотренных электоральных автократиях (за исключением Таджикистана, где лидер пока не сменился) траектории передачи власти зависят от двух факторов: во-первых, является ли такая передача внезапной (смерть лидера) или заранее подготовленной (операция «преемник»), а во-вторых, передается ли высший пост сыну или дочери (наследование) либо другому представителю высшей государственной элиты. На сегодняшний день мы имеем следующие комбинации указанных факторов: смерть правителя и приход к власти представителя национальной элиты (Туркменистан, 2006 г. и Узбекистан, 2016 г.), добровольная отставка и передача власти преемнику (Казахстан, 2019 г.), добровольная отставка и переход президентского кресла наследнику (Туркменистан, 2022 г.). Однако при любом развитии событий новый лидер, пришедший к власти, организует выборы, где ритуально получает абсолютное большинство голосов и тем самым легитимизирует свое положение.

Характеризуя указанные системы в целом, следует отметить их институциональную слабость и персоналистский характер. С точки зрения интересов России такое сочетание чревато рядом опасных последствий: во-первых, невозможностью выстраивания долговременной внешнеполитической стратегии в силу непредсказуемости транзита власти; во-вторых, уязви-

мостью центральноазиатских систем перед политикой Запада, который может дестабилизировать ситуацию в данных странах под флагом поддержки справедливой борьбы демократической оппозиции с антинародной диктатурой. Пока противопоставить этому Россия может только личные отношения президента страны с лидерами стран Центральной Азии.

Список литературы

1. Егоров В. Г., Штоль В. В. Актуальные тренды внешнеполитической стратегии стран СНГ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 115–137. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-2-1445>
2. Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>, EDN: YFJLAD
3. Багдасарян В. Э. СССР: что и почему не получилось? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 3. С. 1–29
4. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 54–64. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
5. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 73–86. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-73-86>
6. Кузьмин П. В. Политические системы постсоветских государств. М. : ИНФРА-М, 2021. 208 с.
7. Притчин С. А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 7–42. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>
8. Потапова Е. Ю. Туркменистан: сын продолжает политику отца // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 160–177. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-160-177>, EDN: ZPSPOL
9. Хадыров Р. Ю. Структура политического пространства Таджикистана: партийное измерение // Право и политика. 2023. № 1. С. 1–9. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.1.39683>, EDN: FMBORI
10. Иванова Г. Дело семейное. Как отношения с детьми расшатывают и укрепляют политические режимы в Средней Азии // Лента.ru : [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/09/dela_tranzitnie/ (дата обращения: 27.04.2024).
11. Космаенко Д. Особенности формирования и развития политической системы современного Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11. С. 101–106.
12. Кулешова Н. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2014. № 12. С. 75–81
13. Рагимова П. Ф. Республика Узбекистан: история и современность: краткий очерк // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2021. Вып 4. Узбекистановедение. С. 290–315
14. Борисов Н. А. Парадоксы конституционных трансформаций и политический процесс в Беларуси и Узбекистане: имеют ли значение формальные институты? // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 580–598. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>
15. Прокофьев В. Н. Конституционно-правовой статус Президента Республики Казахстан // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 7–12. EDN: ZXJFAR
16. Толеубеков А. Т. Основные этапы и характерные черты становления и развития парламентаризма в Казахстане // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 76–80. EDN: YZKQEH
17. Хабриева Т. Я., Андриченко А. В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 142–150. https://doi.org/10.12737/article_593fc343e09a66.75343728
18. Гуселетов Б. П. Президентские и парламентские выборы в Казахстане: итоги и последствия // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-3-24-40>
19. Кривенко Г. И. Январские протесты 2022 г. в Казахстане // История и современность. 2023. № 1. С. 107–123. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.05>
20. Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 36–47. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1029>

Поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-459-466>, EDN: OPYTDB

Научная статья

УДК 325.2.001.1(325.14)

Государственная миграционная политика стран ЭКОВАС: основные направления и тенденции

А. А. Коробов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Коробов Андрей Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, aakorobov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>

Аннотация. В статье исследуются базовые подходы к государственной миграционной политике стран-членов Экономического сообщества западноафриканских государств. Интерес к данному вопросу обусловлен потребностью современной политической науки в поиске новых и совершенствовании существующих средств, способов и технологий регулирования миграционных потоков населения. Модели управления миграцией населения на пространстве Западной Африки представляют собой сложносоставные и многоуровневые государственные политико-правовые механизмы, изучение функционирования которых позволяет произвести оценку эффективности этих моделей. Исходя из этого, в статье решается задача по выявлению ключевых направлений формирования государственной миграционной политики стран ЭКОВАС и их обоснованию. Рассматриваются факторы, определяющие направления и тенденции миграционной политики, основные формы ее реализации в современных условиях. Акцент делается на раскрытии политико-институциональной и идеологической составляющих государственной миграционной политики стран ЭКОВАС. Определяется роль субрегиональных и региональных институтов в процессе государственного регулирования миграции населения.

Ключевые слова: миграционное пространство, Западная Африка, ЭКОВАС, управление миграционными процессами, государственная миграционная политика

Для цитирования: Коробов А. А. Государственная миграционная политика стран ЭКОВАС: основные направления и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-459-466>, EDN: OPYTDB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State migration policy of ECOWAS countries: Main directions and trends

A. A. Korobov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey A. Korobov, aakorobov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>

Abstract. The article examines basic approaches to state migration policy of the Economic Community of West African States' members. Interest in this issue is due to the need of modern political science to find new and improve existing means, methods and technologies for regulating migration flows of the population. Models for managing population migration in West Africa are complex and multi-level state political and legal mechanisms, the study of the functioning of which allows us to assess the effectiveness of these models. Based on this, the article solves the problem of identifying the key directions in the formation of state migration policy in the ECOWAS countries and their justification. The factors determining directions and trends of migration policy and main forms of its implementation in modern conditions are considered. The emphasis is on revealing political-institutional and ideological components of the state migration policy of the ECOWAS countries. The role of subregional and regional institutions in the process of state regulation of population migration is determined.

Keywords: migration space, West Africa, ECOWAS, management of migration processes, state migration policy

For citation: Korobov A. A. State migration policy of ECOWAS countries: Main directions and trends. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-459-466>, EDN: OPYTDB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные миграционные процессы, охватившие практически все страны на пяти континентах, наглядно демонстрируют свой спонтанный, стихийный характер, низкий уровень управляемости и непредсказуемость последствий. При таких условиях государственная миграционная политика, являясь отражением одновременно и реализации социально-экономической потребности общества, и обеспечения национальной безопасности государства, вынуждена искать нетривиальные подходы к регулированию всех видов и форм миграции населения: внутренней, внешней, транзитной. В данном ракурсе большую актуальность и практическую значимость приобретают научные исследования зарубежных практик государственного регулирования миграцией, сочетающих в себе формальные и неформальные общественно-политические институты, стандартные и нестандартные способы. Обращение к опыту управления и контроля над миграционной ситуацией в странах Западной Африки выглядит вполне оправданным в силу специфики характера миграционных потоков, их пронизывающих, и наличия сложносоставной системы регулирования миграции населения, объединяющей органы власти западноафриканских государств и политико-правовые механизмы региональных межгосударственных структур.

К проблеме государственного регулирования миграции населения на территории стран Западной Африки современные исследователи подходят с разных ракурсов и позиций. Изучают в «общеафриканском» контексте [1], на субрегиональном уровне [2], в рамках функционирования региональных межгосударственных организаций интеграционного типа [3, 4], а также на примерах отдельно взятых государств [5]. При этом основное внимание уделяют правовому и международно-правовому механизму регулирования миграционных процессов и отношений. А политико-институциональная, коммуникативная, идеологическая сторона вопроса рассматривается весьма ограничено, фрагментарно, что в конечном счете приводит к нарушению целостности в восприятии основ западноафриканской модели межведомственного и межгосударственного регионального взаимодействия в национальных системах государственного управления и контроля над миграцией населения и весьма существенно сужает возможность использования данного опыта в других регионах мира. Эти обстоятельства обуславливают постановку исследовательской

цели в настоящей статье – выявить ключевые направления и тенденции современной государственной миграционной политики стран ЭКОВАС в политико-институциональном и идеологическом аспекте.

Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) возникло в 1975 г. в результате подписания Лагосского договора¹. Состав сообщества на протяжении всего периода своего существования незначительно менялся и к февралю 2024 г. представлял собой двенадцать стран Африканского континента и остров Зеленого Мыса: Бенин, Гамбию, Гану, Гвинею, Гвинею-Бисау, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Либерию, Нигерию, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того. Статус ассоциированного члена ЭКОВАС с 27 октября 2017 г. имеет Мавритания. На сегодняшний день совокупная территория стран сообщества представляет собой географическое пространство с интенсивно увеличивающейся численностью населения (табл. 1) и активно протекающими разнонаправленными миграционными потоками. Для примера: самая крупная страна сообщества Нигерия постоянно принимает иммиграционные потоки из Ганы, Мали, Нигера, Того, Чада, а генерирует основные эмиграционные потоки в ЮАР и страны ЕС (за пределы материка); Кот-д'Ивуар принимает на своей территории иммигрантов из Буркина-Фасо, Гвинеи, Либерии, Мали, Сенегала, а основной эмиграционный поток из страны направлен в Гану [7, с. 15]. Наиболее масштабные перемещения людей осуществляются между странами внутри ЭКОВАС, менее масштабные – между странами сообщества и другими африканскими государствами (т.е. в пределах континента) и лишь самые малочисленные, в относительном выражении, эмиграционные потоки направлены за пределы Африканского континента, преимущественно в ЕС. Из двенадцати стран ЭКОВАС только Гана, Нигерия и Сенегал устойчиво генерируют эмиграцию в Европу [7, с. 14–15].

На 2020 г. количество мигрантов в странах ЭКОВАС было, по данным ООН, распределено следующим образом (табл. 2). Доля эмигрантов по отношению к общей численности населения превышала аналогичную долю иммигрантов во всех странах сообщества, за исключением Кот-д'Ивуара. Причем наиболее сильный дисбаланс в сторону эмиграции зафиксирован в Республи-

¹ Treaty of the Economic Community of West African States (ECOWAS), Lagos, 28.05.1975 // United Nations. Treaty Series. 1976. Vol. 1010. I-14843.

Таблица 1

Динамика численности населения государств-членов ЭКОВАС в количественном составе на 01.02.2024, млн чел.

Государство	2005	2010	2015	2020	2022
Бенин	8,0	9,2	10,6	12,1	12,8
Гамбия	1,5	1,8	2,1	2,4	2,6
Гана	21,8	24,8	27,8	31,1	32,5
Гвинея	9,1	10,2	11,4	13,1	13,9
Гвинея-Бисау	1,3	1,5	1,7	2,0	2,1
Кабо-Верде	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6
Кот-д'Ивуар	18,4	20,5	23,2	26,4	27,8
Либерия	3,2	3,9	4,5	5,1	5,3
Нигерия	138,8	158,5	181,1	206,2	217,4
Сенегал	11,1	12,7	14,6	16,7	17,6
Сьерра-Леоне	5,6	6,4	7,2	8,0	8,3
Того	5,6	6,4	7,3	8,1	8,7
Сообщество в составе на 01.02.2024	224,9	256,4	292,1	331,8	349,6

Сост. по: [6, с. 69].

Таблица 2

Доля мигрантов без учета нелегальных мигрантов в общей численности населения государств-членов ЭКОВАС в количественном составе на 01.02.2024 (по данным ООН на 2020 год)

Государство	Численность иммигрантов в абсолютном выражении	Доля иммигрантов в общей численности населения страны, %	Численность эмигрантов в абсолютном выражении	Доля эмигрантов в общей численности населения страны, %
Бенин	394.3 тыс.	3.25	681,8 тыс.	5,619
Гамбия	Информация отсутствует			
Гана	476.4 тыс.	1.53	1.0 млн	3,211
Гвинея	121.4 тыс.	0.92	550.8 тыс.	4,174
Гвинея-Бисау	17.9 тыс.	0.91	111,8 тыс.	5,683
Кабо-Верде	15.8 тыс.	2.84	187.6 тыс.	33,720
Кот-д'Ивуар	2,6 млн	9.72	1.1 млн	4,112
Либерия	87.9 тыс.	1.74	233.6 тыс.	4,624
Нигерия	1,3 млн	0.63	1.7 млн	0,823
Сенегал	274.9 тыс.	1.64	693.8 тыс.	4,139
Сьерра-Леоне	53.7 тыс.	0.67	152.5 тыс.	1,902
Того	279,9 тыс.	3.38	545.4 тыс.	6,586

Сост. по: Immigration by Country 2024. URL: worldpopulationreview.com/country-rankings/immigration-by-country (дата обращения: 06.02.2024).

ке Кабо-Верде, где соотношение иммигрантов и эмигрантов было 2 : 33. Паритетные значения этих показателей имелись у Нигерии, облада-

ющей примерно одинаковым потенциалом как для привлечения мигрантов извне, так и для переселения собственного населения за границу.

Отметим, что данные, представленные в табл. 2, отражают одновременно и специфику самих миграционных процессов в Западной Африке, и результат проводимой органами власти стран сообщества целенаправленной государственной миграционной политики. В таблице приведены цифры только по контролируемой государством внешней миграции населения, количество нелегальных мигрантов здесь не учтено.

Несколько иная картина сложилась с нелегальной трансконтинентальной эмиграцией. По данным Института Африки РАН, с 2000-х гг. отправной точкой европейского потока нелегальных эмигрантов из Западной Африки стал город Агадес в Республике Нигер (до 2024 г. член ЭКОВАС). В него съезжаются желающие покинуть Африканский континент люди из Бенина, Ганы, Кот-д'Ивуара, Либерии, Нигерии, Того, а затем начинают двигаться в двух направлениях: в Алжир и Ливию, где потоки разветвляются, дополнительно направляясь в Марокко и Тунис. Из Алжира, Туниса, Ливии эмигранты стремятся попасть в Италию или на Мальту, из Марокко – преимущественно в Испанию [8]. К 2020 г. сформировался еще один

устойчивый маршрут нелегальной миграции – «восточно-средиземноморский» – через Турецкую Республику в Грецию. Ключевую роль в организации нелегальных миграционных потоков за пределы пространства ЭКОВАС, включая европейское направление, играют международные преступные группы, зарабатывающие как на пассажирской перевозке нелегалов, так и на торговле людьми, контрабанде человеческих органов и т.п.

Активно протекающие миграционные процессы на территории стран ЭКОВАС имеют свою причинную обусловленность. Детерминирующими факторами выступают различные уровни качества жизни в разных частях/регионах сообщества, наличие очагов вооруженных конфликтов [9, 10], высокая степень криминогенности и т.п. (табл. 3). Не последнюю роль играет также проблема терроризма. На географической карте ЭКОВАС основной очаг терроризма расположен в северо-восточной части Федеративной Республики Нигерии (это наиболее бедные в экономическом плане штаты); другие, более мелкие очаги рассредоточены по странам-членам сообщества, не имеющим

Таблица 3

Индексная характеристика государств-членов ЭКОВАС в количественном составе на 01.02.2024

Государство	Индекс внешних и внутренних угроз (по сплошной десятибалльной шкале: 10-0) *	Индекс слабости государства (Fragile States Index 2022) **	Индекс качества жизни (по сплошной десятибалльной шкале: 10-0) ***	Индекс свободы человека (Human Freedom Index 2022) ****
Бенин	4.99	73,3	0.98	6,95
Гамбия	6.32	76,1	0.89	6,61
Гана	3.72	62,3	0.99	7,26
Гвинея	5.81	98.5	0.94	5,45
Гвинея-Бисау	6.60	89,9	0.36	6,54
Кабо-Верде	4.94	60,1	2.36	8,12
Кот-д'Ивуар	5.52	87,1	0.37	6,47
Либерия	7.17	88,9	0.74	6,62
Нигерия	6.39	98.0	0.41	5,93
Сенегал	6.61	71,5	0.83	6,70
Сьерра-Леоне	7.17	81,4	0.94	6,53
Того	6.60	82,1	1.15	6,25

Примечание. *Индекс, рассчитанный в [11, с. 164–166]; ** индекс, ежегодно рассчитываемый центром «Фонд Мира» (Рейтинг стран мира по уровню слабости / Гуманитарный портал: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2023 (последняя ред.: 23.11.2023). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/fragile-states-index> (дата обращения: 14.05.2024)); *** индекс, рассчитанный в [11, с. 170–172]; **** индекс, ежегодно рассчитываемый совместно Институтом Катона, Институтом Фрейзера, Фондом Фридриха Науманна (Рейтинг стран мира по Индексу свободы человека / Гуманитарный портал: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2023 (последняя ред.: 29.10.2023). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-freedom-index> (дата обращения: 14.05.2024)).

выхода к Атлантическому океану [6, с. 172]. «Миграционная прозрачность» границ внутри ЭКОВАС создает благоприятные условия для местных террористов: «...совершив теракты на территории одного государства, они имеют возможность скрыться от правосудия в соседних странах» [6, с. 173]. Все это в совокупности генерирует трудовую миграцию, в том числе нелегальную, и масштабные потоки беженцев как внутри сообщества, так и за его пределы.

Государственная миграционная политика каждого члена рассматриваемого сообщества изначально направлена на удовлетворение собственных потребностей в миграционной сфере и одновременно – на реализацию коллективных интересов международной организации. Это находит свое выражение, в первую очередь, в формировании некой идеологической концепции, единого четкого государственного подхода к миграции населения, а во вторую очередь – в принятии соответствующих законодательных актов и решений органов исполнительной власти двенадцати государств. Например, как декларирует Иммиграционная служба Министерства юстиции Либерии (бывшее Бюро иммиграции и натурализации), реализуемая ею государственная миграционная политика направлена на обеспечение безопасности и социально-экономического развития страны во благо народа Либерии путем регулирования въезда, выезда, проживания и гражданства, охраны государственных границ от незаконного въезда в страну иностранцев, противодействия контрабанде оружия, наркотиков, работоторговле и иными мерами, предпринимаемыми как самостоятельно, так и совместно с другими ведомствами республики и/или международными организациями². Аналогичны декларации Иммиграционной службы Нигерии: «...укрепить безопасность и процветание Нигерии посредством активной, эффективной и действенной охраны границ и управления миграцией»³, Иммиграционного департамента Сьерра-Леоне⁴ и других стран сообщества.

При этом необходимо учитывать, что государственная миграционная политика всегда включает в себя три вектора деятельности органов власти:

² The Liberia Immigration Service (LIS). URL: <https://lis.gov.lr/about> (дата обращения: 17.02.2024).

³ The Nigeria Immigration Service (NIS). URL: <https://immigration.gov.ng/vision-and-mission/> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ The Sierra Leone Immigration Department (SLID). URL: <https://slid.gov.sl/> (дата обращения: 17.02.2024).

– регулирование внутренних перемещений людей;

– управление эмиграцией;

– координация и контроль над иммиграционными процессами.

В случае с государствами, входящими в сообщество ЭКОВАС, регулирование внешней (трудовой и вынужденной) миграцией населения является двухуровневым: на первом уровне осуществляется управление трансграничной миграцией в рамках сообщества, на втором уровне – эмиграцией за пределы ЭКОВАС / иммиграцией в страну-члена сообщества.

Относительно регулирования внешней трудовой миграции населения отметим, что национальные правительства стран-членов ЭКОВАС имеют заинтересованность в привлечении из-за рубежа высококвалифицированных специалистов и в оттоке излишней неквалифицированной рабочей силы. При этом они руководствуются как национальными законодательными актами, так и протоколом ЭКОВАС о свободном передвижении людей по всей территории сообщества, конвенцией ООН по правам человека и другими международными конвенциями. В практической плоскости государственные органы регулирования миграции населения стран ЭКОВАС плотно взаимодействуют с Международной организацией по миграции (МОМ) и Международной организацией труда (МОТ). Деятельность МОМ – организации, принимавшей активное участие в разработке Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Марракешского договора о миграции)⁵, направлена, с одной стороны, на повышение уровня контроля над миграционными процессами со стороны национальных органов власти, а с другой – на создание и поддержание благоприятных условий для перемещения людей.

Для решения проблем с беженцами правительства государств-членов ЭКОВАС часто прибегают к сотрудничеству с международными гуманитарными организациями. Потребность в таком сотрудничестве носит во многом экономический характер: для оказания помощи беженцам нужны ресурсы, выделение которых в необходимом объеме часто оказывается затруднительным для национальных правительств.

⁵ A/RES/73/195 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2018 года. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

Правительства стран ЭКОВАС ведут совместную работу по борьбе с нелегальными миграционными потоками преимущественно на уровне правоохранительных органов. Механизмы взаимодействия профильных министерств и ведомств государств-членов ЭКОВАС функционируют в непрерывном режиме. А само противодействие нелегальной миграции сводится в рамках ЭКОВАС, по большому счету, к совместной борьбе с организованными преступными сообществами, участвующими в создании каналов передвижения нелегальных мигрантов.

Здесь отчетливо проявляет себя важный фактор в управлении миграционными процессами на государственном уровне: и в отношении трудовой, и в отношении вынужденной, и в отношении нелегальной миграции национальные правительства стран ЭКОВАС осуществляют сотрудничество с международными организациями. Это означает, что на территории западноафриканского сообщества субъектами государственной миграционной политики, помимо органов власти, выступают еще профильные межгосударственные межправительственные организации. По мнению ряда экспертов, на Африканском континенте наиболее развитыми в плане управления миграционными процессами регионально интегрированными межгосударственными объединениями являются ЭКОВАС, Межправительственный орган по вопросам развития (ИГАД), Восточноафриканское сообщество (ВАС) и Сообщество развития Юга Африки (САДК) [1, с. 55–56; 3, с. 165; 4, с. 216]. Следовательно, в контексте настоящего исследования имеет смысл отдельно рассмотреть роль институтов ЭКОВАС в регулировании миграции населения.

Среди институтов сообщества, в разной степени регламентирующих миграционные процессы на государственных территориях его членов, можно выделить: Конференцию глав государств и правительств стран-членов; Совет министров; Парламент ЭКОВАС, наделенный консультативно-совещательной функцией; Экономический и социальный совет; Западноафриканскую организацию здравоохранения; Фонд регионального развития; Комиссию, занимающуюся разработкой рекомендаций и оказанием консультационных услуг, и др. Эти политические институты определяют преимущественно стратегические задачи в области управления миграцией населения. Так,

например, на территории всех государств-членов ЭКОВАС с 1980 г. установлен безвизовый режим трансграничной миграции населения, позволяющий свободно перемещаться рабочей силе в рамках сообщества, а также, при необходимости, оперативно искать убежище. Это стало результатом принятия организацией в 1979 г. Протокола о свободном перемещении/передвижении людей и праве на жительство⁶, который разрешал находиться на территории страны-члена ЭКОВАС мигранту до 90 дней без визы. Много позднее, 14 июня 2007 г., на встрече министров сообщества в столице Нигерии Абудже был согласован проект (draft) «Общего подхода ЭКОВАС к миграции» (принятый затем в 2008 г. с доработками), где ключевыми принципами были обозначены:

«1. Свободное передвижение людей по территории ЭКОВАС является одним из основополагающих приоритетов интеграционной политики государств-членов ЭКОВАС;

2. Легальная эмиграция в другие регионы мира способствует развитию ЭКОВАС;

3. Борьба с торговлей людьми и гуманитарная помощь являются моральными императивами государств-членов ЭКОВАС;

4. Гармонизация политики;

5. Защита прав мигрантов, просителей убежища и беженцев;

6. Признание гендерного аспекта миграционной политики»⁷.

В теории существующие уже порядка 49 лет политические институты Экономического сообщества западноафриканских государств должны задавать общий тон и характер государственному управлению трудовой и вынужденной миграцией населения в странах ЭКОВАС как минимум в силу их устойчивого функционирования. Но на практике данные институты создают, в первую очередь, «миграционную идеологию»: систему взглядов на потребность государств в мигрантах и способах ее удовлетворения и «коммуникационную инфраструктуру» под эту идеологию. Коммуникационная инфраструктура – это совокуп-

⁶ A/P.1/5/79 Protocol Relating to Free Movement of Persons, Residence and Establishment // Journal of the ECOWAS. 1979. Vol. 1. P. 3–5. URL: <http://www.comm.ecowas.int/sec/index.php?id=ap010579&lang=en> (дата обращения: 05.02.2024).

⁷ Meeting of ministers on ECOWAS common approach on migration: draft. Abuja, 14 June 2007. P. 4–6. URL: <https://www.refworld.org/policy/legalguidance/ecowascom/2007/en/63425> (дата обращения: 04.02.2024).

ность каналов связи и коммуникаторов (субъектов управления миграцией), между которыми циркулирует служебная и открытая информация. И лишь во вторую очередь создаются политико-правовые механизмы по реализации Общего подхода ЭКОВАС к миграции.

Анализ текущей ситуации показывает, что совместные усилия национальных правительств, профильных министерств и ведомств, международных организаций по упорядочению миграционных перемещений на территории ЭКОВАС далеко не всегда приводят к ожидаемым результатам. Причин этому несколько, но главных две: 1) национальные правительства контролируют не все общественные и политические процессы на своей территории; 2) в большинстве случаев имеются конфликты интересов (как латентные, так и открытые) между отдельными субъектами управления миграцией населения.

На курс государственной миграционной политики накладывают свой отпечаток текущие интересы правящей элиты, контрэлиты, обладающей рычагами давления на власть, и бизнес-лобби, заинтересованного в трудовых мигрантах определенного качества и количества. И эти интересы часто не совпадают.

Деятельность самих органов управления миграцией населения во всех двенадцати странах ЭКОВАС весьма слабо контролируется со стороны гражданского общества – в силу слабой развитости последнего. И как результат, связь «государственная власть – мигранты» становится односторонней, возникающий дисбаланс создает противоречия между объективной миграционной обстановкой в стране и текущими целями миграционных служб. Отсутствие должного общественного контроля и низкий уровень транспарентности миграционных, пограничных служб, к сожалению, не позволяют произвести оценку их деятельности на соответствие отдельным положениям «Общего подхода ЭКОВАС к миграции».

В итоге вырисовывается следующая картина. Государственная миграционная политика каждого члена ЭКОВАС четко вписана в систему обеспечения национальной безопасности (одно из подтверждений этому – декларация миграционных служб рассматриваемых государств относительно своих миссий). Поскольку ЭКОВАС – экономическое сообщество, в нем не просматривается четкая архитектура коллективной безопасности, имеет ме-

сто лишь межгосударственное сотрудничество по противодействию отдельным видам угроз; следовательно, миграционная политика каждого отдельно взятого государства «синхронизируется» преимущественно с его политикой национальной безопасности. Изначально с момента создания ЭКОВАС в 1975 г. государственная миграционная политика его членов решала вопросы экономической безопасности: в принятых на тот момент соответствующих документах речь шла о беспрепятственной легальной трудовой миграции. Но затем, в процессе дальнейшего развития западноафриканского сообщества и его политико-правовых институтов, к этим вопросам стали добавляться вопросы противодействия / предупреждения терроризма на территории стран ЭКОВАС, борьбы с организованной преступностью, занимающейся контрабандой оружия и наркотиков, работорговлей, нелегальной миграцией, вопросы защиты прав беженцев и др. Таким образом, государственная миграционная политика стран ЭКОВАС за последние полвека существенно расширила круг решаемых вопросов: от социально-экономических до вопросов устойчивого геополитического развития региона.

Все вышесказанное также говорит о медленном, постепенном движении государственной миграционной политики стран-членов сообщества в направлении ее гармонизации – в соответствии с четвертым принципом «Общего подхода ЭКОВАС к миграции»⁸. Смены тенденций, заложенных еще в конце XX столетия, не наблюдается, но темп поступательного развития очень слабый. Региональные международные организации, привлекаемые к упорядочению миграционных процессов на территории сообщества, выступают в роли катализатора этого развития. Однако действия их имеют ограниченный эффект в силу сложившихся в субрегионе сложных социально-экономических, геополитических и военно-политических условий. Межгосударственные политические интеграционные институты ЭКОВАС создают своеобразное «внешнее силовое поле» миграции, распределяющее направления трудовой, вынужденной и нелегальной миграции населения в соответствии с потребностями сообщества западноафриканских стран.

⁸ Meeting of ministers on ECOWAS common approach on migration: draft. Abuja, 14 June 2007. P. 5.

Список литературы

1. Андрианантенаина А. П. Управление миграционными процессами в Африке: международные и региональные подходы // Русская политология. 2021. № 2 (19). С. 52–57.
2. Лебедева Э. Е. Миграционная политика стран Африки южнее Сахары // Миграционные процессы в странах Азии и Африки – опыт государственного регулирования : сб. ст. / отв. ред. А. А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 40–52.
3. Охупкина В. Н. Общие тенденции и особенности правового регулирования трудовой миграции в региональных объединениях в Африке // Вестник Московской международной академии. 2019. № 2. С. 164–168.
4. Киселева Е. В., Голованов А. С. Международно-правовое регулирование миграции в Африке на субрегиональном уровне: опыт ЭКОВАС и САДК // Африка в поисках источников мира и развития : ежегодник. М. : РУДН, 2013. С. 216–235. EDN: TPANGL
5. Андреев Н. Д. Миграционная политика Сенегала в рамках ЭКОВАС // Вопросы истории. 2022. № 11 (2). С. 144–151. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii-202211Statyi48>, EDN: OUWXHM
6. Жамбиков А. М. Эволюция политики и структуры ЭКОВАС в контексте обеспечения региональной безопасности в Западной Африке (1975–2022 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 258 с.
7. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / под общ. ред. А. А. Маслова. 2-е изд., доп. М. : Изд. Дом ВШЭ, 2023. 220 с.
8. Абрамова И. О. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема? // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 86–94. EDN: KZGTEF
9. Сидорова Г. М. Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), вып. 3. С. 60–67.
10. Коммегни Фонганг Д. П. Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 264–273. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273>, EDN: KTRURR
11. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / авт. кол. : А. Ю. Мельвиль (рук.) [и др.]. М. : Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. 272 с.

Поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 467–475

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 467–475

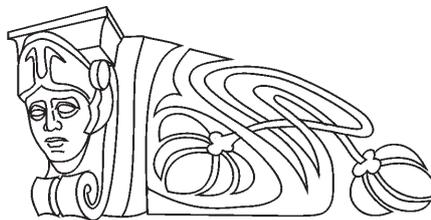
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-467-475>, EDN: QPTLGV

Научная статья

УДК 327:323(470+571)

Соотечественники в современной политической повестке России

О. В. Бахлова ✉, Е. Н. Макшаева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, olga.bahlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

Макшаева Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, agata8613@rambler.ru

Аннотация. Внутренние и внешние вызовы в социальной, культурно-гуманитарной, миграционной и иных плоскостях превращают категорию соотечественников в одну из системообразующих в политической повестке России. Цель исследования – определить ключевые смысловые акценты в интерпретации властью проблематики соотечественников за рубежом как ее актуального компонента. Качественный и формализованный анализ официальных документов, включая материалы выступлений главы государства, действующие нормативные правовые акты и законопроекты, позволил выявить усиление концептуализации, видоизменение смысловых характеристик понятия «соотечественник» и масштабирование проблемы с точки зрения пространственной локализации. Опорные для данной области идеи – «государства-цивилизации» и Русского мира. Характерна увязка с широкой трактовкой задач по обеспечению суверенитета и безопасности страны.

Ключевые слова: соотечественники за рубежом, политическая повестка, публично-властные решения, государство-цивилизация, Русский мир

Для цитирования: Бахлова О. В., Макшаева Е. Н. Соотечественники в современной политической повестке России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 467–475. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-467-475>, EDN: QPTLGV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Compatriots within the modern political agenda of Russia

О. В. Bakhlova ✉, Е. Н. Makshaeva

National Research Mordovia State University, MRSU, 68 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russia

Olga V. Bakhlova, olga.bahlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

Evgenia N. Makshaeva, agata8613@rambler.ru

Abstract. Internal and external challenges in social, cultural, humanitarian, migration and other spheres turn the category of compatriots into one of the systemically important ones on Russia's political agenda. The purpose of the study is to identify key semantic accents in the interpretation by the authorities of the problems of compatriots abroad as its actual component. A qualitative and formalized analysis of official documents, including materials from speeches of the head of state, current normative legal acts and draft laws, revealed the strengthening of conceptualization, modification of semantic characteristics of the concept of "compatriot" and scaling of the problem from the point of view of spatial localization. The ideas that support this field are the "state-civilization" and the Russian world. It is characterized by a link with a broad interpretation of the tasks of ensuring the sovereignty and security of the country.

Keywords: compatriots abroad, political agenda, public-power rulings, state-civilization, Russian world

For citation: Bakhlova O. V., Makshaeva E. N. Compatriots within the modern political agenda of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 467–475 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-467-475>, EDN: QPTLGV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Проблематика, связанная с соотечественниками, многослойна во внешнем и внутрен-

нем измерениях. В обоих измерениях проявляется влияние разноплановых факторов – общесистемных и конъюнктурных. Русскоязычная (российская) диаспора – одна из самых боль-

ших (третья–четвертая) в мире, составляя порядка 25–30 млн чел. [1]. Существенное количество соотечественников проживает в странах бывшего Советского Союза, обладая в них неодинаковыми возможностями и статусом. В рассматриваемой плоскости присутствуют как консолидирующие, так и фрагментирующие начала, вытекающие из геополитических и внутривнутриполитических императивов и побуждений. С одной стороны, мы наблюдаем артикуляцию идеи Русского мира, ее продвижение на практике, что воплощается на данный момент прежде всего в воссоединении ряда бывших территорий Украины с Россией, расширение концептуальных основ и механизмов государственной политики РФ в данной области (миграционной, гуманитарной и др.). С другой стороны, остаются непроясненными нормативно и доктринально важные понятия и категории (в том числе «Русский мир»), происходит дробление диаспоры. В либеральном дискурсе популярны ссылки на выделение группы Global Russians и ее едва ли не маргинализацию российской властью [2]. Нарастающее противоборство с коллективным Западом, инициирование им русофобских кампаний, «культуры отмены» на фоне продолжающейся реструктуризации мироустройства, осознание трудностей, возникающих при адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество, конфликтные ситуации на этнополитической и этноконфессиональной почве, перекося в структуре внешней миграции и прочее почти неизбежно превращают значение и роль соотечественников в одно из средоточий общероссийской политической повестки.

Исследовательский интерес к обозначенной проблематике достаточно выражен. Авторы обращаются к анализу правовых и институциональных аспектов, эволюции политики Российской Федерации в отношении соотечественников [3–4]. Предпринимаются попытки определить ее потенциал и перспективы [5–6]. Примечательна артикуляция защиты прав соотечественников в современной ситуации в контексте антироссийских акций, усиления противоречивости глобального межкультурного и межгосударственного взаимодействия, общемировой турбулентности в целом [7–9]. Нередко соответствующие вопросы изучаются в ракурсе применения Россией «мягкой силы» [10–12]. Характерны акценты на задаче сохранения соотечественниками общероссийской культурной идентичности [13]. В фокусе

внимания – положение соотечественников на постсоветском пространстве, включая отдельные страны СНГ [14–16].

В зарубежном дискурсе высказывается мнение о том, что контекстуализация русской диаспоры определяется и ограничивается видением национальной идентичности, поддерживаемым властью по сравнению с другими конкурирующими представлениями о российской идентичности; борьба за защиту соотечественников ассоциируется с утверждением Россией своей роли лидера «самобытной цивилизации, которая простирается за пределы ее национальных территорий» [17, р. 50, 60]. Аргументируются контекстуальность дискурса о защите соотечественников и увязка эволюции политики РФ в отношении русской диаспоры с эволюцией более широкой концепции «Русского мира», их трансформации «в установление геополитических границ» по мере ухудшения отношений между Россией и Западом [18].

Таким образом, проблематика соотечественников рассматривается в научной литературе в довольно широком проблемном поле. Распространена ее интерпретация в геополитическом ключе, хотя и с разных позиций; иностранными авторами – в большей степени с упором на «неоимперскую» политику России, отечественными – на «кризисную» и «цивилизационную» геополитику. Требуется, на наш взгляд, детализация корреспондирующих сюжетов и линий репрезентации обозначенной тематики в посланиях и инициативах власти, их воплощения в рамках законодательной институционализации. Цель исследования – выявить ключевые смысловые акценты в интерпретации властью проблематики соотечественников за рубежом как компонента актуальной политической повестки России. Хронологические рамки – 2018 / 2021–2024 гг., охватывающие завершившийся срок президентских полномочий и деятельность Государственной Думы Федерального Собрания (ГД ФС) РФ VIII созыва.

Главными источниками исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации в области внешней политики, гуманитарной политики за рубежом, государственной политики в отношении соотечественников за рубежом; материалы официального сайта Президента России; официального сайта Комитета ГД по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками ФС РФ; Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД).

Основные методы – качественный и частотный контент-анализ документов, позволившие выделить принципиально важные смысловые блоки транслируемой повестки, показать ее некоторые значимые количественные параметры.

Актуализация темы соотечественников Президентом России

Результаты поискового запроса на официальном сайте Президента РФ с ключевым словом «соотечественники» свидетельствуют о довольно частом обращении главы государства к соответствующей проблематике. Так, в течение завершившегося срока президентских полномочий (интервал поиска – с 7 мая 2018 г. по 6 мая 2024 г.) выявлено 287 результатов (всего по состоянию на 23 июня 2024 г. – 932)¹. Для сравнения: поиск по родственной категории «Русский мир» дал 566 результатов (всего – 2072)².

Категория «соотечественники» находится в обширной тематической экспозиции, сконцентрированной на событиях внутреннего и международного масштаба, знаменательных датах отечественной истории (1160-летию зарождения отечественной государственности, 80-й годовщине разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, 34-й годовщине вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана и др.) и современности (начало специальной военной операции (СВО) России, День воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Россией и пр.). Само понятие «соотечественники» применяется Президентом РФ в разных контекстах; оно адресуется в том числе «народу нашей великой Родины», «всем, кого объединяет большая историческая Россия»³. Во внешнем измерении проблематика соотечественников интерпретируется в ракурсе задач развития и укрепления гуманитарного сотрудничества, давних традиций дружбы и взаимоуважения, связывающих россиян с другими народами, популяризации

русского языка и литературы, укрепления русскоязычного информационного пространства, сбережения исторического, творческого, духовного наследия Русского мира, противодействия антироссийской истерии, русофобской кампании⁴. «Русский мир» – одна из определяющих категорий в президентской повестке, связанной с соотечественниками. В трактовке главы государства «Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности»⁵. Концептуализация президентской повестки также осуществляется на базе идеи «государства-цивилизации». Проводится мысль, что «Российскую цивилизацию невозможно свести к одному общему знаменателю, но её нельзя и разделить, потому что она существует только в своей целостности, в духовном и культурном богатстве»⁶.

Однако в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ проблематика соотечественников не артикулирована. Анализ посланий за период 2019–2024 гг. позволил установить, что о соотечественниках упоминается лишь в двух из них. Причем в Послании 2023 г. связь с обозначенной проблематикой скорее опосредованная, так как речь идет о представителях бизнеса – гражданах России: по словам президента, одна из возможностей выбора для крупного российского бизнеса – «быть со своей Родиной, работать для соотечественников»⁷. В Послании 2024 г. прослеживается непосредственная фокусировка на соотечественниках (Донбасса и Новороссии) в контексте СВО⁸.

¹ Соотечественники // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/search?since=07.05.2018&till=06.05.2024&query=соотечественники> ; <http://www.kremlin.ru/search?query=соотечественники> (дата обращения: 23.06.2024).

² Русский мир // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/search?since=07.05.2018&till=06.05.2024&query=Русский+мир> ; <http://www.kremlin.ru/search?query=Русский%20мир> (дата обращения: 23.06.2024).

³ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69390> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Участникам и гостям первого конгресса Международного движения русофилов // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/70671> (дата обращения: 20.06.2024) ; Участникам торжественной церемонии открытия XV Ассамблеи Русского мира. «Миссия русского слова в многополярном мире» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/72664> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Пленарное заседание Всемирного русского народно-го собора // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 20.06.2024).

⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 20.06.2024).

⁷ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 20.06.2024).

⁸ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 20.06.2024).

В целом характерна корреляция с вопросами обеспечения суверенитета и безопасности России, не только с гуманитарными соображениями.

Соотечественники в программных документах российских политических партий

Проблематика соотечественников определенным образом репрезентируется и политическими партиями Российской Федерации. Укажем на относительно недавнюю попытку конституирования партии «Соотечественники России», необходимость которой аргументировалась отсутствием партии, которая бы выражала права, свободы и законные интересы соотечественников в действующих органах власти⁹. Однако большинство парламентских партий РФ, фактически включенных в систему публично-властных отношений, к данным вопросам обращаются в том числе посредством инициирования законопроектов соответствующими группами депутатов. В их программных документах неоднократно встречается понятие «соотечественники». Так, в «Народной программе» партии «парламентского большинства» – Всероссийской политической партии «Единая Россия» (ЕР) в разделе «Внешняя и оборонная политика» один из ориентиров – «Последовательно отстаивать интересы русскоязычных граждан в других странах и наших соотечественников за рубежом, оказывая им поддержку в осуществлении их прав, обеспечивая защиту их интересов, а также помогая в сохранении общероссийской культурной идентичности»¹⁰. Применение инструмента поискового запроса на федеральном сайте партии с искомым ключевым словом дало более чем внушительное число результатов – 2425. В частности, ЕР активно освещает свои проекты и начинания, которым оказывается партийная поддержка («Всемирные игры юных соотечественников», Всероссийский урок «Русская весна в Севастополе», международный форум «За свободу нации» и пр.). Большое внимание ею уделяется патриотическим акциям и мероприятиям – соответствующие материалы также включены в названное количество результатов¹¹.

⁹ Политическая партия «Соотечественники России» / О нас. URL: <https://pp-sr.su/o-nas/> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁰ Народная программа «ЕДИНОЙ РОССИИ» // Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ»: [сайт]. URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения: 20.06.2024).

¹¹ Соотечественники // Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ»: [сайт]. URL: <https://er.ru/search?q=соотечественники> (дата обращения: 23.06.2024).

Защита соотечественников за рубежом, их широкая репатриация фиксируются в качестве программных положений политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ)¹². На партийном сайте также представлено значительное количество материалов – 1630; во многих из них акцентируется важность законодательного обеспечения прав и интересов соотечественников за рубежом; проводится связь с идеей «Русского мира», обострением международной ситуации на современном этапе и негативными последствиями распада Советского Союза¹³.

Для другой парламентской партии левого спектра – Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» (СРЗП) – проблематика соотечественников традиционно находится в фокусе постоянных и предвыборных документов. «Справедливоросы» предлагают активно защищать права соотечественников, принять закон о помощи гражданам России, оказавшимся в экстремальных условиях за рубежом¹⁴. Развернутая формулировка их предложений содержится в рабочем варианте программы СРЗП, в том числе выдача паспортов РФ всем представителям коренных народов России, проживающих сегодня за ее пределами. Проблематика соотечественников часто сопрягается с проблематикой патриотизма и интерпретируется в ракурсе интеграционной политики РФ. Граждане и соотечественники провозглашаются основой достижений России. Как и КПРФ, СРЗП артикулирует последствия краха СССР – «цивилизационной катастрофы 1991 года»¹⁵. Пожалуй, тематика соотечественников наиболее ярко и многогранно репрезентируется в программных документах именно СРЗП. В то же время материалы официального партийного сайта по ней довольно скудны.

¹² Программа партии // Коммунистическая партия Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 23.06.2024); Десять шагов к власти народа // Коммунистическая партия Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html> (дата обращения: 23.06.2024).

¹³ Соотечественники // Коммунистическая партия Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://kprf.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).

¹⁴ Программа партии // Социалистическая политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ»: [сайт]. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).

¹⁵ Программа Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». Рабочий вариант // Социалистическая политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ»: [сайт]. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/sr73/113270a.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).

В свою очередь, понятие «соотечественники» нетипично для программатики оппонентов «левых» – Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России. Вместе с тем ЛДПР отличает акцент на «русском вопросе»; например, в ее предвыборной программе 2021 г. среди намечаемых внешнеполитических установок – «Добиться исключения стран Прибалтики из Евросоюза за дискриминацию русских»¹⁶. Материалы партийного сайта позволяют составить более четкое представление о специфике позиции партии. Подобно своему идеологическому «противнику» – КПРФ – ЛДПР концентрируется на вопросах продвижения идеи «Русского мира», законодательной работы фракции, возвращения соотечественников в Россию, оказания адресной помощи и пр. Соотечественники воспринимаются как «наши люди» [19].

Также не свойственно употребление рассматриваемой категории и политической партии «Новые люди» (НЛ). В ее программе она не фигурирует. С другой стороны, на сайте НЛ достаточно подробно и концептуально разъясняется позиция партии по миграционной проблематике. Здесь показательна следующая формулировка: «...переселение русского этноса обратно в Россию является одной из важных задач текущего правительства»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что интерес к проблематике соотечественников характерен и для ряда непарламентских партий. Примечательный пример – Всероссийская политическая партия «РОДИНА». В данной плоскости ею центрируется «русский вопрос». Представители партии тоже выступают за наведение порядка в сфере миграционной политики, в частности за определение «разницы» между соотечественником и гастарбайтером [20]. Оговоримся, тем не менее, что в силу незначительности влияния непарламентских партий на процесс разработки и принятия публично-властных решений данный аспект нами более подробно в данном исследовании не будет анализироваться.

¹⁶ Программа политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России (ЛДПР) // Политическая партия Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) : [сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/programma-ldpr-prinyataya-hhhiii-sezdom-ldpr-25-06-2021.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).

¹⁷ В «правильном котле». Модели межнациональных отношений // Партии «Новые люди» : [сайт]. URL: https://new-onthology.ru/2021/05/26/в-правильном-котле-модели-межнацио/?utm_source=newpeople (дата обращения: 23.06.2024).

Содержание и направления законодательной институционализации повестки, связанной с соотечественниками

Транслируемая политическими акторами повестка в рассматриваемой области уточняется и детализируется на заседаниях различных органов (государственных, совещательных, консультативных) и ведомств. В частности, Государственного Совета, Межведомственной комиссии по реализации Госпрограммы по оказанию содействия переселению соотечественников, Комиссии по вопросам гражданства, Совета по межнациональным отношениям, Совета по делам казачества и пр. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает сопряжение множества целевых ориентиров и механизмов. Формируется перечень президентских поручений, предполагающих конкретные решения и действия, направленные на решение актуальных задач. Так, по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека 4 декабря 2023 г. Правительству РФ среди прочего было поручено подготовить совместно с Министерством иностранных дел РФ и Советом и представить предложения по вопросам обеспечения прав соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, и принятия дополнительных мер по их репатриации в случае незаконной депортации из иностранных, в том числе недружественных, государств с учетом реализации Указа Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 872¹⁸. Соответственно, осуществляется корректировка определенных нормативных правовых актов, концептуально-стратегических и программных документов РФ, включая действующую государственную программу.

Кроме того, в последние годы было принято несколько новых важных документов в данной плоскости. Среди них – Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, одно из основных направлений которой – оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом. Значительная роль отводится их организациям¹⁹.

¹⁸ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁹ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : утв. Указом Президента Российской Федерации от 17.10.2022 № 747 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 20.06.2024).

Пристальное внимание соотечественникам уделено и в редакции Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. Здесь показательна непосредственная увязка с идеей «Русского мира»²⁰.

Выявленные ориентиры и сюжеты непосредственно воплощаются и в законодательной деятельности ФС РФ. На основе результатов анализа информации СОЗД обозначим некоторые важные элементы институционализации исследуемой повестки в законодательной плоскости (таблица).

Приведены сведения лишь о вступивших в силу законопроектах, наиболее примечательных в плане закрепления определенных стержневых компонентов институционализируемой повестки. Их направленность понятна даже по названиям (законопроекты № 261335-8 и № 293751-8). Законопроект № 49269-8 воплотился в результате довольно длительного обсуждения в Федеральный закон «О гражданстве». В нем, в частности, предусматривается возможность для иностранного гражданина или лица без гражданства, имеющих статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, или статус члена семьи участника данной программы, подать заявление о приеме в гражданство РФ без учета требования п. 1 ч. 1 ст. 15, т. е. постоянного проживания в РФ со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 20.06.2024).

РФ и до дня подачи заявления о приеме в гражданство РФ в течение пяти лет (ст. 16)²¹.

В основном законопроекты в интересующей нас плоскости предполагают внесение изменений в действующее законодательство. Тематически законопроекты охватывают вопросы государственного строительства и конституционных прав граждан. В качестве ответственного, так и профильного думского комитета чаще всего выступает Комитет по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. В партнерстве с ним (в качестве профильного комитета) – комитеты по государственному строительству и законодательству; по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; по делам национальностей. Говоря о специфике информационного сопровождения законодательной деятельности указанного Комитета, подчеркнем, что материалы, расположенные на его официальном сайте в соответствующем разделе²², недостаточно оперативно обновляются. Это касается прежде всего данных об определенных мероприятиях – страновых конференциях, круглых столах и прочих, а также аналитической информации. С другой стороны, довольно наглядна одна из его рубрик «Новости

²¹ Законопроект № 49269-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8> (дата обращения: 20.06.2024) ; О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Соотечественники // Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками : [сайт]. URL: <https://komitet.info/compatriots/> (дата обращения: 20.06.2024).

Законы, подписанные Президентом РФ в течение VIII созыва Государственной Думы

Наименование законопроекта	Дата внесения	Дата последнего события
Законопроект № 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации»	29 декабря 2021 г.	28 апреля 2023 г. (опубликован)
Законопроект № 261335-8 «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины»	19 декабря 2022 г.	18 марта 2023 г. (опубликован)
Законопроект № 293751-8 «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона “О беженцах” и статьи 8 и 15-1 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (об исключении граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики из числа иностранных граждан)»	10 февраля 2023 г.	13 июня 2023 г. (опубликован)

Сост. по: Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz/pc/h?settingslistofbills%5Blist%5D=d8a8afd5-205a-4da0-8404-10fb3384ce94#data_source_tab_pch (дата обращения: 23.06.2024).

Русского мира»²³. В ней содержится обзор многочисленных событий и проектов, реализуемых в самых разных частях мира. В том числе из этой рубрики можно почерпнуть информацию о заседаниях координационных советов соотечественников, хотя логичнее было бы ее размещение в рубрике «Координационные советы по проблемам соотечественников».

Значительное количество законопроектов было снято с рассмотрения, отклонено в первом чтении либо отозвано инициатором по тем или иным причинам. В частности, в них намечались: признание соотечественников, проживающих за пределами РФ, носителями русского языка; расширение правовых оснований для признания носителями русского языка граждан Белоруссии и Украины; введение упрощенного порядка приобретения гражданства РФ лицами, проживающими на территории страны-члена НАТО или на территории Украины. Содержание и направленность подобных законопроектов, в первую очередь, обусловлены воздействием внешних факторов.

Среди законопроектов, работа над которыми не завершена по состоянию на 23 июня 2024 г., отметим появление ряда важных инициатив, предусматривающих корректировки понятия «соотечественник». Например, в законопроекте № 502425-8 (внесен депутатом Госдумы М. Н. Матвеевым, фракция КПрРФ) сделан акцент на общности русского языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев – такого уточнения нет в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ. Кроме того, в него включено упоминание об украинцах и белорусах как части триединого с государствообразующим русским народом²⁴. В законопроекте № 95462-8 (внесен депутатом Госдумы К. Ф. Затулиным, фракция «Единая Россия») предложено, в частности, уточнить (в ст. 2 Федерального закона) перечень народов, исторически проживающих на территории РФ, включив в него в том числе представителей «белорусского и украинского народов, связан-

ных с государствообразующим народом общностью исторической судьбы и культуры»²⁵. Данная константа коррелирует с одним из трендов президентского дискурса.

Общая тенденция законодательной институционализации вопросов, составляющих актуальную политическую повестку, – включение определенных сюжетов в отдельные нормативные правовые акты либо коррекция ранее введенных в них предписаний. И в законодательных актах, и в концептуально-стратегических документах, утвержденных подзаконными НПА, внимание к соотечественникам объективно усиливается. Можно утверждать, что его фиксация законодателем и представителями политического сообщества становится одной из опорных точек для измерения предлагаемой акторами шкалы политических ценностей.

Подводя итог, отметим, что интерпретация темы соотечественников в современной политической повестке России обретает все более зримые черты концептуализации. Фундаментом в этом ракурсе выступают идеи «государства-цивилизации», «Русского мира» и «триединства» русских, украинцев и белорусов. Во многом их продвижение обусловлено последствиями событий «Русской весны» и СВО России. Из содержания официальных документов Российской Федерации в данной области явствует, что восприятие Россией проблематики соотечественников глобализируется – она репрезентируется не только в разрезе региональных процессов (в рамках постсоветского пространства), но фактически – в масштабах всего мира. Подобного рода установления фиксируются и в Концепции внешней политики.

В материалах президентского сайта такая тенденция также прослеживается. В выступлениях главы государства присутствуют сюжеты, корреспондирующие с обоснованием важности налаживать и активизировать коммуникации с широким кругом субъектов из Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока и др. Типичны отсылки к происходящим в мире изменениям. Распространены аргументы геополитического, исторического и культурно-цивилизационного свойства. Центральное место в силу совокупности причин занимают вопросы положения соотечественников в ближнем зарубежье. Аналогичная позиция репрезентируется и парламентскими партиями. Несмотря

²³ Новости Русского мира // Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками : [сайт]. URL: <https://komitet.info/press/rusnews/> (дата обращения: 20.06.2024).

²⁴ Законопроект № 502425-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502425-8> (дата обращения: 20.06.2024) ; О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Законопроект № 95462-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95462-8> (дата обращения: 20.06.2024).

на различия в их идеологических платформах, обнаруживается довольно много сходных черт в понимании политического и общегосударственного значения категории «соотечественники». В инициировании законопроектов в данной области проявляют активность представители различных партий, особенно выделяются ЕР и КПРФ.

Фокус законодательной повестки последнего времени – обеспечение правовыми средствами интеграции соотечественников в пространство России. Большинство законопроектов в данной области ориентировано на упрощение получения российского гражданства лицами, которые могут быть отнесены к соотечественникам, уточнение самого этого понятия, существенных идентификационных параметров. Однако принятие многих из них «подвисает», затягивая принятие необходимых решений. Некоторые законопроекты еще ожидают своего детального обсуждения. Текущая повестка комитета Госдумы, являющегося ответственным в рассматриваемой области, свидетельствует о достаточной насыщенности соответствующими вопросами. В целом напрашивается системное обновление Федерального закона от 24 мая 1999 г. сообразно общей системе геополитических и геоцивилизационных координат Российского государства. Внутривнутриполитические потребности ведущих акторов также могут сказаться на дальнейшем процессе институционализации рассматриваемой повестки, особенно в преддверии парламентских выборов 2026 г. Полагаем, тем не менее, что на данный момент степень имплементации транслируемой повестки в публично-властных решениях пока недостаточна.

Список литературы

1. Короткова Я. Крупные русскоязычные диаспоры в мире // *Международная жизнь*. 2017. 20 ноября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18787> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Агеева В. Д. Global Russians как российская «мягкая сила» // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, № 1. С. 91–106. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-91-106>, EDN: AXHQOI
3. Луков Е. В., Безгачева В. В. Соотечественники в стратегических приоритетах современной России (1992–2018): федеральный и региональный аспекты // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 64. С. 42–52. <https://doi.org/10.17223/19988613/64/6>, EDN: FDCFUI
4. Сазонова О. А. К вопросу о правовом регулировании государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом // *Россия: общество, политика, история*. 2023. № 3 (8). С. 205–219. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3\(8\)-205-219](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3(8)-205-219), EDN: GSSLSR
5. Борисов А. В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве // *Проблемы постсоветского пространства*. 2021. Т. 8, № 2. С. 192–206. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-192-206>, EDN: BLKTFC
6. Хазов Е. Н., Илюхин С. В. Государственная политика в отношении добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и перспективы ее развития // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2023. № 2. С. 48–52. EDN: XJJMEU
7. Демин В. Н. Вопросы защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, в контексте нарастающей русофобии в политике стран Запада // *Дипломатическая служба*. 2024. № 1. С. 64–68. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2401-08>, EDN: QDUOUA
8. Карпович О. Г., Смагина Л. А. Меры по повышению эффективности методов защиты прав российских соотечественников за рубежом // *Международное публичное и частное право*. 2023. № 2. С. 6–10. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2023-2-6-10>, EDN: SRWTSR
9. Скутина С. Г. Инструментарий реализации государственной политики по переселению соотечественников, проживающих за рубежом в контексте современной российской миграционной повестки // *PolitBook*. 2024. № 1. С. 166–177. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-1-166-177>, EDN: WOOUEG
10. Коньков А. Е. Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. Т. 22, № 2. С. 205–221. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221>, EDN: HGBVFFV
11. Томберг И. Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 1 (35). С. 91–104. EDN: JLFXJE
12. Алборова М. Б., Савченкова М. И. Диаспоральная дипломатия как элемент политики «мягкой силы» России, практика города Москвы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 215–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC
13. Кондукторова Н. А. К вопросу о свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией соотечественников за рубежом // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 118–122. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-118-122>, EDN: CKERCU

14. Правовое положение соотечественников, проживающих в странах постсоветского пространства: сравнительный анализ / К. Ф. Затулин, В. Г. Егоров, А. В. Докучаева [и др.]. М. : Прометей, 2023. 850 с. EDN: XIRYZP
15. *Симонян Р. Х.* Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-9>, EDN: MGUTXX
16. *Хонерская Л. Л.* Поддержка соотечественников – конституционная обязанность российского государства: Опыт работы с соотечественниками в Киргизской Республике. М. : Просвещение-Союз, 2021. 352 с.
17. *Degirmen Dysart B.* The Politics of Russian ‘Diaspora’: From Compatriots to a Russian World // Turkish Journal of Diaspora Studies. 2021. Vol. 1, iss. 1. P. 49–63. <https://doi.org/10.52241/TJDS.2021.0004>
18. *Pieper M.* Russkiy Mir: The Geopolitics of Russian Compatriots Abroad // Geopolitics. 2018. Vol. 25, iss. 3. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1465047>
19. *Леонид Слуцкий:* Россия вернет соотечественников домой // Политическая партия Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) : [сайт]. URL: <https://ldpr.ru/event/342891> (дата обращения: 23.06.2024).
20. *Журавлев:* Нужно четко определить разницу между соотечественником и гастарбайтером! // Всероссийская политическая партия «РОДИНА» : [сайт]. URL: <https://rodina.ru/novosti/ZHuravlev-Nuzhno-chetko-opredelit-raznicu-mezhdu-sootechestvennikom-i-gastarbajterom> (дата обращения: 23.06.2024).

Поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 476–481

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 476–481

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-476-481>, EDN: TDRVYJ

Научная статья

УДК 323.3

Основные научные трактовки взаимосвязей общегражданской идентичности молодежи и национальной безопасности Российской Федерации

М. Е. Анциферов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Анциферов Максим Евгеньевич, аспирант кафедры политических наук, mr.rar1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6534-4658>

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение различных научных трактовок взаимосвязей между характером политической идентичности разных возрастных групп и обеспечением национальной безопасности современной России. На основе анализа соответствующего сегмента отечественного научного дискурса сделан вывод о том, что проблема взаимосвязи общегражданской идентичности подрастающего поколения и обеспечения национальной безопасности современной России не выделяется отдельным исследовательским направлением в качестве самостоятельной научной проблемы. Обосновывается, что данный ракурс очень важен с теоретической и практической точек зрения, так как именно от позиционирования российской молодежи в отношении государства и основных направлений его политики в значительной степени зависит решение всех накопившихся проблем в российском обществе.

Ключевые слова: политическая идентичность российской молодежи, общегражданская идентичность, национальная безопасность Российской Федерации

Для цитирования: Анциферов М. Е. Основные научные трактовки взаимосвязей общегражданской идентичности молодежи и национальной безопасности Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 476–481. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-476-481>, EDN: TDRVYJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main scholarly interpretations of the relationship between general civic identity of young people and national security of the Russian Federation

M. E. Antsiferov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maxim E. Antsiferov, mr.rar1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6534-4658>

Abstract. The purpose of this article is to consider various scholarly interpretations of the relationship between the nature of political identity of different age groups and ensuring national security in modern Russia. Based on the analysis of relevant segment of domestic scientific discourse, it is concluded that the problem of the relationship between general civic identity of the younger generation and ensuring national security in modern Russia is not singled out as a separate research area or a self-sufficient scientific problem. The author substantiates that this perspective is very important from both theoretical and practical points of view, since the solution of all accumulated problems in Russian society largely depends on the positioning of Russian youth in relation to the state and the main directions of its policy.

Keywords: political identity of Russian youth, general civic identity, national security of the Russian Federation

For citation: Antsiferov M. E. Main scholarly interpretations of the relationship between general civic identity of young people and national security of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 476–481 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-476-481>, EDN: TDRVYJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема политической идентичности российской молодежи является одной из самых актуальных и теоретически и практически значимых. Не случайно, что разнообразные аспекты данной темы постоянно привлекают внимание отечественных исследователей [1–7]. Обусловлено это тем, что с началом СВО России на Украине обозначились проблемы с политическим позиционированием отдельных групп российской молодежи, которые несут существенную угрозу национальной безопасности страны. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение основных научных трактовок взаимосвязей между характером политической идентичности различных возрастных групп и обеспечением национальной безопасности современной России. В качестве предметного поля исследования определено не все многообразие политической идентичности российской молодежи, а именно значение общегражданской идентичности, степень приверженности которой наиболее существенно влияет на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

А. Н. Худолеев, ответственный секретарь Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, заместитель председателя Совета Ассамблеи народов России, проблему формирования новых национальных идентичностей рассматривает как угрозу национальной безопасности страны. По его мнению, одной из причин развития экстремистских тенденций в современной России являются «спекуляции на теме исторических траекторий развития народов и формирования собственной национальной принадлежности, что особенно опасно в многонациональном государстве, каким является Россия» [8, с. 8]. На примере самоидентификации финнов-ингерманландцев и ряда других этнических групп автор раскрыл серьезную опасность для Российского государства продвигаемого в интернет-пространстве идеологического обоснования движений микронаций и микрогосударств: «В русскоязычном сегменте интернета уже более 200 виртуальных микрогосударств. Некоторые даже создают свои объединения. Например, Организация Независимых Государств «объединяет в себе русскоязычные микронации с целью установления более качественных дипломатических отношений между ними» [8, с. 13]. С учетом того, что данные движения активно поддерживаются за-

рубежными общественными и государственными организациями, очевиден социальный риск серьезной угрозы национальной безопасности современной России. Как представляется, данная ситуация усугубляется той неопределенностью, которая сложилась в отечественном официальном и публичном дискурсах в отношении понятий «народ», «нация» и «этнос». Научные дискуссии на эту тему продолжают на протяжении всей постсоветской истории. Однако, несмотря на доминирование трактовки нации как надэтнического сообщества граждан в рамках единого государства, проблема остается и нуждается не только в теоретическом разрешении, но и в правовом закреплении однозначного толкования данных категорий.

С. А. Кутилин взаимосвязь политики формирования общероссийской гражданской идентичности и политики обеспечения национальной безопасности рассматривает с учетом тех рисков, которые сформировались после распада СССР. Суть их состоит в том, что «идентичность российского общества несет вероятность социальной дисфункции и деструкции, т. к. во многом строится на негативных проекциях во всех базовых полях идентификации. Поляризация социальной структуры после распада СССР привела к возникновению новых статусных позиций и идентичности. Весомым фактором стала регионализация сознания, а также социальной, политической и экономической организации общества. По мере вытеснения советской идентичности произошло снижение роли надэтнической идентификации, стала преобладать региональная либо этническая идентичность вместо надэтнической общности – “советского народа”» [9, с. 306]. Действительно, фактор материального благосостояния стал важнейшим критерием стратификации постсоветского общества и, соответственно, маркером социальной и политической идентификации различных групп населения. Данное разделение, реально получившее форму расколов и разломов, не способствует формированию единства российского общества. В качестве примера позитивного воздействия на формирование гражданской идентичности С. А. Кутилин привел опыт г. Москвы и Краснодарского края. С этим вряд ли можно согласиться, так как события последних лет показали, что и в данных регионах проблемы единой национальной идентификации достаточно существенные. Особенно наглядно они проявляются в связи с плохо регулируемы-ми и недостаточно контролируемы-ми процес-

сами миграции в указанных регионах (как и во всей России в целом) и требуют немалых усилий государства и общества для их решения.

М. С. Топчиев рассматривает геополитический контекст и потенциал проблематики национальной идентичности в качестве фактора обеспечения социетальной безопасности России. Последнюю он понимает как гармоничный баланс различных идентичностей. Обеспечить этот баланс может только государство в рамках политики формирования национальной, гражданской идентичности [10, с. 220]. По мнению исследователя, данная политика должна реализовываться на основе использования геополитического потенциала национальной идентичности современной России и собственной модели цивилизационного развития. Ее базой является обоснованный в свое время А. С. Панаариным «уникальный опыт синтеза своей православно-славянской и тюрко-мусульманской идентичности», который «сможет предложить новую этикоцентристскую “повестку дня” для будущего развития мира» [10, с. 221].

Геополитический потенциал национальной идентичности России, по мнению М. С. Топчиева, это: «1) устойчивая структура национальной идентичности России, включающая в себя культурно-исторический и общегражданский уровни; 2) развитое национальное самосознание и историческая память; 3) геополитическая субъектность России на постсоветском и мировом пространстве; 4) внутренняя идентификационная согласованность между основными субъектами российского политического пространства (государством, регионами России, общественно-политическими движениями, религиозными организациями, этническими и социальными сообществами) по ключевым вопросам международной и внутренней политики; 5) построение процесса воспитания молодых граждан на основе традиционных духовных ценностей, исторической памяти и значимых символов национальной идентичности, что позволит им идентифицировать себя и своё будущее с успешным развитием России» [10, с. 221–222]. Как представляется, данный потенциал являет собой не столько отражение реально существующего положения дел в сфере государственной политики формирования общенациональной гражданской идентичности, сколько определенную идеально-типическую модель, к которой государство и общество в современной России должны стремиться. На практике во многих из обозначенных характеристик имеют

место серьезные проблемы, которые и должны стать главной предметной областью всестороннего научного анализа для выявления причин и обоснования путей и способов их разрешения.

По мнению И. Н. Воротынцева, особое значение формирование единой гражданской идентичности имеет для обеспечения национальной безопасности в республиках Северного Кавказа [11, с. 69]. Обусловлено это наличием угроз этносепаратизма в регионе, противодействие которым требует особых усилий со стороны общества и государства в рамках реализации политики идентичности. Ее структура, по определению автора, включает в себя «символическую политику, языковую политику, культурную политику и политику памяти... Их посредством субъекты политики идентичности создают общее социокультурное пространство общества, формируют общее самосознание гражданской нации» [11, с. 70]. На наш взгляд, в эту структуру целесообразно включать также политику по формированию и обеспечению единого правового пространства, экономическую, социальную и иные направления государственной политики, позволяющие обеспечить идентификацию жителей любого региона России в качестве граждан единой страны, имеющих одинаковые права и социальные гарантии и единые обязанности.

Проблема обеспечения национальной безопасности на Северном Кавказе постоянно находится в поле зрения российских исследователей. В апреле 2014 г. в Майкопе состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности» [12]. Ее участники раскрыли различные аспекты значимости российской идентичности в качестве фактора национальной безопасности: социокультурные основы процесса идентификации; функциональность СМИ и интернет-пространства в конструировании российской идентичности; роль семьи и других социальных институтов в ее формировании; взаимодополняемость гражданской и этнической идентичностей; социальные риски их конкурентности; внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы российской идентичности; ряд других аспектов. Тем не менее анализ материалов конференции показывает, что в 2014 г. большинство исследователей акцент делали на угрозах и социальных рисках доминирования этнической идентичности над общегражданской идентичностью на Юге России и в республиках Северного Кавказа. Однако события последних лет показали, что

угрозы национальной безопасности для России исходят не только от гипертрофированной этноконфессиональной идентификации, но и от противоречий в структуре идейно-ценностной мотивации политической идентификации российских граждан, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Важнейшее значение имеет уровень патриотизма и гражданской ответственности за судьбы страны и ее будущее.

Е. К. Обринская проблему взаимосвязи идентичности и обеспечения национальной безопасности оценивает как одну из самых значимых в силу неочевидности угроз в данной сфере. По ее мнению, именно фактор времени играет ключевую роль, так как последствия социокультурных процессов проявляются тогда, когда «уже затруднительно что-либо предпринять с точки зрения обеспечения национальной безопасности» [13, с. 206]. Основная причина видится автору в глобализационных процессах, которые привели к кризису идентичности в постсоветской России. На наш взгляд, концентрация внимания на внешних факторах кризиса идентичности приводит к недооценке тех внутренних рисков, которые были накоплены в самой России в период безоглядного заимствования западноевропейских институтов и ценностей. На протяжении длительного времени в сфере культуры и образования в России осуществлялась целенаправленная политика формирования «граждан мира», для которых понятие патриотизма было анахронизмом и атавизмом, «последним прибежищем негодяев». Часть этой космополитической «элиты» бежала после начала СВО России на Украине, но многие остались на своих местах и должностях. Важно учитывать, что многие из них искренне пересмотрели свои убеждения, однако существенная часть мимикрировала в «патриотов», но продолжает оставаться внутренней «пятой колонной», несущей серьезную угрозу национальной безопасности страны.

И. П. Скворцов определяет идентичность «как представление человека и общества о своей принадлежности к какой-либо общности более высокого порядка (политической, культурной, социальной, цивилизационной и т.п.), о своем месте в системе общественных отношений, институтов, ценностей, она выступает комплексной базой для формирования индивидуальных и массовых социальных практик, воспроизводящих данное общество как самостоятельную социокультурную систему, основой социальной

интеграции» [14, с. 282]. Как представляется, такое «универсальное» и максимально широкое определение идентичности может привести к отсутствию четкости в понимании функциональности и значимости ее конкретных проявлений. Так, по мнению автора, кризис идентичности обусловлен тем, что в постсоветской России стратегия либеральной политики идентичности строилась на стремлении изжить «имперское прошлое» и «советский тоталитаризм» на основе приближения к «универсальной модели демократии» [14, с. 282]. Этот «слом (или хотя бы надлом)» идентичности означал «скапывание в хаос, где отсутствует безопасность во всех ее проявлениях – экономическом, политическом, социальном, духовном» [14, с. 283]. На наш взгляд, автор не вполне правомерно в качестве ключевой причины проблем в обеспечении национальной безопасности определяет кризис идентичности вообще, без выделения конкретного ее уровня. Очевидно, что в качестве такой базовой причины выступил кризис именно общегражданской национальной идентичности, обусловленный отсутствием ценностного ядра, разделяемого не только элитой, но и большинством населения России.

Для ростовских исследователей характерен подход, в соответствии с которым под «национально-государственной идентичностью» понимается образ государства, с которым отождествляют себя базовые слои населения и крупные социальные группы» [15, с. 24]. Как видится, такая трактовка идентификации, понимаемой как отождествление граждан с образом своего государства, не вполне достаточна. Действительно, ощущение своей принадлежности к государству в качестве его гражданина, обладающего совокупностью прав и обязанностей, является стержневым. Вместе с тем значимую роль играет также ощущение своей причастности к истории данного государства, его героическому наследию, к исторически сложившимся ценностям народа, его традициям и обычаям. Не случайно что авторы сами оговариваются, что гражданская нация в России формируется на основе русского населения, но «вместе с тем, здесь силен и цивилизационный контекст, который признает абсолютное большинство не только русских, но и представителей других национальностей» [15, с. 24].

Важное место исследователи отводят анализу соотношения региональной и общегражданской идентичностей в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

В отдельных случаях исследователи делают акцент на обеспечении региональной безопасности. Например, Ю. А. Гордиенко, фокусируется на том, что «региональная безопасность осмысливается как защита всех представителей со своей национальной идентичностью, проживающих в регионе и вносящих вклад в общую копилку. Богатство региона оценивается многообразием культур, свободой национальной и этнической идентификации, мирным сосуществованием» [16, с. 354]. Как представляется, обоснование приоритета защиты этнических идентичностей без акцента на важности формирования общегражданской идентичности несет в себе очень высокий риск проявления националистических и сепаратистских настроений и угрозу как региональной, так и национальной безопасности страны.

М. Ю. Мартынова и Р. А. Григорьева исследование взаимосвязи региональной и общегражданской идентичностей и национальной безопасности осуществили на базе Калининградской области как специфического региона-анклава. В результате они констатировали, что «фактор локальной идентичности личности для жителей анклава более значим в сравнении с его ролью в материнском и соседних государствах» [17, с. 141]. При этом важнейшую роль играет политика государства в обеспечении общегражданской идентичности. Авторы признают, что еще в начале 2000-х гг. «приоритет отдавался интеграции области в европейское пространство» [17, с. 143] и только в последние годы была актуализирована государственная стратегия искоренения «латентного сепаратизма».

С. А. Храпов проблему национальной идентичности рассматривает в контексте обеспечения безопасности Каспийского макрорегиона. На основе своего исследования он предлагает определение национальной идентичности «как общегосударственной идентичности, интегрирующей в себе культурно-исторический (ментальные, этнические, религиозные основания) и гражданский уровни, обеспечивающие национальную безопасность стран-субъектов и всего Каспийского макрорегиона через реализацию ее политического, экономического, культурного ресурсов» [18, с. 30]. Возникает резонный вопрос – всегда ли совпадают политические, экономические и культурные интересы прикаспийских государств, чтобы однозначно говорить о возможностях обеспечения национальной безопасности всего макрорегиона? Думается, что все же проблематику взаимосвязи общегосударственной идентичности и национальной безопасности целесообразнее рассматривать в контексте отдельных государств, а не в рамках макрорегиональных межгосударственных отношений.

В целом, подводя итог проведенному обзору имеющихся исследований по проблематике взаимосвязи политической идентичности российской молодежи с обеспечением национальной безопасности страны, можно констатировать следующее.

Авторы большинства рассмотренных нами работ не подвергают сомнению значимость формирования общегражданской идентичности в качестве важнейшей предпосылки обеспечения национальной безопасности современной России. Выявляя проблемы в данной области, исследователи делают акцент на рисках, связанных с наличием этнической, религиозной, региональной идентичностей. Приоритетное значение этих локальных идентичностей в качестве мотивационного фактора поведения несет серьезную угрозу национальной безопасности страны. После начала СВО российские властные структуры продемонстрировали осознание данной угрозы и существенно изменили и усилили стратегию государственной политики по формированию общегражданской идентичности.

В большинстве рассмотренных нами работ специфика политической идентификации российской молодежи рассматривается чаще всего в ряду всех возрастных групп населения. В работах, посвященных непосредственно различным возрастным группам российской молодежи, акцент делается на социально-психологической специфике цифрового поколения, на особенностях его коммуникации и способах получения политической информации, на особенностях восприятия и ранжирования ценностей в качестве факторов политической идентификации. Тем самым проблема взаимосвязи общегражданской идентичности подрастающего поколения и обеспечения национальной безопасности современной России не выделяется отдельным исследовательским направлением в качестве самостоятельной научной проблемы. На наш взгляд, данный ракурс очень важен с теоретической и практической точек зрения, поскольку именно от позиционирования российской молодежи в отношении государства и основных направлений его политики в значительной степени зависит решение всех накопившихся проблем в российском обществе.

Список литературы

1. Абрамов А. В., Буров А. С., Вишну Б. Д., Габдулина Б. А., Джанаева А. Э., Калфаоглу Р., Капицын В. М., Чжусён К., Кокурина О. Ю., Костина А. М., Сергазин Е. Ф., Цзянина Ш., Шапаров А. Е. Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1212>
2. Биринчи Э., Зверева М. С., Капицын В. М., Карамеев А. Ю., Пашин М. М., Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е. Национально-государственная идентичность: методологические и исторические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>, EDN: MGNHWH
3. Вилков А. А. Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY
4. Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 5–9. EDN: TGWZDG
5. Расторгуев С. В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 89–96. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96>
6. Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE
7. Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices // Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2023. Vol. 23, iss. 3. P. 313–324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324>, EDN: GVTOGV
8. Худолеев А. Н. Формирование новых национальных идентичностей как угроза национальной безопасности России // Обзор.НЦПТИ. 2017. № 2 (11). С. 8–13.
9. Кутулин С. А. Мониторинг формирования общероссийской гражданской идентичности в системе политики обеспечения национальной безопасности РФ (на материалах г. Москвы и Краснодарского края) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 306–310. EDN: OHVEET
10. Топчиев М. С. Геополитический потенциал национальной идентичности в обеспечении социетальной безопасности России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 218–224. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_218
11. Воротынцева И. Н. Конструирование российской гражданской идентичности как направление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 68–73.
12. Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Майкоп, 24–25 апреля 2014 г.) / отв. ред. Р. Д. Хунагов. М. ; Майкоп ; Ростов н/Д : Изд-во АГУ, 2014. 398 с.
13. Обринская Е. К. Проблема идентичности в контексте обеспечения национальной безопасности // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 10-1 (22). С. 205–209. EDN: WXDEPR
14. Скворцов И. П. Потенциал идентичности в укреплении национальной безопасности России // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 281–284. EDN: TAIYZD
15. Старостин А. М., Старостин А. А. Национально-государственная идентичность современного российского общества в контексте национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8 (63). С. 24–28. EDN: TZXLUB
16. Гордиенко Ю. Н. Национальная идентичность в системе региональной безопасности // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 352–355. EDN: YTHOXB
17. Мартынова М. Ю., Григорьева Р. А. Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3 (17). С. 128–144. EDN: YCKHBJ
18. Храпов С. А. Национальная идентичность в контексте вопроса безопасности Каспийского макрорегиона // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2022. Т. 2, № 1. С. 21–34.

Поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 482–488

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 482–488

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-482-488>, EDN: UYEMVB

Научная статья

УДК 323.212

Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере патриотического воспитания: опыт Нижегородской области

И. П. Юшков

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Юшков Илья Петрович, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, ilya.yushkov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0231-3523>

Аннотация. Исследование фокусируется на анализе коммуникативных и программно-целевых подходов в области патриотического воспитания и их практической реализации на региональном уровне. Целью данного исследования является определение особенностей и значимости патриотического воспитания в Нижегородской области. В рамках работы были выявлены ключевые параметры деятельности органов публичной власти различных уровней, направленные на поддержку и развитие патриотизма как в Российской Федерации в целом, так и в отдельно взятом регионе. Особое внимание уделено вкладу институтов гражданского общества в процесс патриотического воспитания на территории области и развитию соответствующего института. Исследовательский интерес также проявляется в контексте молодежной политики. Результаты исследования подчеркивают опыт региональной политики Нижегородской области в следующих аспектах: постоянное совершенствование института патриотического воспитания в соответствии с условиями, создаваемыми региональным аппаратом публичной власти; коммуникативно-программно-целевой подход как фундамент патриотического воспитания в регионе; вызовы и тенденции, характерные для Российской Федерации в целом в условиях трансформации однополярного мира, определяют специфические параметры для публичной власти Нижегородской области в сфере поддержки и развития патриотизма; выявление перспектив развития института патриотического воспитания в регионе; расширение коммуникативного подхода между институтами гражданского общества и органами публичной власти способствует укреплению патриотической основы в Нижегородской области.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, институт гражданского общества, публичная власть, Нижегородская область, молодежная политика

Для цитирования: Юшков И. П. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере патриотического воспитания: опыт Нижегородской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 482–488. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-482-488>, EDN: UYEMVB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Interaction of public authorities and civil society institutions in the field of patriotic education: The experience of the Nizhny Novgorod region

I. P. Yushkov

National Research Mordovia State University, MRSU, 68 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russia

Ilya P. Yushkov, ilya.yushkov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0231-3523>

Abstract. The research focuses on the analysis of communicative and program-oriented approaches in the field of patriotic education and their practical implementation at the regional level. The purpose of this study is to determine the features and significance of patriotic education in the Nizhny Novgorod region. As part of the work, key parameters of the activities of public authorities at various levels aimed at supporting and developing patriotism both in the Russian Federation as a whole and in a particular region were identified. Special attention is paid to the contribution of civil society institutions to the process of patriotic education in the region and development of the relevant institution. Research interest is also evident in the context of youth policy. The results of the study highlight the experience of the regional policy of the Nizhny Novgorod region in the following aspects: continuous improvement of the institute of patriotic education in accordance with the conditions created by the regional apparatus of public authority; a communicative, program-oriented approach as the foundation of patriotic education in the region; challenges and trends typical for the Russian Federation as a whole in the context of the transformation of the unipolar world, determine specific parameters

for the public authorities of the Nizhny Novgorod region in the field of support and development of patriotism; identification of prospects for development of the institute of patriotic education in the region; expansion of the communicative approach between civil society institutions and public authorities contributes to the strengthening of patriotic fundamentals in the Nizhny Novgorod region.

Keywords: patriotic education, institute of civil society, public authorities, Nizhny Novgorod region, youth policy

For citation: Yushkov I. P. Interaction of public authorities and civil society institutions in the field of patriotic education: The experience of the Nizhny Novgorod region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 482–488 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-482-488>, EDN: UYEMVB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуализация, вызовы и риски диалога власти и институтов гражданского общества в патриотическом дискурсе

Государственная структура, основанная на принципах репрезентативности и легитимности социальных институтов, которые способствуют развитию и воспитанию граждан, предусматривает укрепление патриотических ценностей среди населения. Инициирование социальной и гражданской ответственности, активной жизненной позиции и участие в защите социального порядка и государственных интересов способствуют созданию условий для консолидации власти и динамично развивающегося гражданского общества в контексте патриотического воспитания. Реализация такого взаимодействия гражданских инициатив и государственных структур возможна при условии вовлечения всех уровней управления – от федерального до регионального и муниципального, включая образовательные учреждения и общественные объединения, для решения комплекса задач, связанных с патриотическим воспитанием.

Современные тенденции демонстрируют множество вызовов для патриотических устоев: международные конфликты, связанные с дезинтеграцией однополярной системы мирового порядка; атаки на традиционные ценностные системы; критический пересмотр роли России и ее исторической перспективы; распространение идеологически деструктивных течений, таких как неонацизм; проникновение инородных моделей поведения, продвигаемых западными странами. Эффективным средством противодействия этим тенденциям является консолидированное гражданское общество, которое ведет активный диалог с государственными органами власти и реагирует через систему патриотического воспитания национального масштаба.

В рамках научного дискурса следует подчеркнуть, что концепция патриотического воспитания обретает новое значение в свете современных военных действий, которые демонстрируют специфику военно-патриотических

устремлений и особенности трактовки патриотизма через призму национальной обороны. Задачи специальной военной операции охватывают противодействие ряду проблем, обозначенных в предшествующих предложениях, что делает военную составляющую патриотизма ответом на эти вызовы. Однако, учитывая, что определенные категории граждан по различным причинам не могут участвовать в боевых действиях, существует опасность сужения понимания патриотизма до его исключительно военно-оборонительного аспекта. Такая одномерность в интерпретации ограничивает методологические рамки, исключая из поля зрения аспекты гражданского воспитания и игнорируя социально-демографические слои, не способные к участию в военных действиях. Следовательно, возникает необходимость в трансформации патриотического воспитания в более комплексную систему, способную реагировать на вызовы, стоящие перед различными уровнями социальной структуры, включая государственные и гражданские институты. При этом, несмотря на преобладание военно-защитной риторики, существуют исследования, указывающие на постепенное изменение восприятия патриотизма, с акцентом на его гражданские аспекты, которые становятся все более значимыми в сознании молодого поколения [1, с. 64].

Одной из ключевых проблематик в контексте системы патриотического воспитания является недостаточность коммуникативного взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества. Концепции национального строительства и патриотизма подразумевают не только вертикальную интеграцию властных уровней (от регионального к федеральному), но и горизонтальное сотрудничество (между государством и гражданскими институтами). Фундаментальным аспектом национального строительства является синергия усилий данных субъектов, а активизация дискуссий по актуальным социально-политическим вопросам способствует укреплению национальной идентичности и развитию патриотического воспитания [2, с. 27–28]. Современное состояние патриотического воспи-

тания молодежи характеризуется проблемой эволюции ценностей, что требует всестороннего развития системы общественной работы с молодежью, адекватного информирования и вовлечения в социальную активность через механизмы государственной поддержки [3, с. 290].

Наличие пробелов в патриотической концепции государства порождает необходимость в регламентации деятельности гражданских институтов и повышении эффективности взаимодействия органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Усиление патриотических настроений в обществе коррелирует с активностью гражданских институтов в сотрудничестве с государственными органами в контексте патриотического воспитания [4, с. 139].

В качестве эмпирической основы для аргументации вышеуказанных положений был использован опрос, проведенный на территории Нижегородской области. В 2023 г., согласно опросу, значительная часть респондентов (60%) выразили мнение о необходимости поддержания патриотического воспитания в школах при условии создания программ, которые направлены на двустороннюю коммуникацию между гражданами и государственными структурами для эффективного развития патриотического воспитания¹. В контексте стратегического развития Российской Федерации особое внимание уделяется формированию основ патриотического воспитания молодежи. Это достигается через активное включение молодых людей в проекты и программы, целью которых является культивирование патриотических ценностей. Соответствующие государственные инициативы и условия для реализации данной задачи находят свое отражение и закрепление в Указе Президента РФ, который определяет национальные цели развития страны на период до 2030 г. и долгосрочную перспективу до 2036 г., подчеркивая значимость патриотического компонента в образовательной политике государства². Таким образом, актуальность исследования заключается в анализе динамики коммуникативного взаимодействия в сфере патриотического воспитания между гражданскими институтами и государственными органами власти в контексте конкретного региона – Нижегородской области.

¹ Читатели ИА «Время Н» высказали свое мнение о патриотическом воспитании. URL: <https://www.vremya.n.ru/news/528227> (дата обращения: 08.05.2024).

² Путин поручил создать условия для патриотического воспитания на основе российских традиций. URL: <https://tass.ru/politika/20735795> (дата обращения: 08.05.2024).

Следует подчеркнуть, что патриотическое воспитание в Российской Федерации сегодня сталкивается с комплексом рисков и вызовов, требующих всестороннего и мультидисциплинарного подхода к решению. Задачи специальной военной операции охватывают противодействие ряду проблем, обозначенных в самом начале статьи, что делает военную трактовку патриотизма ответом на эти вызовы, но в то же время появляется угроза сужения одномерности понимания патриотизма через военно-оборонительный аспект. В этой связи появляется необходимость отхода от одномерной трактовки патриотизма и переход к комплексному формированию патриотизма, отражающего потребности различных социально-демографических групп. Усиление коммуникативных процессов между государственными органами и институтами гражданского общества на всех уровнях управления способствует эффективному решению задач патриотического воспитания. Активное включение граждан в диалог по вопросам патриотической направленности будет способствовать формированию национальной идентичности и патриотического сознания, особенно в молодежной среде. Таким образом, интегрированные усилия всех заинтересованных сторон в процессе патриотического воспитания необходимы для достижения поставленных целей. Отметим, что для достижения национальных целей развития, определенных Указом Президента РФ, необходимо усиление патриотических настроений и идентичности через систему образования и социальной работы с молодежью. Интегрированные усилия всех заинтересованных сторон, включая образовательные учреждения и общественные объединения, будут способствовать формированию устойчивого патриотического сознания и поддержанию социального порядка в условиях современных вызовов не только для государства, но и для ряда регионов, в том числе и Нижегородской области.

Нормативная основа взаимодействия власти и гражданского общества в патриотическом блоке

Нормативно-правовая основа взаимодействия государственных органов с институтами гражданского общества определяется основополагающим законодательным актом Российской Федерации – Конституцией. Согласно ст. 67.1, дети определены как центральный объект государственной политики, и государство обязуется создавать условия для их гармоничного развития в духовной, нравственной, ум-

ственной и физической сферах, а также для воспитания патриотических качеств³. В четвертой части той же статьи роль детей в контексте социальной идентичности государства уточняется через предоставление конституционных гарантий, направленных на защиту интересов ребенка и обеспечение его развития как будущего полноценного гражданина.

В контексте национального проекта «Образование» с начала 2021 г. функционирует федеральный проект «Патриотическое воспитание». В документации проекта указано, что к завершению срока его реализации в конце 2024 г. ожидается увеличение числа студенческих патриотических объединений; повышение уровня интеграции школьников в общественно-государственные структуры, такие как Российское движение школьников (РДШ); активное участие во всероссийских конкурсах, включая «Большая перемена». Организация мероприятий, направленных на патриотическое воспитание, является ключевым элементом интеграционных процессов в государстве, где образовательные учреждения выступают в роли основы для будущих институтов гражданского общества⁴.

В 2016 г. Законодательным собранием Нижегородской области был утвержден закон, который закрепил направления, принципы и цели патриотического воспитания в регионе. Документ определяет граждан региона в качестве объектов патриотического воспитания и устанавливает в качестве субъектов органы региональной и муниципальной власти, образовательные и культурные учреждения, общественные объединения и средства массовой информации⁵. Ключевую роль в реализации закона играет координационный совет, который отвечает за разработку стратегий и контроль за исполнением программ патриотического воспитания на

региональном и федеральном уровнях, включая упомянутый федеральный проект «Патриотическое воспитание». Координационный совет также занимается созданием рабочих групп для взаимодействия с институтами гражданского общества и общественными организациями, направленных на формирование приоритетов в сфере патриотического воспитания⁶. В 2022 г. заместитель председателя Законодательного собрания Нижегородской области подчеркнул важность консолидации усилий депутатского корпуса, членов Молодежного парламента, общественных и образовательных организаций для эффективной работы в военно-патриотическом направлении⁷.

Необходимо акцентировать значимость Общественной палаты как субъекта, способствующего укреплению патриотического диалога между государственными органами и институтами гражданского общества. Исходная миссия Общественной палаты заключается в создании платформы для взаимодействия участников процесса патриотического воспитания. Формирование первых составов Общественной палаты в Нижегородской области, аналогично общероссийскому процессу, началось в 2006–2007 гг., при этом первый состав был утвержден 12 января 2007 г.⁸ Общественная палата задействована в обеспечении общественных интересов и координации с государственными органами власти⁹. В частности, деятельность комиссии Общественной палаты региона, возглавляемая Романом Голубиным, направлена на реализацию государственной политики по укреплению духовно-нравственных ценностей, акцентируя внимание на развитии региона в контексте поликонфессиональности и многонациональности¹⁰.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 1-ФКЗ, 04.10.2022 № 5-ФКЗ, 04.10.2022 № 6-ФКЗ, 04.10.2022 № 7-ФКЗ, 04.10.2022 № 8-ФКЗ). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 29.03.2024).

⁴ Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». URL: <https://domtovorzestva.68edu.ru/wp-content/uploads/2023/08/Федеральный-проект-Патриотическое-воспитание.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

⁵ О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской области : закон Нижегородской области от 01.08.2016 № 102-3. URL: <https://minobr.nobl.ru/documents/active/56836/> (дата обращения: 29.03.2024).

⁶ О создании координационного совета по патриотическому воспитанию и подготовке граждан к военной службе в Нижегородской области : распоряжение Правительства Нижегородской области от 20.06.2006 № 442-з (ред. от 17.01.2024 № 24-р). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=152025862&backlink=1&nd=152014913> (дата обращения: 29.03.2024).

⁷ Нижегородские парламентарии обсудили идею создания координационного центра по военно-патриотическому воспитанию. URL: <https://www.zsno.ru/press-service/news/399152/> (дата обращения: 29.03.2024).

⁸ Общественная палата Нижегородской области отмечает 15 лет работы. URL: <https://opno52.ru/tpost/lfcyo92ce1-obschestvennaya-palata-nizhegorodskoi-ob> (дата обращения: 29.03.2024).

⁹ Об Общественной палате Нижегородской области : закон Нижегородской области от 24.12.2018 № 143-3 (с изм. на 14.12.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/465587276> (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁰ Заседание Общественной палаты региона. URL: <https://opno52.ru/tpost/71hgh5b51-zasedanie-obschestvennoi-palati-regiona> (дата обращения: 25.03.2024).

Анализ нормативного регулирования в сфере патриотического воспитания на территории Нижегородской области выявляет его значительную информационную насыщенность. Тем не менее данный комплекс документов демонстрирует ограниченную адаптивность к текущим социокультурным реалиям. В контексте глобализации и усиливающихся процессов дезинтеграции международной системы указанный нормативный комплекс сталкивается с проблемами, которые могут подрывать его эффективность. Ключевыми среди них являются изменения в международном политическом ландшафте и недостаточная разработанность механизмов коммуникации между государственными органами и гражданским обществом. Эти условия способствуют формированию новой парадигмы и подходов к патриотическому воспитанию на региональном и национальном уровнях. Несмотря на сформулированную в 2023 г. задачу разработки обновленной программы патриотического воспитания, на данный момент она еще не была представлена¹¹. Развитие коммуникативного подхода и его адаптация к условиям дезинтегрирующегося мира могут стать основой для следующего этапа трансформации нормативной базы патриотического воспитания в Нижегородской области.

Взаимодействие органов государственной власти региона и институтов гражданского общества в сфере патриотического воспитания

Государственная и региональная стратегии в сфере патриотического воспитания молодежи играют ключевую роль, поскольку они направлены на формирование патриотических ценностей с детства. В контексте идеологических вызовов существует риск дестабилизации взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества, особенно в свете влияния западных исторических нарративов, что может привести к неправильным моральным толкованиям. В этой связи 25 апреля 2024 г. Нижний Новгород стал местом проведения тематического мероприятия Министерства обороны РФ под названием «Сила в правде», цель которого – противостоять искажению исторических фактов и демонстрировать достижения Российской армии и флота¹².

¹¹ В Нижегородской области разрабатывается новая программа патриотического воспитания. URL: <https://дом-единства.рф/news/v-nizhegorodskoj-oblasti-razrabatyvaetsya-novaya-programma-patrioticheskogo-vozpitanija/> (дата обращения: 08.04.2024).

¹² Поезд «Сила в правде» прибывает в Нижний Новгород 25 апреля. URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/poezd-sila-v-pravde-pribudet-v-nizhny-novgorod-25-aprelya> (дата обращения: 25.04.2024).

В ноябре 2022 г. Корпоративный университет Правительства Нижегородской области стал площадкой для встречи представителей организаций, занимающихся патриотическим воспитанием в регионе. Участие в дискуссии приняли ДОСАФФ, Юнармия, Волонтеры Победы, военно-спортивные клубы, ветеранские организации, музеи и школы. Основатель КУПНО Сергей Бочаров указал на необходимость поддержки со стороны министерства кадровой и молодежной политики области с целью создания комитета, в который войдут все заинтересованные стороны, для развития патриотического воспитания молодежи¹³. Этот пилотный проект был инициирован в сентябре 2023 г.¹⁴ В настоящее время Корпоративный университет проводит встречи участников направления «Патриотизм» в рамках проекта «Команда молодых», возглавляемого С. Бочаровым, с целью разработки единой концепции патриотического воспитания, открытой для присоединения всех желающих¹⁵.

В рамках региональной инициативы Нижегородской области был организован окружной форум «Содружество», который получил поддержку Росмолодежи и сотрудничал с местной администрацией, Общественной палатой и патриотическим центром «Авангард» на базе Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. Форум сфокусировался на патриотическом воспитании как центральной теме в контексте государственной молодежной политики, актуализируя важность качественного и осмысленного подхода. Отличительной чертой форума стали креативные сессии, в ходе которых участники (молодежь) разрабатывали стратегии для проведения военно-патриотических мероприятий и формирования концепции патриотизма на региональном уровне. В дополнение к основной теме форум также акцентировал внимание на волонтерстве и социальном служении. В результате было представлено более 100 проектов, из которых пять получили официальную поддержку от региональных властей¹⁶.

¹³ Нижегородские общественники приняли участие в создании проекта по патриотическому воспитанию молодежи. URL: <https://oc.мвд.рф/Novosti/item/33484592/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁴ Пилотный проект по патриотическому воспитанию и профориентации молодежи запустят в Нижегородской области. URL: <https://www.zsno.ru/press-service/news/402701/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁵ Команда молодых : [сайт]. URL: <https://kupnokrem1.ru/youthteamnn> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁶ Форум «Содружество» – школа молодых патриотов. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/299111991> (дата обращения: 15.04.2024).

Принцип коммуникативного процесса между органами публичной власти и общественными структурами нашел свое воплощение в организации молодежных форумов на региональном уровне в Нижегородской области, проводимых при поддержке ДОСААФ, патриотического центра «Авангард» и движения «Волонтеры Победы»¹⁷. В контексте форума «Завтра зависит от нас» были представлены ключевые тезисы, соответствующие ранее обозначенным направлениям, включая активное участие публичной власти и молодежных организаций; развитие менторства в сфере образования и воспитания; интеграцию школьников в деятельность общественных организаций, таких как «Волонтеры Победы»; а также использование инструментов для содействия формированию гражданской и социальной идентичности¹⁸.

Круглый стол, организованный Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2 апреля 2024 г. на тему «Участие молодежных организаций в общественной жизни государства», ориентирован на продвижение значимости таких инициатив в контексте укрепления социальной солидарности. Участники мероприятия выразили мнение о ключевой роли молодежных организаций в достижении государственных целей, приводя в пример Министерство обороны РФ и его эффективную работу в сфере патриотического воспитания через различные учреждения, включая «Авангард» и «Юнармию». Обсуждение выявило предложение о создании на региональном уровне консультативных органов для поддержки молодежных общественных организаций¹⁹. В связи с этим с 5 по 8 мая 2024 г. в Нижнем Новгороде запланировано проведение Всероссийского форума «Пик возможностей» под эгидой Росмолодежи с грантовой поддержкой, целью которого является выявление лидерских качеств среди молодежи и стимулирование развития гражданского и патриотического воспитания²⁰.

¹⁷ В Нижнем Новгороде открылся региональный патриотический форум «Завтра зависит от нас». URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/v-nizhnem-novgorode-otkrylsya-regionalnyy-patrioticheskiy-forum-zavtra-zavisit-ot-nas> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁸ Видеозапись форума «Завтра зависит от нас». URL: https://vk.com/video-219985029_456239140 (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁹ Участие молодежных организаций в жизни страны обсудили в Совете Федерации. URL: <https://ysia.ru/uchastie-molodezhnyh-organizatsiyaj-v-zhizni-strany-obsudili-v-sovete-federatsii/> (дата обращения: 08.04.2024).

²⁰ Официальный сайт мероприятия «Пик возможностей». URL: <https://events.myrosmol.ru/forums/pik-vozmozhnostey/> (дата обращения: 25.04.2024).

В контексте трансформации стратегических направлений государственной политики региональная политика Нижегородской области в сфере патриотического воспитания обогащается новым содержанием. Эффективность этой политики в значительной степени зависит от реализации программно-целевого и коммуникативного подходов, осуществляемых публичной властью региона и институтами гражданского общества. Существующая нормативная основа обеспечивает стратегическую рамку для патриотического воспитания, однако она требует дальнейшей адаптации и развития в ответ на современные социокультурные и международные вызовы. Важность координации усилий между региональным уровнем власти и гражданским обществом, а также необходимость интеграции образовательных учреждений и школьников в эти процессы подчеркивает потребность в создании многогранной и гибкой системы патриотического воспитания. Это будет способствовать формированию устойчивых патриотических ценностей и социального порядка в условиях глобализации и изменения международного ландшафта. Таким образом, актуализация и динамичное развитие нормативной базы являются ключевыми для эффективного патриотического воспитания в Нижегородской области. Практические инициативы в данной области имеют важное значение для формирования национальной, гражданской и социальной идентичности. Региональные проекты и форумы, такие как патриотический проект «В кругу СВОих», получающий поддержку как от федерального центра, так и от общественных организаций, демонстрируют принцип коммуникативного взаимодействия государственных структур и гражданских институтов, направленный на развитие патриотического воспитания²¹. Такие инициативы способствуют сотрудничеству специалистов и лидеров в рамках патриотического воспитания, обеспечивая тем самым преемственность поколений и укрепление патриотических ценностей в регионе. Включение образовательных учреждений и общественных объединений в диалог позволит решать задачи патриотического воспитания более эффективно, способствуя формированию устойчивых патриотических ценностей и поддержанию социального порядка в условиях современных вызовов.

²¹ Новый патриотический проект «В кругу СВОих» стартовал в Нижегородской области. URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/novyy-patrioticheskiy-proekt-v-krugu-svoikh-startoval-v-nizhegorodskoy-oblasti> (дата обращения: 25.04.2024).

Список литературы

1. *Маленков В. В.* Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 60–65. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65>, EDN: RUVWWO
2. *Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Национально-культурные автономии в системе диалога власти и гражданского общества: коммуникационное измерение процесса нациестроительства в современной России (на примере Приволжского федерального округа) // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 17–32. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-17-32>, EDN: XZDLNB
3. *Сайганова Е. В.* Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 286–290. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290>, EDN: DOPSPQ
4. *Богданов А. В., Назаров В. Л.* Анализ взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций в части патриотического воспитания молодежи // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы Междунар. молодежной науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 01 апреля 2022 г.) / под общ. ред. А. В. Пономарева. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 135–140. EDN: EGWFAT

Поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2024. Том 24, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

